

ДЕЛЬЦЫ

Эптон Синклер

Пер. - Л.Шварц, Л.Завьялова.

Авт.сб. "Дельцы. Автомобильный король". М., "Правда", 1986.

OCR & spellcheck by HarryFan, 13 July 2001

"ОБЛИЧИТЕЛЬ КОРОЛЕЙ"

Эптон Билл Синклер (1878-1968) прожил девять десятков лет и выпустил девять десятков книг. Книги эти изданы более чем на пятидесяти языках мира. Видный критик Малкольм Каули в коллективной "Литературной истории Соединенных Штатов Америки" констатирует, что Синклер переводился больше какого-либо другого писателя XX века. Международное признание автора "Джунглей", писал он, объясняется рядом причин. Синклера признали любимым писателем международного рабочего движения, а позднее социал-демократов и коммунистов.

Но книги Синклера читали и широкие массы тех стран, где его произведения получили возможность распространяться, отчасти благодаря тому, что действие в них развивается быстро и однопланово, главным же образом из-за того, что каждый его роман, по сути, - документальный очерк об отдельных сторонах американской жизни: промышленности, больших городах, политическом движении или знаменитом судебном процессе. На это важное свойство произведений Эптона Синклера обратил внимание еще в конце 20-х годов его биограф Флорид Делл: "Другие современные наши американские писатели, может быть, - более тонкие психологи и знатоки человеческой природы, может быть, они лучше умеют анализировать и драматизировать извечные страсти человеческие. Но такая американская литература обычно не передает того, что собой представляет Америка в ее характерных чертах. А в романах и очерках Синклера она отражена целиком". Дело не столько в том, что книги его вместили в себя "всю" Америку, а в том, что "он рассматривает американскую жизнь с точки зрения классово-борьбы". [Делл Флорид. Эптон Синклер М-Л, 1928, с. 5-7.]

Книги Синклера действительно давали возможность зарубежному читателю составить представление об Америке начала XX века, но и сама Америка "открывала" по ним себя, гляделась в зеркало, которое отнюдь ей не льстило, а безжалостно говорило в глаза правду. Лучшие произведения Синклера несут в себе сильный социально-критический заряд, и характер этой критики во многом сближает писателя с движением "разгребателей грязи", зародившимся в тот период в американской литературе и журналистике. Представители этого движения (наиболее известным из них стал Линкольн Стеффенс) ставили себе задачу расчистки "авгиевых конюшен" монополистического капитализма США путем предания гласности тайных мошеннических махинаций крупных корпораций и биржевых дельцов, обнародования фактов о злоупотреблениях промышленников и землевладельцев, путем обличения погрязших в коррупции и взяточничестве правительственных чиновников. Одним словом, не посягая на "священные" основы сложившейся в США общественно-экономической системы, "разгребатели грязи" надеялись с помощью реформ, всякого рода призывов ко "всеобщему соблюдению честности и законности", пробуждения сознательности у предпринимателей добиться радикального усовершенствования капитализма.

Их сенсационные разоблачения приводили порой к шумным скандалам, но были не в состоянии искоренить первопричины социального зла. А та "грязь", что представлялась им лишь досадными пятнами на стремительно мчащемся вперед локомотиве экономического развития Америки, была на самом деле даже не "отходом производства", не "шлаком", а питательной средой для буржуазии.

Вслед за Джеком Лондоном Эптон Синклер становится одним из ведущих приверженцев идей социализма в литературе США. Именно с этим направлением связаны его наивысшие творческие достижения, принесшие ему мировое признание. Герберт Уэллс подарил американскому прозаику экземпляр своей "Современной утопии" (1905) со знаменательной надписью: "Первому из верующих в социализм от второго верующего". Такой аспект надписи, видимо, не случаен, - Синклеру был присущ несколько "религиозный" оттенок веры в социализм. В одном из его романов прямо сказано, что социализм - это лишь "новая религия человечества или, можно сказать, - воплощение старой, ибо она подразумевает почти буквальное переложение всех заветов Христа".

Социалистические воззрения Эптона Синклера отличались изрядной наивностью и

противоречивостью. Это отметил еще в 1915 году В. И. Ленин, рассматривая его антимилитаристскую брошюру "Социализм и война": "Синклер-социалист чувства, без теоретического образования. Он ставит вопрос "попросту", возмущаясь надвигающейся волной и ища спасения от нее в социализме... Синклер наивен со своим призывом, хотя этот призыв глубоко верен в основе,-наивен, ибо игнорирует полувековое развитие массового социализма, борьбу течений в нем, игнорирует условия роста революционных действий при наличии объективно-революционной ситуации и революционной организации. "Чувством" этого не заменишь. Суровой и беспощадной борьбы могучих течений в социализме, оппортунистического и революционного, риторикой не обойдешь" [*Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 270-271. 4*]

Однако, несмотря на все свои заблуждения и иллюзии, Эптон Синклер внес неоспоримый вклад в пропаганду социалистических взглядов, в развитие американской реалистической литературы XX столетия. Его романы, пьесы, памфлеты и очерки отличаются откровенной тенденциозностью, которая была обусловлена тем, что, по определению искренне симпатизировавшего ему Бернарда Шоу, Синклер-"писатель-борец с социальным подходом", и литература для него-"средство донести до читателя свои идеи". Поэтому в большинстве случаев его произведения имеют ярко выраженную публицистическую окраску, что иногда, впрочем, идет в ущерб художественности. Сам Синклер признавался, что предпочитает сражаться с социальными недугами Америки не "хрупким оружием поэзии", а "тяжелым мечом современных фактов". Документальность-сильная сторона синклеровского творчества. Оно, несомненно, способствовало формированию и популярности американской "литературы факта", в области которой за послевоенные годы наибольшей, пожалуй, известности достигли такие писатели, как Трумэн Капоте, Артур Хейли и др., в разной форме и с разной степенью мастерства воплощающие в своих книгах документальное начало.

Именно к таким фактам, касаться которых было крайне нежелательно, с точки зрения тузов большого бизнеса, обращался Эптон Синклер во многих своих произведениях.

Самым знаменитым из них стал роман "Джунгли", опубликованный, когда писателю не исполнилось еще и тридцати лет. Этот роман получил общественный, международный резонанс, какой можно сравнить разве только с тем, что был вызван пятьюдесятью годами раньше "Хижинкой дяди Тома" Гарриет Бичер Стоу. Недаром Джек Лондон так и назвал "Джунгли"- "Хижинкой дяди Тома" рабов наемного труда.

Со страстностью Золя молодой писатель обличал бесчеловечное отношение промышленников к рабочим, в особенности к эмигрантам, приехавшим со своими семьями в разрекламированную Америку в поисках заработка. Известный американский писатель Синклер Льюис назвал "Джунгли" романом, "где впервые, словно в лучах безжалостно яркого света, предстала картина жизни людей в тяжелых башмаках и где прямо заявлено, что выход-в социализме". В книге с потрясающей достоверностью были описаны знаменитые чикагские бойни. Выяснилось, что мясные изделия и консервы производятся там в условиях чудовищной антисанитарии, зачастую из заведомо испорченного мяса или из мяса больных коров и свиней. Правительство США под давлением общественности вынуждено было провести специальное расследование на скотобойнях. Выход в свет "Джунглей" сразу же принес Синклеру славу; но самому писателю гораздо в большей степени хотелось привлечь внимание к ужасам поистине рабского труда рабочих в "чреве Чикаго", к невыносимым тяготам их быта.

Прочитав этот роман, который был прислан ему Эптоном Синклером с дарственной надписью, Лев Толстой высоко отозвался о нем: "Удивительная книга. Автор-знаток жизни рабочих. Выставляет недостатки всей этой американской жизни." [*Гусев Н Н Летопись жизни и творчества Л Н Толстого Т. II М, 1960, с 573*]. Кстати, в том же 1906 году, когда "Джунгли" были изданы в Америке, появилось сразу несколько русских переводов романа,-один из них под красноречивым названием "Дебри хищничества и беззакония". Так состоялось первое знакомство с Синклером в России.

Живописание нравов, господствующих в непролазных "джунглях" капитализма, стало главной темой Эптона Синклера. Разработка этой темы была продолжена им в романах "Столица" (1907)

и "Дельцы" (1908), связанных единым героем-Алланом Монтегю. Собственно говоря, эта дилогия, в свою очередь, примыкает к раннему роману писателя "Манассас" (1904), посвященному Гражданской войне между Севером и Югом. Ведь Аллан Монтегю-сын генерала Монтегю из "Манассаса", южанина по рождению, который принимает сторону северян и сражается в рядах их армии против рабовладельческого Юга.

Интересно, что "Столица" ("Метрополис") была посвящена автором Максиму Горькому, который побывал в США в 1906 году и с которым впоследствии у Синклера установилась дружеская переписка. В этом романе внук богатого плантатора, сын генерала армии северян адвокат Аллан Монтегю-младший, приезжает в Нью-Йорк, где еще раньше обосновался его брат Оливер. Город Желтого дьявола, город-спрут затягивает новоприбывшего в омут пустопорожней суеты светского общества; однако Аллан с честью проходит искусы роскошью и праздностью, оставаясь внутренне честным и чистым человеком. Ему претит паразитизм представителей "четырёхсот" привилегированных семейств-фактических хозяев Америки. Он видит, как "бешеные деньги" нравственно калечат людей, и полон решимости избежать этой участи.

Если в "Столице" Эптон Синклер сосредоточился в основном на показе неприглядных сторон "сладкой жизни" нью-йоркской нищей духом "аристократии", то в романе "Дельцы" (по-русски известном также под названием "Деньги") он уделил главное внимание вскрытию механизма биржевых махинаций. Досконально изучив этот механизм, писатель обратился к реальным событиям экономического кризиса, всколыхнувшего в то время всю Америку, и доказал, что вызван он был преднамеренно группой финансовых воротил. В романе обнажаются наиболее распространенные дурно пахнущие приемы, к каким прибегают "акулы Уолл-стрит" для массового улова "мелкой рыбешки". Превратившись, подобно Джиму Хигану, в безжалостные "машины для добывания денег", они ни перед чем не останавливаются ради достижения своих целей-даже перед преступлениями. "Игра в банки", о которой поведал Эптон Синклер,-это нечистоплотная игра без правил: ради выигрыша тут идут на блеф и подкуп, на предательство и подлог, на шантаж и сговор. Грабеж вкладчиков и акционеров сопряжен с жесточайшей конкуренцией наиболее туго набитых "денежных мешков" между собой.

Синклера нередко справедливо упрекают за излишнюю сухость изложения фактов, за "репортерский" стиль его романов, за известную "одномерность" героев. Что ж, этих недостатков не лишены и "Дельцы". Аллану Монтегю, к примеру, в книге отводится чисто голубая роль, и образ этот маловыразителен, хотя по замыслу именно он должен символизировать позитивную программу писателя. Как и газетчику Бейтсу, юристу Монтегю удается время от времени заглядывать за кулисы той бесчеловечной комедии, которую разыгрывает его преподобие Капитал, и видеть своими глазами, как кукол набивают опилками". Будучи индивидуалистом, Аллан способен противопоставить всему этому лишь свою личную порядочность и веру в то, что когда-нибудь, авось, появится "человек с совестью и громким голосом", который сумеет навести порядок. Совесть у самого Аллана, безусловно, есть, но вот громким голосом он явно не обладает, хотя и намеревается в финале бороться с несправедливостью, а для этого хочет заняться политикой, попытаться "открыть глаза народу". Линию взаимоотношений Аллана Монтегю с Лаурой Хиган, едва намеченную здесь, Синклер предполагал продолжить в следующем произведении (которое так и не было написано). Там эти взаимоотношения должны были увенчаться счастливым браком, причем Лаура наотрез отказывалась от несправедливо нажитого отцовского наследства и вместе с мужем посвящала себя борьбе с пороками буржуазного общества- в основном путем благотворительности и просветительской деятельности.

Факты, которые "раскопал" Синклер для романа "Дельцы", могли бы быть изложены в виде социологического трактата или серьезного очерка, но в целях беллетризации писатель на основе их сконструировал достаточно увлекательный, местами почти детективный сюжет, придав ему к тому же мелодраматическую окраску. Такая окраска связана с образом давней знакомой Аллана-Люси Дюпрэ, очаровательной двадцатидвухлетней вдовы. Из-за нее-то и развернулась "конкурентная борьба" между двумя банкирами-Стенли Райдером, которого она любит, и старым Даном Уотерманом. В результате решения, принятого под давлением Дана Уотермана на конференции финансовых "титанов", поднимается невиданная паника на бирже; Стенли Райдер

разорен и кончает жизнь самоубийством. Люси Дюпрэ, сознавая, что виной всему она, принимает яд.

Синклер, конечно, многое упрощает, объясняя одно из сильнейших потрясений на нью-йоркской бирже мезью за неразделенную страсть могущественного магната. Но он несколько не преувеличивает, когда утверждает, что люди, подобные Дану Уотерману, могут спокойно творить любое беззаконие в Америке, подмятой "железной пятой" монополий; в состоянии возвысить или уничтожить всякого противника и даже навязать свою волю правительству и президенту страны.

Своими книгами Эптон Синклер не раз пытался расшатать троны некоронованных американских королей биржи, тушенки, прессы, стали, нефти, угля (один из его романов так и называется - "Король Уголь"). И вот во второй половине 30-х годов писатель обратился к личности еще одного короля-автомобильного. Роман "Автомобильный король" (1937) имеет подзаголовок "История фордовской Америки", посвящен он становлению "империи" Генри Форда (1863-1947) и вышел в свет - что уместно теперь напомнить - еще при жизни ее основателя.

Как раз когда у Синклера вызревал замысел написать этот роман - осенью 1935 года, - в Соединенные Штаты на борту французского трансатлантического лайнера "Нормандия" прибыли два советских писателя - Илья Ильф и Евгений Петров, уже прославившиеся к тому времени "Двенадцатью стульями" и "Золотым теленком". Чтобы набрать материал для книги путевых очерков "Одноэтажная Америка", им пришлось дважды пересечь страну из конца в конец, покрыв расстояние в десять тысяч миль, и сделали они это на машине марки "Форд", убедившись в ее несомненных достоинствах. Им довелось побывать в центре фордовской автомобильной промышленности - городе Дирборн - и даже повидать самого мистера Форда.

"На главном фордовском конвейере люди работают с лихорадочной быстротой, - свидетельствуют И. Ильф и Е. Петров. - Нас поразил мрачно-возбужденный вид людей, занятых на конвейере. Работа поглощала их полностью, не было времени даже для того, чтобы поднять голову..."

Конвейер движется, и одна за другой с него сходят превосходные и дешевые машины. Они выезжают через широкие ворота в мир, в прерию, на свободу. Люди, которые их сделали, остаются в заключении. Это удивительная картина торжества техники и бедствий человека" [*И. Ильф, Е. Петров. Собр. соч. в 5-ти томах, т. 4. М., 1961, с. 140, 153-154.*].

А вот каким предстал перед ними сам Генри Форд: "Это был худой, почти плоский, чуть сгорбленный старик с умным морщинистым лицом и серебряными волосами. На нем был свежий серый костюм, черные башмаки и красный галстук. Форд выглядел моложе своих семидесяти трех лет, и только его древние коричневые руки с увеличенными суставами показывали, как он стар. Нам говорили, что по вечерам он иногда танцует... Форд приходит на работу вместе со всеми и проводит на заводе весь день. До сих пор он не пропускает ни одного чертежа без своей подписи... Многих старых рабочих своего завода Форд знает и называет по имени: "Хелло, Майк!" или "Хелло, Джон!". А Майк или Джон тоже обращаются к нему - "Хелло, Генри!". Здесь они как бы равны, они вместе делают автомобили. Продавать автомобили будет уже один старый Генри. А старый Майк или старый Джон сработаются и будут выброшены на улицу, как выбрасывается сработавшийся подшипник" [*И. Ильф, Е. Петров. Собр. соч. в 5-ти томах, т. 4. М., 1961, с. 428-429.*]

Таким сработавшимся старым подшипником ощутил себя в романе "Автомобильный король" Эбнер Шатт, когда очутился однажды на улице уволенным после того, как верой и правдой четверть века проработал на Форда. Эптон Синклер строит свой роман-памфлет по принципу параллельного описания блистательной карьеры Генри Форда и тяжелой жизни семьи одного из рядовых его рабочих - Эбнера Шатта. Такой прием позволил писателю с особой наглядностью показать социальный контраст двух миров - бедных и богатых. Показать, что процветание единиц оплачено потом и кровью сотен тысяч тех, для кого "американская мечта" обернулась "американской трагедией".

Роман Синклера начисто разрушает миф об американском обществе как "обществе равных возможностей", который до сих пор находится на вооружении буржуазной пропаганды, окружившей легендой имя Генри Форда. "Кивая на Генри Форда, буржуазные мудрецы поучают миллионы безработных, что Америка-истинная страна свободной инициативы, где каждому открыты одинаковые возможности преуспевания; если же вам не удалось стать миллионером, подобно Форду, пеняйте лишь на самого себя,-указывала в рецензии на роман профессор А. Елистратова.- Разоблачая миф о Форде-филантропе, Синклер разоблачает тем самым миф о "добром капиталисте" вообще, миф о возможности "сотрудничества" между трудом и капиталом, так долго насаждавшийся в США лидерами "Американской федерации труда".]"*Книга и пролетарская революция*", 1938. № 12, с. 124.]

Генри Форд никогда по-настоящему не пытался облегчить положение своих рабочих. Некоторые же его начинания, преследующие цель прослыть "хорошим капиталистом", были не чем иным, как возведением в рекламных целях "фальшивого фасада", какой имела еще его самая первая кустарная мастерская в Детройте. По поводу этого Синклер саркастически замечает: "Много таких фальшивых фасадов в Америке и не только на зданиях".

Ф. М. Достоевский писал: "Что такое человек без миллиона? Человек без миллиона есть не тот, который делает все, что угодно, а тот, с которым делают все, что угодно"

У Эбнера Шатта нет миллиона-и поэтому он несвободен, поэтому с ним "делают все, что угодно" Но, оказывается, несвободен и Генри Форд-владелец не миллиона, а целого миллиарда: "Когда он начинал жизнь, у него была решимость сделать свою жизнь значительной; и вот он стал миллиардером - и деньги держали его, как паутина держит муху. Самый могущественный человек в мире был беспомощен в тисках миллиарда долларов. Никогда не думал он быть таким, каким сделали его деньги. Они были хозяевами не только его поступков, но и его мыслей, так что Генри не знал, во что он превратился; он был слеп не только к тому, что творилось на его предприятиях, но и к тому, что происходило в его душе",-пишет Э.Синклер. Так "хороший парень" из Детройта, великолепный механик, обуреваемый романтическими мечтами, превратился в "пленника миллиарда долларов"-холодного, расчетливого, бесчувственного к страданиям других промышленного феодала,- и эту эволюцию Синклеру удалось убедительно запечатлеть на страницах своего произведения.

Быть может, не столь ярко, но довольно точно обрисована писателем на примере семейства Шаттов тогдашняя ситуация в американской рабочей среде. Синклер с сочувствием повествует о главе этого семейства-"старой заводской кляче" Эбнере, сторонящемся политики, слепо верящем, несмотря на все обрушивающиеся на него удары, в своего кумира и "благодетеля" мистера Форда. В честь "автомобильного короля" он даже назвал одного из своих сыновей Генри Фордом. Тот оправдал такую честь: начав с участия в воровской шайке, подзаработав на контрабандной торговле спиртным и пройдя школу гангстеризма, он с успехом воспользовался приобретенными навыками на добропорядочной службе в "секретном отделе" фордовской компании. С самого начала верноподданным "империи" Форда стал и старший сын Эбнера Шатта-прилежный и законопослушный Джон Крок. Но вот с младшим сыном-Томом-все вышло иначе: окончив Мичиганский университет и вернувшись в родные края, он делается "красным" профсоюзным агитатором. О борьбе рабочих за свои права в романе рассказано не столь подробно, как об их угнетении, но со всей определенностью ощутимо, что автор солидаризируется с этой борьбой.

В книге "Одноэтажная Америка" И. Ильф и Е. Петров поведали не только о встрече с Фордом, но и о свидании с Эптоном Синклером, которое произошло в калифорнийском городке Пассадена. Более подробно это свидание описал Е. Петров-уже после смерти своего соавтора-в статье "Эптон Синклер и Генри Форд".

С тех пор она не перепечатывалась, и потому хотелось бы ее процитировать: "Синклер искренне нам обрадовался. К нашему удивлению, он читал "Золотого тельца", который несколько лет назад вышел в Америке. Но он был рад нам не только как писателям, но и просто как людям из Советского Союза. Синклер был в сером летнем костюме, кожаных сандалиях, с суковатой

искривленной палкой в руке. Теплый калифорнийский ветерок шевелил его легкие седые волосы. В какой-то степени он напоминал общеизвестный американский тип румяного, седовласого и веселого джентльмена, который в определенные часы сидит без пиджака в своей конторе и делает доллары, в определенные часы пьет коктейль и, добродушно посмеиваясь, отплясывает с молодежью фокстроты. Но достаточно было заглянуть в его глаза-светлые, горящие, я бы сказал, сияющие, чтобы стало ясно: это человек мысли и чувства, человек ищущий, страдающий, душевный".

Далее Е. Петров высоко оценивает роман "Автомобильный король", только что опубликованный в СССР в журнале "Интернациональная литература": "Автомобильный король" - образцовый публицистический роман. Он переполнен цифрами и фактами, что не только не уменьшает, но скорее увеличивает интерес к роману. Эти факты и цифры входят в ткань романа с такой же убедительностью и силой, с какой вошли факты и цифры, скажем, в "Испанский дневник" Михаила Кольцова... И если в романе "Автомобильный король" Эптон Синклер не делает никаких выводов, а просто показывает, как из "хорошего парня" Генри Форд превратился в душителя рабочего класса, то нужны ли эти выводы? Мне кажется, что не нужны. Нет никакого сомнения, что, прочитав роман, любой рабочий из буржуазного мира сделает свой вывод, и такой вывод, от которого не поздоровится его хозяину. В особенности такому хозяину, как Форд, который лицемерно делает вид, что заботится о рабочих. Роман "Автомобильный король" - это настоящий призыв к действию, особенно сильный тем, что решение действовать не продиктовано автором, а появляется естественным путем в сознании самого читателя".

Заключает свой обстоятельный разбор романа Е. Петров словами: "Эптон Синклер провел блестящую параллель между жизнью богача Генри и бедняка Эбнера. Хотелось бы провести параллель между жизнью Форда и самого Синклера. После встречи "идеалиста" Форда с идеалистом Синклером утекло много воды Генри делал свой миллиард и в конце концов превратился в самого свирепого эксплуататора и подлого покровителя фашистов. Синклер мог бы в своей области тоже стать богачом. Достаточно ему было только немного изменить свою тематику. Но он богачом не стал. Он пошел по линии наибольшего сопротивления. Он отдал свое перо рабочему классу" [*Литер. газета, 1938, 20 сент.*].

Эптон Синклер действительно всемерно стремился содействовать своим пером социальному прогрессу в Америке, хотя не смог избежать за долгие годы творческого труда некоторых колебаний и уступок конформизму (особенно в серии романов о Ланни Бэдде). Именно книгами, пронизанными "святым социальным беспокойством", как отметила известная чешская писательница Мария Пуйманова, он снискал себе славу во всем мире.

В связи с 60-летием Э. Синклера советские писатели Н. Вирта, А. Караваева, В. Катаев, М. Кольцов, П. Павленко, Е. Петров, Л. Соболев, А. Толстой, К. Тренев, А. Фадеев опубликовали приветственное письмо, в котором говорилось: "Мы ценим Вас как художника за искренность Ваших произведений, за разоблачение язв капиталистического строя, за симпатии к эксплуатируемым... Мы ценим Вас за симпатии к борцам антифашистского фронта, за то, что Вы-участник этого фронта-своими книгами поднимаете массы для уничтожающего отпора фашизму... Вы поняли роль СССР в деле борьбы за идеалы человечества, за культуру, за благополучие масс и за мир" [*Там же.*].

Многие произведения Синклера не утратили до сих пор разоблачительной силы, ибо не изжиты еще и не могут быть изжиты в условиях капитализма запечатленные в них конфликты и те изъяны системы, которые он бичевал со всей Энергией своего таланта, призывая к более справедливому мироустройству.

Для советских читателей Эптон Синклер близок еще и тем, что он был одним из первых американских писателей, приветствовавших Великую Октябрьскую революцию,-это нашло отражение в романе "Джимми Хиггинс" (1919). Он искренне радовался успехам Страны Советов, за которыми внимательно следил еще со времени первых пятилеток. И буквально перед самой кончиной просил прогрессивного американского публициста Джозефа Нортона передать от его

имени советским людям: "Продолжайте делать то, что вы делаете. Все человечество будет благодарно вам за это. Сверхчеловеческие свершения ваши грандиозны".

Святослав Бэлза

Глава 1. Знакомство с Люси Дюпрэ

- Мне не терпится познакомиться с этой Люси Дюпрэ, - сказал Реджи Манн.

- Кто вам о ней говорил? - спросил Аллан Монтегю.

- Олли рассказывает о ней всем и каждому. Звучит нечто поистине удивительное, но боюсь - он преувеличивает.

- Похоже, все склонны преувеличивать, когда речь заходит о Люси, - заметил Монтегю.

- Не скрою, она меня интересует, - ответил Реджи.

Аллан Монтегю посмотрел на него и улыбнулся.

Реджи не проявил заметного интереса к этому разговору. Он зашел, чтобы сопровождать Алису в церковь, был одет с иголки и надушен; в петлице у него красовалась великолепная красная орхидея. Монтегю, откинувшись в кожаном кресле, наблюдал за ним и улыбался при мысли, что Реджи смотрит на Люси, как на редкий цветок, которым он мог бы привлечь к себе внимание на Авеню.

- Она высокая или небольшого роста? - спросил Реджи.

- Примерно вашего, - ответил Монтегю (Реджи был невысок).

В этот момент вошла Алиса в новом весеннем костюме. Реджи вскочил и поклонился со свойственной ему экспансивностью.

- Вы ее тоже знаете? - спросил он Алису.

- Кого? Люси? Еще бы, мы учились в одной школе.

- Плантация судьбы Дюпрэ находилась рядом с нашей. Мы вместе выросли, - добавил Монтегю.

- Не было дня, чтобы мы с ней не виделись. Но, знаете, в семнадцать лет она вышла замуж за человека намного старше.

- С тех пор мы больше ее не встречали, - добавил Монтегю. - Она жила в Новом Орлеане.

- Так ей сейчас всего двадцать два года! - воскликнул Реджи. - Опытность вдовы и прелесть инженеру! - И всплеснул руками, выражая полный восторг.

- Она богата?

- В достаточной мере для Нового Орлеана, а вот для Нью-Йорка, - не знаю.

- Деньги всегда найдутся, - задумчиво проговорил Реджи.

Он увел Алису в церковь, оставив Монтегю во власти воспоминаний о Люси Дюпрэ.

Монтегю влюблялся в Люси раз шесть; началось это, когда она была еще сущим младенцем, и продолжалось с перерывами вплоть до ее свадьбы. У Люси была красота креолки, черные, как смоль, волосы и прекрасный цвет

лица. Аллан всюду преследовал ее облик: чистые и подвижные черты лица, на котором печаль и улыбка исчезали и появлялись, как легкие облака на апрельском небе.

Люси была миниатюрным созданием, но энергия так и била в ней ключом. Она сразу же наполнила жизнью осиротевший дом, и все вокруг поддались ее очарованию. Аллан вспомнил, как однажды, войдя в этот дом, он застал угрюмого, почтенного главного судью штата, ползающим на четвереньках с Люси на спине.

Все говорили, что рождена она стать актрисой. Когда Люси было не более четырех лет, она, лежа в постели, вместо того, чтобы спать, сочиняла страшные истории; доводя себя до слез. Как-то она добралась до сундуков, в которых хранились старые наряды ее матери, оставшиеся с тех времен, когда та еще блистала в обществе. С тех пор Люси увлеклась живыми картинами, спектаклями и поражала всех, выступая то в роли восточной принцессы, то царицы ночи.

Мать Люси умерла, когда она была еще совсем маленькой, и росла девочка лишь в обществе своего отца. Судья Дюпрэ был одним из самых богатых людей в округе и ничего не жалел для дочери. Но люди предсказывали, что Люси будет страдать без женской ласки, и пророчество это трагически сбылось. Она встретила человека, который был значительно старше ее, но окружен романтическим ореолом. Чудо любви открылось ей и захватило, как никакое из чувств, испытанных раньше.

Однажды Люси исчезла, и с тех пор Монтегю ее не видел. Он знал, что она переехала в Новый Орлеан, и до него дошли слухи, что ее муж оказался мотом и негодяем. Не прошло и года после замужества Люси, как Монтегю узнал, что ее супруг погиб в автомобильной катастрофе.

Он больше ничего не слышал о семье Дюпрэ до того момента, когда ему стало известно о смерти судьи. А примерно с неделю назад брат Аллана, Оливер Монтегю, получил от Люси письмо, в котором она сообщала, что едет в Нью-Йорк, и может быть, останется в нем навсегда, просила встретить ее на вокзале и снять номер в каком-нибудь отеле.

Монтегю задавал себе вопрос, как выглядит она теперь. Изменили ли Люси пять лет страданий и жизненного опыта, сохранила ли она свою восторженность, не иссякла ли ее жизнерадостность. Ему трудно было представить себе Люси серьезной. Аллан опасался, что она теперь уже совсем не та, какой ему сохранила память. Сможет ли она восстановить над ним свою прежнюю власть очарования, если учесть его теперешний опыт?

Его размышления прервал Оливер: он пришел спросить Монтегю, не хочет ли брат встретить Люси.

- Эти поезда с юга всегда запаздывают, - сказал он. - Я велел слуге отправиться на вокзал и позвонить мне.

- Ты взял на себя заботу о ней, ты ее и встречай! - ответил Монтегю. - Скажи ей, что я приду вечером.

И вот вечером, когда он явился в роскошный отель, в котором когда-то жил сам по рекомендации Оливера, перед ним предстала Люси.

Она нисколечко не изменилась. Он сразу заметил это: та же жизнерадостность, та же живость и та же красота, сводившая мужчин с ума. На лице ни тени озабоченности - она была подобна чудесному распустившемуся цветку. Люси встала и протянула к нему руки.

- Аллан! - воскликнула она. - Аллан! Как я рада вас видеть! - И, взяв его руки в свои, стояла и не сводила с него взгляда. - Боже, какой вы стали большой и какой серьезный! Разве он не великолепен, Олли?

Оливер молча наблюдал эту сцену. Он сухо улыбнулся.

- На мой взгляд, степенности в нем больше, чем следует, этого у него хоть отбавляй, - проговорил он.

- Боже! Как прекрасно, что я вижу вас опять. Сядем и поговорим обо всем не спеша. Сразу столько всего вспоминается, и о многом хочется спросить. Сколько воспоминаний нахлынуло на меня! Целой ночи не хватит расспросить вас.

Люси носила траур по отцу, но она ухитрилась сделать так, что костюм служил рамкой, подчеркивающей ее красоту. Она казалась рубином, пламенеющим на фоне черного бархата.

- Ну, рассказывайте, как вы тут жили? Какие произошли события? Как поживает ваша мама?

- По-прежнему. Она ждет вас к себе завтра утром, - ответил Аллан.

- Приду. Это будет моим первым выходом. А няня Люси! Как она?

- Хорошо, - ответил он. - Она тоже с нетерпением ждет вас.

- Скажите ей, что я приду. Мне хочется увидеть няню Люси больше, чем Бруклинский мост!

Она подвела Аллана к креслу, села напротив и не сводила с него глаз.

- Когда я смотрю на вас, снова чувствую себя маленькой девочкой.

- А вы считаете, что уже вошли в года? - рассмеявшись, спросил Аллан.

- О, я чувствую себя старухой, - с внезапным страхом проговорила Люси. - Вы себе просто не представляете, Аллан... но я не хочу, чтобы кто-либо узнал об этом! - И вдруг она весело воскликнула. - А помните качели в саду? Помните маленький пруд, в котором жил крокодил? А хурму? А старого Джо?

Аллан Монтегю всего этого не забыл. В течение получаса он вспоминал увлекательные прогулки, которые он, Оливер и Люси совершали с тех пор, как Люси научилась ходить. Потом Аллан сообщил ей последние новости обо всех соседях и обо всех слугах, которых она помнила. Он рассказал ей также о смерти своего отца, о том, как сгорел их дом и они, продав плантацию, переселились на север.

- Ну, а сейчас, как вы поживаете, Аллан?

- Я стал адвокатом. Состояния не нажил, но на оплату счетов мне хватает. В этом городе иные и этого не могут.

- Еще бы, - заметила Люси, - при таком количестве магазинов на Пятой авеню! Не сомневаюсь, что в первую же неделю растрочу все свои деньги. А еще этот отель - просто страшно подумать!

- Оливер назвал вам стоимость номера? - смеясь, спросил Аллан.

- У меня просто дух захватило. Не знаю, как мне удастся выйти из такого положения.

- Эти дела улаживайте с ним, - сказал Монтегю. - Он взялся вас опекать и не хочет, чтобы я вмешивался.

- Но мне нужен ваш совет. Вы деловой человек, а Олли как был, так и остался мальчишкой.

- Олли многому научился в Нью-Йорке, - заметил Аллан и, помолчав, продолжал: - Впрочем, я могу вкратце высказать вам свой взгляд на эти вещи. Когда я приехал в Нью-Йорк, Оливер привел меня в этот отель и убедил, что мне надлежит жить здесь, если я желаю попасть в высшее общество. Какое-то время я следовал его указаниям, но потом решил, что все это мне не по душе. Так что сейчас мы живем чуть подалее от Пятой авеню, но зато это обходится нам раз в десять дешевле. Ну, а теперь слушайте меня или Оливера, в зависимости от того, хотите вы попасть в высшее общество или нет.

Люси нахмурила брови и задумалась.

- Я приехала в Нью-Йорк не для того, чтобы похоронить себя в пансионе. Я хочу вернуться в свет, общаться с людьми.

- Ну, что ж. У Олли много знакомых, он введет вас в их круг. Понравятся ли они вам - я не знаю. Но то, что вы понравитесь - в этом сомнения нет.

- Благодарствую, сэр, - засмеялась Люси, - вы искренни, как всегда!

- Я не хочу заранее отравлять вам удовольствие. Вы и сами во всем разберетесь. Но мне хотелось бы предупредить вас об одном - не будьте слишком простодушны. Здесь нельзя так доверяться людям, как вы делали это дома.

- Благодарствую. Олли уже прочел мне лекцию на эту тему. Вот уж не думала, что здесь, в Нью-Йорке, все так непросто. Я сказала ему только, что вдовы обычно умеют за себя постоять.

- Мне самому пришлось здесь нелегко, пока я не приспособился, - улыбнулся Монтегю. - Так что вы должны извинить меня за дурные предзнаменования.

- Я говорил уже Люси об этом, - сухо вставил Оливер.

- Он поведал мне об очаровательном романе, - сказала Люси, лукаво подмигнув Оливеру. - Теперь я буду стараться обязательно увидеть ослепительную миссис Уинни.

- Вы можете встретить ее завтра вечером, - заметил Оливер, - ведь вы приглашены на ужин к миссис Билли Олден.

- Я читала о ней в газетах, но никак не предполагала познакомиться с ней. Как удалось Оливеру попасть в самые высокие светские круги?

Оливер попытался это объяснить. Монтегю сидел и с улыбкой слушал, как брат подробно рассказывал о своих светских успехах. Он не скрывал планов

взять на себя попечение о Люси и ввести ее в круг своих знакомых из высшего общества.

- Но ведь для всего этого потребуется уйма денег! - возражала Люси. - А я вовсе не желаю идти замуж за одного из этих ужасных миллионеров.

Она резко повернулась к Аллану.

- У вас есть контора в городе? Разрешите мне зайти к вам завтра?

Повидаться и попросить вас стать моим советником в делах. Старый мистер Холмс умер. Он долгое время вел папины финансовые дела и знал все, что касается моих. Но он никогда не считал, что стоит объяснять их мне. Так что теперь я не очень-то знаю, что у меня есть и что я должна или чего мне не следует предпринимать.

- Сделаю все возможное, чтобы вам помочь, - ответил Аллан.

- Но вы должны быть со мной очень суровы, - продолжала Люси, - и не позволять мне транжирить деньги или совершать много ошибок. Так обычно поступал со мной покойный Холмс, а после его смерти я положительно не доверяю сама себе.

- Если я возьму на себя роль вашего советника, - смеясь, ответил Аллан, - боюсь, как бы это вскоре не привело меня к стычке с братом.

Монтегю не слишком доверял своей способности играть такую роль. Наблюдая за Люси, он почувствовал, что над ее головой собираются тучи. Он прекрасно понимал, что по нью-йоркским масштабам благосостояния Люси далеко не богата, и предчувствовал, какие соблазны сулит ей город. Ее уже начали манить витрины магазинов, автомобили, театры и отели - все те чудеса, которые станут для нее ловушками. Она явилась сюда полная благородных порывов и ужасно изголодалась по жизни.

Монтегю и сам уже прошел через все это и теперь совершенно ясно видел, что ему следует попытаться руководить Люси, чтобы спасти ее от неизбежных ошибок. Так между ними завязались странные отношения. С самого начала Люси сделала его своим поверенным и рассказала о своих опасениях. На всякий случай она никогда не следовала его советам: мило улыбаясь, говорила, что вовсе не желает видеть в нем спасителя от всяких бед: ей нужно только его сочувствие. И Монтегю подчинялся. Он снова и снова повторял себе, что Люси ведет себя непростительно легкомысленно, а сам только и делал, что все прощал ей.

На следующее утро Люси навестила мать Оливера и свою няню, которую тоже звали Люси (она получила это имя в память о своей бабушке). После обеда она отправилась с Алисой за покупками, заявив, что не может нигде появиться, прежде чем не обретет "респектабельный" вид. А вечером Монтегю зашел за ней, чтобы проводить в особняк миссис Билли Олден на Пятую авеню.

Дорогой он занимал ее рассказами об ужасной миссис Олден и ее злом языке, о вечных раздорах этой леди с ее родственниками Уоллингсами.

- Не удивляйтесь, если она отведет вас в уголок и начнет обо всем расспрашивать. Миссис Олден - особа привилегированная, и для нее условностей не существует.

Монтегю уже привык к великолепию дома Олденов, но на Люси особняк, напоминавший чуть ли не дворец Дожей из черного мрамора, и слуги в ливреях, расшитых пурпуром и золотом, произвели сногшибательное впечатление. Затем появилась сама миссис Олден в пышном туалете с темно-красной вышивкой и несколькими нитками жемчужного ожерелья. Она была почти на голову выше Люси и остановилась на некотором расстоянии от нее, чтобы лучше рассмотреть гостью.

- Я пыталась пригласить для вас сегодня миссис Уинни, - обратилась она к Монтегю, указывая ему место за столом по правую руку от себя, - но она не сможет прийти, так что вам придется удовольствоваться моим обществом.

- И много еще там, на Миссисипи, таких красавиц? - спросила она, когда они расселись. - Если много, не понимаю, зачем вы приехали сюда?

- Она вам нравится? - спросил Монтегю.

- Она хорошо смотрится, - заметила миссис Билли. - А как насчет ума? Просто не верится, что она вдова. Как бы то ни было, она нуждается в том, чтобы кто-нибудь о ней заботился.

- Я бы доверил это вам, - ответил Монтегю. - Я рассказывал ей о вас.

- Что именно? - спросила она тихо. - Что я много выигрываю в карты, или пью виски за ужином? - Заметив, что Монтегю вспыхнул, она рассмеялась. - Я знаю, что это правда. Я не раз замечала, что вы так думаете. - Она протянула руку к графину, который слуга только что поставил перед ней, и налила вино в свой бокал.

Монтегю стал рассказывать о Люси, и в то же время он наблюдал за ней; она сидела в центре стола и беседовала со Стенли Райдером. Монтегю случалось раза два играть с ним в бридж у миссис Уинни, и он подумал, что Люси вряд ли могла встретить другого человека, кто бы лучше воплощал в себе соблазны большого города. Райдер был президентом Готтамского треста, который помещался в великолепном доме с мраморным фасадом на Пятой авеню. Ему было лет под пятьдесят. Высокого роста, приятной внешности, с седоватыми усами и манерами дипломата, он был не просто банкир, но человек большой культуры. В юности он много путешествовал и побывал во всех странах мира. Увлекался Райдер и литературой, как любитель, конечно; и если и существовали книги, в которые он не заглядывал, то, наверное, лишь те, о которых не упоминают в обществе. Он мог беседовать на любую тему, и хозяйка, заполучившая его на званый обед, как правило, рассчитывала на успех.

- Стенли" сейчас очень занят и мало бывает в обществе, - сказала миссис Олден, - но я успела-рассказать ему о вашей приятельнице.

Временами разговор за столом становился общим, но Монтегю замечал, что руководил им всегда Райдер. Стрелы его остроумия так и летали от него через стол и обратно, и те, кто пытался отвечать, часто попадали впросак. Райдер умел ошеломить своих собеседников. Он принадлежал к тому типу

людей, встречающихся в обществе, кто воспринимает радикальные идеи ради того, чтобы привлечь к себе общее внимание. Ему, человеку, пользующемуся блистательным успехом в определенной общественной среде, доставляло особое удовольствие развенчивать ее идеалы и условности, показывая тем самым, как мало ценит он этот успех. Это развлекало всех, кто сидел за столом, но Монтегю думал, улыбаясь, как мало Райдер похож на директора крупного, процветающего банка, каким обычно его себе рисуют. Когда гости перешли в гостиную, в довершение к такому несоответствию Райдер сел за рояль и исполнил фрагмент из какой-то русской сюиты.

Потом Монтегю видел, как Райдер и Люси Дюпрэ вышли в зимний сад. Оба они оказались лишними за карточными столами, и это их извиняло. Тем не менее все время, пока Монтегю сидел против миссис Олден и давал ей себя обыгрывать, он испытывал некоторое беспокойство.

Когда партия в бридж закончилась и можно было выйти из-за игорного стола, он застал Люси, сидящей у фонтана. Стоя подле нее, Райдер что-то рассказывал. Ее глаза устремлены были куда-то вдаль.

- Сегодня вы познакомились с интересным человеком, - сказал Монтегю, когда они сели в коляску.

- Это самый необыкновенный человек из всех, кого я когда-либо встречала, - с живостью ответила Люси. - Пожалуйста, расскажите мне о нем. Вы хорошо знакомы?

- Слышал кое-что, но сталкивался только на деловой почве.

- Правда, что он так богат?

- У него несколько миллионов, и я полагаю, что он пустил их в дело.

Говорят, Райдер очень смелый биржевой делец.

- Делец! - воскликнула Люси. - А я думала, директор банка!

- Если вы поживете в Нью-Йорке подольше, то поймете, что в этом сочетании нет ничего несовместимого.

Люси замолчала, несколько пораженная этим замечанием.

- Мне говорили, - улыбаясь, добавил Монтегю, - что даже жена Райдера не держит свои деньги в Готтамском тресте.

Монтегю не предполагал, что его замечание произведет такой эффект.

Люси вздрогнула.

- Его жена! - воскликнула она.

- Ну, да, - сказал Монтегю, - вы не знали, что он женат?

- Нет, не знала, - упавшим голосом проговорила Люси.

Наступило долгое молчание. Наконец, она спросила:

- Почему же его жену не пригласили на обед?

- Они редко показываются вместе.

- Разъехались?

- Существует новая и модная форма развода: супруги живут на разных половинах большого дома и встречаются только в особых случаях.

- Какая она, его жена? - спросила Люси.

- Я ничего о ней не знаю.

Они снова умолкли. Наконец, Монтегю сказал:

- Это не причина жалеть его, понимаете?

Люси дотронулась до его руки.

- Вы правы, Аллан, - сказала она, - не беспокойтесь. Я не склонна повторять свои ошибки.

И Монтегю понял, что разговор исчерпан.

Глава 2. Миссисипская стальная компания

Люси пожелала заехать к Аллану в контору и поговорить с ним о делах. Но он не хотел ее затруднять и на следующее утро явился к ней сам. Она показала ему все свои бумаги: завещание отца, опись имущества, счета мистера Холмса, купчую на ее собственность в Новом Орлеане. Как Монтегю и предполагал, дела Люси оказались в запущенном состоянии, и ему многое пришлось выяснять и задавать много вопросов. Были тут закладные на дома и именья; некоторые владения Люси, в свою очередь, оказались заложены, чего она не способна была объяснить. Он нашел здесь акции разных компаний, о которых имел слабое представление. Наконец, что всего важнее, был пакет на пять тысяч акций Северной миссисипской железной дороги.

- Об этих акциях, я полагаю, вы знаете? - спросила Люси. - Вы еще не продали свой пакет?

- Нет. Отец хотел, чтобы я не отказывался от них раньше, чем это сделают другие.

- Но я могу продать мои акции, верно?

- Я посоветовал бы вам сделать это, но боюсь, найти покупателя будет нелегко.

Монтегю, можно сказать, с детства сроднился с этой железной дорогой.

Насколько он помнил, такого времени, чтобы о ней говорили в обоих семействах, просто не было. Эта дорога проходила по их штату от Аткина до Опала, и ее протяженность равнялась примерно пятидесяти милям. Она соединяла Опал с одной из важных железнодорожных магистралей штата. Судья Дюпрэ приобрел акции дороги в расчете на дальнейшее развитие этой части страны. Он твердо верил в ее будущность.

Строительство Северной миссисипской железной дороги осуществлялось в ту пору, когда по всей округе господствовало сильное недоверие к Уолл-стриту, и Дюпрэ собрал около двух миллионов долларов среди друзей и соседей, добавил свои полмиллиона, и они заключили джентльменский договор, по которому новая дорога не будет зависеть от богачей с Севера и ее акции никогда не станут котироваться на бирже. Первым президентом

общества Северной миссисипской дороги стал дядя Люси, а нынешним - старый друг обоих семейств.

Но если местный патриотизм помог еще собрать капиталы, то обеспечить грузооборот дороге он был не в состоянии. Города, о которых мечтал судья Дюпрэ, не возникали, и маленькая дорога не шла в ногу с прогрессом. За последнее десятилетие доход от ее эксплуатации снижался так, что Монтегю уже несколько лет не получал проценты на те пятьдесят тысяч, долларов, на которые он приобрел акции дороги, оплатив их по нарицательной стоимости.

Говоря обо всем этом с Люси, Монтегю вспомнил проект относительно продолжения линии от Аткина до заводов Миссисипской стальной компании, чтобы дать им выход прямо на запад. Об этом проекте речь шла лет десять - двенадцать назад. Миссисипская стальная компания владела одним из крупнейших в штате рельсопрокатных заводов, и мысль получить хотя бы малую часть ее огромных грузов непрерывно терзала умы директоров Северной миссисипской дороги.

Они зашли с этой идеей так далеко, что произвели геологические изыскания и рассчитали стоимость новой ветки дороги. Монтегю знал об этом, потому что ему довелось вместе с братом Люси, находившимся теперь в Калифорнии, во время каникул охотиться неподалеку от лагеря геологической партии. Проект предусматривал, что дорога пройдет по Талулским болотам, и тут вскрылись его просчеты. Предлагалось с десятков разных трасс, и Монтегю припомнил, как однажды вечером, сидя у лагерного костра, он разговорился с одним из геологов, который пожаловался на ошибку в изысканиях. По его мнению, партию возглавлял некомпетентный человек, упорно отклонявший все лучшие трассы в пользу худших.

Монтегю передал весь разговор отцу, но теперь уже не помнил, придал ли тот этому должное внимание. Он знал только, что, когда проект развития дороги был представлен на собрании акционеров, стоимость работ показалась им такой большой, что было невозможно собрать требуемых денег. Предложение обратиться к Миссисипской стальной компании собрание отклонило, поскольку она находилась в руках людей с Уолл-стрита, и ни судья Дюпрэ, ни генерал Монтегю в то время еще не понимали, в каком безнадежном положении находится их маленькая железная дорога.

Поведав Люси о всех перипетиях этого предприятия, Монтегю объяснил ей, почему они все же не должны расставаться с этими акциями: если бы дорогу продлили или же общество добилось успеха как-то иначе, можно было бы вступить с компанией в соглашение, или, что еще лучше, продать все акции сразу. Монтегю пообещал взять это дело в свои руки и посмотреть, что тут можно предпринять.

Когда Аллан приехал в деловую часть города, его первая мысль была о Джиме Хигане. "Загляните ко мне", - пригласил его Хиган, но Монтегю так ни разу и не воспользовался этим приглашением. Для человека, подобного Хигану, Северная миссисипская дорога была, конечно, сущей безделицей,

но кто знает, что нового он мог подсказать? Монтегю слышал, что этот крупный финансист продал все свои паи, вложенные в два-три предприятия, где сосредоточивались его основные вклады.

Монтегю сразу пошел в контору Хигана, помещавшуюся в здании одной из самых крупных страховых компаний в Нью-Йорке! Он прошел коридорами, отделанными мрамором, к бронзовой решетке с массивными украшениями, за которой находился рослый страж в парадной ливрее. Монтегю не считался низкорослым, но перед этой мощной фигурой почувствовал себя мелковатым.

- Мистер Хиган у себя? - спросил он.

- Вам назначено?

- Не совсем так, - сказал Монтегю, вынимая визитную карточку, - будьте столь любезны, передайте мистеру Хигану.

- Вы с ним лично знакомы? - спросил привратник.

- Да, - ответил Монтегю.

Он не заметил, чтобы великан подал какой-либо знак, но в ту же минуту из-за дверей за решеткой появился расторопный молодой секретарь.

- Не будете ли вы столь любезны изложить мне, по какому делу вы желаете видеть мистера Хигана? - спросил он.

- Я желаю видеть мистера Хигана по личному делу, - резковато сказал Монтегю. - Если вы вручите ему мою карточку, этого будет достаточно.

Он передал свою визитную карточку в руки секретарю, который долго ее изучал. Тем временем Монтегю размышлял, достаточно ли моден его новый весенний плащ, чтобы, в глазах секретаря, он мог сойти за друга великого человека. Наконец, секретарь исчез вместе с карточкой и через полминуты вернулся, приветливо улыбаясь. Он провел Монтегю в огромный кабинет с креслами, обитыми кожей, и такими широкими, что в каждом могли усесться несколько человек, но слишком просторными и неудобными для одного. Тут висела на стене карта Америки, на которой железные дороги, принадлежащие Джиму Хигану, протянулись красными лентами. На стенах висели также головы бизонов и северных оленей, убитых собственноручно Хиганом.

Монтегю пришлось подождать одну-две минуты, затем его провели через ряд комнат, и, наконец, он вступил в святая святых миллионера. Эта комната отличалась подобранной с особой тщательностью мебелью. Джим Хиган сидел за письменным столом из красного дерева, на котором не лежал даже листок бумаги.

Он поднялся навстречу Монтегю во весь свой могучий рост.

- Как поживаете, мистер Монтегю? - спросил Хиган, пожимая ему руку. Затем уселся в кресло, откинулся на спинку и, подняв брови, уставился на посетителя.

В последний раз, когда Монтегю виделся с Хиганом, они толковали о лошадях, о днях, некогда проведенных в Техасе, но Аллан был достаточно проницателен, чтобы понять - здесь посторонние темы неуместны.

- Я пришел по делу, мистер Хиган, - сказал он, - и буду краток, насколько возможно.

- Предпочитаю краткость, - улыбнулся в ответ Хиган.

- Я хотел спросить, не интересуетесь ли вы делами Северной миссисипской железной дороги?

- Северная миссисипская дорога? - спросил Хиган, подумав. - Никогда о такой не слышал.

- Вы не единственный, я полагаю, - ответил Монтегю и принялся рассказывать историю этой дороги. - У меня самого есть ее пятьсот акций, но они в нашей семье уже давно и пусть остаются у нас и дальше. Здесь речь идет не обо мне, а об одной клиентке, которая имеет пакет из пяти тысяч. Я прихватил с собой отчеты дороги за несколько лет и другие сведения относительно ее положения. Я подумал, может быть, вам стоит приобрести эту дорогу и продолжить ее до заводов Миссисипской стальной компании.

- Миссисипская стальная компания! - воскликнул Хиган.

Он явно слышал об этом проекте.

- Когда, по вашим словам, изучался этот план? - спросил Хиган, и Монтегю рассказал ему историю о геологических изысканиях, а также о том, что сам слышал.

- Звучит интересно, - сказал Хиган, приподняв брови и явно погрузившись в глубокое раздумье. - Я подумаю над этим делом. Мои личные планы едва ли приведут меня когда-либо к этой дороге, но вполне возможно, что я сумею кого-нибудь ею заинтересовать. Как вы думаете, сколько ваша клиентка захочет получить за свои пять тысяч акций?

- Она всецело полагается в данном вопросе на меня. Впрочем, я узнал это от нее только сегодня утром, и мне предстоит вникнуть в дела общества. Я посоветовал бы ей принять предложение продать акции, скажем, за семьдесят пять процентов их номинальной стоимости.

- Мы еще поговорим об этом, если я найду подходящего человека, - сказал Хиган, и Монтегю, обменявшись с ним рукопожатием, вышел.

Вечером, по дороге домой, он зашел к Люси рассказать ей о результате своего делового свидания.

- Он скоро даст нам знать о себе, - заверил ее Аллан, - мне кажется, Хиган не из тех, кто долго раздумывает.

- Я помолюсь за него, - сказала Люси, смеясь. Затем она добавила: - Я полагаю, мы увидимся в пятницу вечером у мистера Харви?

- До субботы я не смогу вырваться. Я страшно занят все эти дни, у меня слушание дела, но постараюсь найти время, чтобы заглянуть к Харви.

Похоже, у меня с ним полное взаимопонимание.

- Говорят, он увлекается лошадьми, - заметила Люси.

- У него собственная великолепная конюшня.

- Как мило со стороны Олли, что он познакомил меня с ним! Я приобщаюсь, что называется, к самым сливкам общества. Как, по-вашему, что я завтра собираюсь делать?

- Не имею понятия.

- Меня пригласили посмотреть картинную галерею мистера Уотермана.

- Дана Уотермана! - воскликнул Аллан. - Как же это вы сподобились?

- Меня пригласил брат миссис Олден. Он с ним знаком и устроил мне приглашение. Не хотите пойти со мной?

- Весь завтрашний день я занят в суде, но мне хотелось бы увидеть эту коллекцию. Насколько я понимаю, это прекрасно. Старик собирал ее всю жизнь, и она обошлась ему в целое состояние - не менее пяти или шести миллионов долларов.

- Но чего ради он прячет ее в студии где-то за Гудзоном? - воскликнула Люси.

Монтегю пожал плечами.

- Это его прихоть. Ведь он собирал коллекцию для собственного удовольствия.

- Поскольку он позволил мне посмотреть картины, я не жалуясь. В этом городе можно увидеть так много, что мне, наверное, не хватит и года.

- Вы устанете раньше, чем увидите половину того, что заслуживает внимания. Так происходит со всеми.

- А вы знакомы с мистером Уотерманом?

- Я никогда у него не был, но раза два видел.

И Монтегю рассказал, как он встретил в фешенебельном клубе этого креса с Уолл-стрита, окруженного свитой из "маленьких миллионеров".

- Надеюсь, я его не увижу, - сказала Люси, - а то еще перепугаюсь до смерти.

- Говорят, он может быть обаятельным, если хочет, - возразил Монтегю. - Дамы от него без ума.

В субботу после обеда Монтегю отправился к Харви, жившему на Лонг-Айленде. Он встретился с братом на пароме.

- Аллан, - сразу сказал тот, - ты знаешь, что Люси поехала к Харви со Стенли Райдером?

- Нет, конечно, - удивился Монтегю. - Разве Райдер здесь?

- Он добился от Харви приглашения. И я уверен, что только ради возможности встретиться с Люси. Они поехали на его машине.

Монтегю был поражен.

- Она мне ни словом не обмолвилась об этом, - сказал он.

- Чего доброго, этот молодец уже увивается за Люси!

Монтегю умолк, погруженный в мрачные мысли.

- Не думаю, что от этого будет толк. Люси слишком много знает о нем.

- Она никогда не встречала людей, подобных Стенли Райдеру! - заметил Оливер. - Он всю жизнь охотился за женщинами; ей не легко будет устоять.

- Что ты знаешь о нем? - спросил Аллан.

- Спроси, чего я о нем не знаю! - воскликнул Оливер. - Ну, например, что у него была связь с Бетти Уайман.

- О, господи!

- Да, - сказал Оливер, - и она все об этом рассказала. Он умеет ловко очаровывать женщин: понабрался из книг новых идей, разглагольствует о своей тоске, и каждая женщина, с которой он встречается, оказывается "родственной душой". К тому же он человек свободомыслящий, рассуждает о свободе и правах женщин. Он так подтасовывает все понятия о морали, что, его послушать, так благороднейшее назначение женщины - быть любовницей женатого мужчины.

Монтегю не мог сдержать улыбки.

- Олли, насколько я знаю, ты и сам не прочь время от времени подтасовывать понятия о морали.

- Да, это правда, но ведь тут речь идет не обо мне, а о Люси! И кто-нибудь должен поговорить с ней о Стенли Райдере.

- Что ж, я поговорю, - ответил Монтегю.

Когда Аллан явился к обеду, он застал Люси в уютной библиотеке хозяина. Она была полна впечатлений от прекрасных картин галереи Дана Уотермана.

- Аллан! - воскликнула она. - Представьте себе, я его видела.

- Неужели?

- Он был там все утро и оставался неизменно мил со мной!

- И не показался таким ужасным, как вы ожидали?

- Он был просто очарователен, - сказала Люси. - Показал мне всю свою коллекцию, объяснил сюжет некоторых картин, а также рассказал, как они ему достались. Я никогда не слышала столько интересного и поучительного.

- Он может быть интересным человеком, если захочет, - заметил Монтегю.

- Он восхитителен! - сказала Люси. - Когда видишь эту тощую фигуру и высохшее ястребиное лицо, обрамленное седыми волосами, думаешь, что он уже впал в детство. Но стоит ему заговорить - и я не удивляюсь, что все ему повинуются.

- Ему повинуются! Это точно! - сказал Монтегю. - На всем Уолл-стрите нет человека, который продержится сутки, если Дан Уотерман начнет его преследовать.

- Как это ему удастся? - спросила Люси. - Разве он так невероятно богат?

- Дело не в его богатстве, а в том, насколько велико его влияние. Он хозяин банков, и на Уолл-стрите никто и шага не может ступить без его ведома. Он может подорвать кредит любого человека, сделать его банкротом, если захочет. И способен так резко изменить биржевую конъюнктуру, что сломит кого угодно. А какую власть он имеет в Вашингтоне! Этот человек пользуется казначейством так, как будто это один из его банков!

- Как страшно! И этому старику уже за восемьдесят! Как бы то ни было, я рада, что познакомилась с ним.

Она умолкла, увидев в дверях Стенли Райдера. Он явно искал ее, чтобы повести к столу, и всякий раз, когда Монтегю украдкой смотрел на Люси, он видел, что Райдер завладел ее вниманием.

После обеда все перешли в музыкальный салон. Райдер сыграл два ноктюрна Шопена. Сидя за роялем, он не сводил глаз с Люси.

Аллан расслышал, как Бетти Уайман шепнула своему соседу:

- Манера Райдера любезничать, сидя за роялем, просто неприлична.

Монтегю уклонился от нескольких приглашений составить партию в бридж и весь вечер намеренно просидел с Люси. Когда раздосадованный Райдер ушел курить, он сказал:

- Люси, вы должны меня выслушать.

- Я буду рада выслушать вас, Аллан, - попыталась она улыбнуться.

- Вы должны прислушаться к моим словам, - возразил Монтегю. - Вы совершенно не представляете себе, с каким человеком имеете дело и что о нем думают.

Она молча сидела и нервно покусывала губы, пока Монтегю не рассказал ей все, что мог, о той репутации, какой пользовался Райдер.

- Но он такой интересный человек! - Это было все, что она смогла ответить.

- Здесь много интересных людей, - отпарировал Аллан, - но вы никогда не встретите их, если станете предметом сплетен.

Люси всплеснула руками.

- Аллан! - воскликнула она. - Я так старалась убедить его не появляться тут. Вы правы. Я последую вашему совету и порву с ним. Вот увидите! Он сам виноват, что приехал, и пусть ищет себе другую собеседницу.

- Хорошо бы вы ему так и сказали, Люси, - заметил Монтегю. - Даже если он рассердится. Тогда Стенли поймет вас раз и навсегда.

- И скажу! - заявила она.

Монтегю полагал, что Люси тут же выполнит свое обещание, поскольку весь остаток вечера Райдер развлекал всех присутствующих. Когда в полночь Аллан случайно заглянул в библиотеку, он увидел президента Готтамского треста среди возбужденно спорящих гостей. Речь шла о разводах. До его слуха долетели слова Стенли Райдера:

- Супружество - грех, который церковь не отпускает!

Глава 3. Встреча с полковником Коулом

Несколько дней спустя Монтегю поджидал приятеля, которого пригласил отобедать в своем отеле. Аллан сидел в холле с газетой, когда заметил

пожилого господина с отличным цветом лица и седой козлиной бородкой, который шел по коридору. Минуту-другую спустя, подняв голову, он перехватил взгляд этого господина. Внезапно на лице у того отразилось удивление. Он подошел к Аллану и спросил:

- Простите, вы случайно не Аллан Монтегю?

- Он самый, - ответил Аллан, глядя на незнакомца с недоумением.

- Вы меня не узнаете?

- Должен признаться, нет.

- Я полковник Коул.

Монтегю еще в большем недоумении нахмурил брови.

- Полковник Коул? - переспросил он.

- Вы были слишком молоды, чтобы запомнить меня. Я не раз бывал в вашем доме. Я служил в бригаде вашего отца.

- В самом деле! - воскликнул Монтегю. - Извините меня, пожалуйста!

- Ничего, ничего! - сказал полковник, садясь рядом с Алланом. - Право, это удивительно, что я вас узнал. А как поживает ваш брат? Он в Нью-Йорке?

- Да; - ответил Монтегю.

- А ваша мать? Надеюсь, она жива?

- О, да! И живет в этом отеле.

- Как я рад! Мне уже казалось, что я не знаю никого в Нью-Йорке.

- Вы проездом?

- С Запада, - ответил полковник. - Удивительное стечение обстоятельств, - продолжил он, помолчав. - Именно сегодня я думал о вашем отце. Мне предложили продать акции Северной миссисипской железной дороги, имеющиеся у меня.

Монтегю вздрогнул.

- Неужели?

- Да. Ваш отец убедил меня приобрести небольшой пакет еще в те давние времена. С тех пор они у меня, и я даже забыл о них.

Монтегю улыбнулся.

- Когда вы избавитесь от них, дайте мне знать, пожалуйста, кто их купил. Насколько мне известно, кое-кто тоже хотел бы их продать.

- Не сомневаюсь, - сказал полковник, - но вряд ли они сейчас в цене. Не помню, чтобы эти акции когда-либо приносили мне доход.

Последовала пауза.

- Любопытное совпадение, - сказал Монтегю, - я тоже думал об этой железной дороге. Моя приятельница, миссис Тэйлор, недавно приехала из Нового Орлеана. Она урожденная Люси Дюпрэ.

Полковник мучительно старался вспомнить:

- Дюпрэ? - переспросил он.

- Дочь судьи Дюпрэ. Его брат, Джон Дюпрэ, был первым президентом этой дороги.

- О, да! - воскликнул полковник. - Конечно, конечно! Теперь я припоминаю судью. Ваш отец говорил мне, что он приобрел большой пакет этих акций.

- Да, он был большим энтузиастом этой затеи.

- А кто же тот другой джентльмен? - напрягал свою память полковник. - Он еще так часто бывал у судьи...

- Вы имеете в виду мистера Ли Гордона? - спросил Монтегю.

- Да, кажется, его так звали.

- Это был кузен моего отца. Он вложил столько денег в эту дорогу, что его семья и поныне нуждается.

- Какая неудачная затея! Хорошо бы за это дело взялся кто-нибудь из крупных воротил и постарался его спасти.

- И я так считаю. И уже предложил это такому человеку.

- В самом деле? Уж не от него ли исходит предложение, полученное мной? Кто это?

- Джим Хиган.

- Ого! - воскликнул полковник. - Скорее всего Хиган действует через посредника. Можно, я дам вам свою визитную карточку? - продолжал он. - Не исключено, что я тоже сумею заинтересовать кого-нибудь этим делом. У меня есть друзья, которые верят в будущность Юга. Как, по-вашему, сколько акций могли бы вы мне передать и сколько они стоят?

Монтегю достал карандаш и бумагу и стал припоминать местожительство известных ему держателей акций Северной миссисипской дороги. Он и его новый знакомый увлеклись этой темой и обсуждали ее с разных точек зрения. К моменту, когда друг Монтегю явился, полковник Коул получил все нужные сведения и пообещал написать Аллану в ближайшие дни.

После обеда Монтегю спустился к матери.

- Сегодня вечером я встретил старого друга отца, - сказал он.

- Кого именно?

- Полковника Коула.

Миссис Монтегю посмотрела на него удивленно.

- Полковник Коул, - повторила она.

- Да, так он назвался. Вот его визитная карточка. - Он вынул ее и прочел: - "Генри У. Коул. Сиэтл - Вашингтон".

- Но я никогда о нем не слыхала, - сказала миссис Монтегю.

- Никогда не слыхала? - воскликнул Аллан. - Но он не раз бывал у нас в доме, знал отца, дядю Ли, судью Дюпрэ - всех.

Но миссис Монтегю только покачала головой.

- Возможно, он и бывал у нас, - сказала она, - но я уверена, что с ним не знакома.

Монтегю подумал, что все это странно, но не придавал бы этому значения, если бы не происшествие, случившееся на следующее утро.

Он приехал в свою контору довольно рано из-за необходимости закончить важное дело. В конторе еще не было никого, но он застал там уборщицу, которая уже собиралась уходить.

Монтегю и не подозревал о существовании уборщицы и был удивлен, когда она с ним заговорила.

- Извините, сэр, мне нужно вам кое-что сказать.

- Что именно?

- Кто-то собирает о вас сведения.

- Что вы хотите этим сказать? - спросил он в недоумении.

- Прошу прощения, сэр, но здесь рано утром был какой-то господин, который предложил мне деньги за то, чтобы я передала ему содержимое вашей корзины для бумаг.

У Монтегю перехватило дыхание.

- Содержимое моей корзины, - пробормотал он.

- Да, сэр. Это нынче часто делается, нам такие дела известны. А мы бедные женщины, и нам мало платят. Но вы, сэр, хороший джентльмен, и я ему сказала, что не желаю иметь с ним никаких дел.

- Как выглядел этот человек? - спросил Монтегю.

- Черноволосый, похож на еврея. Может, он еще придет.

Монтегю вынул кошелек и дал женщине ассигнацию; рассыпаясь в благодарностях, она ушла со своим ведром и веником.

Монтегю закрыл дверь, сел за письменный стол и задумался. Неожиданно он стукнул себя кулаком по колену и воскликнул: "Ведь я рассказал ему все, что знаю! Все! Ему даже почти не пришлось спрашивать!" Затем чувство гнева у него уступило удивлению. Что собственно хотел он узнать? И кто его подослал? Что все это могло означать?

Он восстановил в памяти свой разговор со старым джентльменом из Сиэтла, стараясь точно вспомнить все, что говорил ему, и взвесить, как тот мог использовать полученные сведения. Но он не мог сосредоточиться - его мысли все время возвращались к Джиму Хигану.

Это можно было объяснить только так: Джим Хиган подослал к нему сыщиков! Кроме него, никто ничего не знал о Северной миссисипской железной дороге и не интересовался ею.

Джим Хиган! А ведь Монтегю познакомился с ним на вечере у миссис де Графенрид! Он посетил его как джентльмен джентльмена, жал его руку и говорил с ним свободно и откровенно! И после этого Хиган подослал сыщика, чтобы узнать его тайны, и даже пытался завладеть содержимым его корзины!

Единственное, что Аллан смог придумать в такой затруднительной ситуации, это сесть и написать записку майору Винеблу, своему приятелю по фешенебельному клубу, извещая его, что приедет обедать и приглашает разделить с ним компанию. Два-три часа спустя, дав майору время побриться, выпить свой кофе и прочесть утреннюю газету, он вызвал посыльного и отправил его с запиской.

Майор ответил незамедлительно. Он не занят и весь к услугам Монтегю. Но у него отвратительное настроение, разыгралась подагра, и он предупреждает Монтегю, что врачи запретили ему есть грибы и мясо.

Монтегю всегда полагал, что не может быть другого такого лица со столь ярким румянцем, как у майора Винебла, и с каждым разом, когда они встречались, Аллану казалось, что этот румянец становится еще ярче и

заливает лицо майора все шире. Майор ворчал, брюзжал и чертыхался, с трудом переводя дыхание, а метрдотель и все официанты сновали по ресторану клуба так, что приятно было смотреть.

Монтегю подождал, пока старому джентльмену подали его обычный сухой "Мартини" и он разрешил проблему, как удовлетворить и свой аппетит и предписания врача. Только после этого Аллан рассказал ему о своем необычайном открытии.

- Я уверен, что вы единственный, кто сможет все это объяснить, - сказал Монтегю.

- Что же тут объяснять? - спросил майор. - Просто Джим Хиган заинтересовался вашей железной дорогой.

- Но ведь он подослал ко мне сыщика!

- Подумаешь, - сказал майор. - Это делается сплошь и рядом. Есть с полдюжины крупных сыскных агентств, которые только этим и занимаются. Вам еще повезло, если он не подслушивает ваш телефон и не читает ваши телеграммы и письма раньше вас.

Монтегю с ужасом взглянул на него.

- Такой человек, как Хиган, - воскликнул он, - и так поступать с другом!

- Друг? - сказал майор. - Пф! В бизнесе друзей не существует! И к тому же Джим Хиган, возможно, всего этого и не знает. Он дал поручение своему служащему, приказав навести о вас справки, и думать забыл про это дело, пока не увидит отчета на своем письменном столе. Но кто-то из его людей ведет себя опрометчиво - вот и все.

- Но зачем ему знать о моих семейных делах?

- Затем, что ему важно, каково положение ваших дел и на какую сумму вам необходимо продать акций. Когда он начнет вести с вами дело, возможно, он предложит вам пятьдесят процентов их стоимости. Вам еще повезет, если он не учтет несколько ваших векселей в банке.

Майор наблюдал за Монтегю, посмеиваясь над его наивностью.

- Где, сказали вы, находится эта железная дорога? В штате Миссисипи?

- Да.

- И все же я удивляюсь: это совсем не похоже на Джима Хигана. Не верится, что кто-либо сумел заинтересовать его южными железными дорогами. Вероятно, он упомянул об этом кому-нибудь еще. Что, собственно, представляет собой эта ваша дорога?

- Есть проект продлить ее до больших заводов Миссисипской стальной компании, что обойдется в один или два миллиона.

Тут майор встрепенулся.

- Миссисипская стальная компания! - воскликнул он.

- Да, - подтвердил Монтегю.

- Боже мой!

- В чем дело?

- Какого черта вы обратились с таким делом к Джиму Хигану?

- Потому что я знаком с ним.

- Но это еще не резон. В делах надо обращаться по адресу, а не к кому придется, даже если это ваши знакомые. Если бы Джим Хиган мог, он стер бы Миссисипскую стальную компанию с карты Соединенных Штатов.

- Что вы хотите этим сказать?

- Разве вы не знаете, что эта компания - главный конкурент Стального треста. А старый Дан Уотерман - его организатор и заправила.

- Но при чем здесь Хиган?

- При том, что он всегда действует заодно с Уотерманом!

Монтегю был ошарашен.

- Понимаю.

- Ясно-понятно, - сказал майор. - Милый вы мой, почему вы не пришли ко мне раньше, чем приниматься за подобные дела? Вам следовало обратиться в Миссисипскую стальную компанию, к ее заправилам. Можно предположить, что вы уяснили суть дела, но не заострили на этом внимания. Что вы там рассказывали о геологических изысканиях?

Монтегю подробно изложил историю провалившегося плана продолжения дороги и обо всем, что узнал во время разговора на охоте.

- Ясно-понятно. Теперь мы добрались до самой сути. Это Стальной трест сорвал ваши планы.

- Что? Что?

- Они подкупили геологов, производивших изыскания, и, возможно, с тех пор контролируют работу вашей дороги и стараются подорвать ее реконструкцию.

- Но это невозможно! Они не имеют к ней никакого отношения.

- Да, - сказал майор, - почему вы знаете?

- Я знаком с ее президентом. Это старый друг нашей семьи.

- Хорошо, - последовал ответ. - Ну, а если предположить, что у них была его закладная?

- Но тогда почему бы им не купить всю дорогу, и дело с концом? - спросил с недоумением Монтегю.

Его собеседник рассмеялся.

- Мне вспомнилось знаменитое изречение Уаймана: "Зачем мне покупать акции, когда я могу купить директоров". Именно эти люди и шпионят теперь за вами. Возможно, они заметили, что вы проявили желание сдвинуть дело с мертвой точки, и пытаются этому помешать.

- Кто управляет Миссисипской стальной компанией? - спросил Монтегю.

- Не знаю, - ответил майор, - но подозреваю, что ко всему этому как-то причастен Уайман. Вы не обратили внимания на сообщение во вчерашних газетах, что контракты по поставке рельсов для своих трех трансконтинентальных железных дорог он заключил с Миссисипской стальной компанией?

- Конечно, обратил! - воскликнул Монтегю.

- Вот видите! - сказал майор, и его смех прозвучал как кудахтанье. - Вы попали в самую лужу, и одному богу известно, какие от этого пошли круги. Представьте себе создавшуюся ситуацию. Стальной трест дает доход на все

двести процентов. При существующем тарифе он может продавать свою продукцию в стране в полтора раза дороже, чем за границей, и при всем этом ему приходится сокращать процент, выплачиваемый акционерам. Стоимость его упала на десять процентов ниже номинальной. Он во всем экономит и в результате выпускает негодную продукцию. И тут является Уайман - единственный человек на Уолл-стрите, кто осмелился угрожать старому Дану Уотерману и сообщать газетам все факты о недоброкачественных рельсах, послуживших причиной крушения на дорогах, и заключает контракты уже не с трестом, а с Миссисипской стальной компанией, которая продает товар дешевле. Компания перегружена заказами, ее заводы работают днем и ночью. И вот приходит простодушный молодой безумец, пожелавший дотянуть свою жалкую железнодорожную ветку прямо-таки до заднего двора компании, и приносит такое предложение Джиму Хигану.

Майор закудахтал еще больше. Его багровое лицо тряслось, а ноги судорожно дергались. Что касается Монтегю, то он испытывал глубокую подавленность.

- Что бы вы предприняли на моем месте? - спросил Аллан некоторое время спустя.

- Я не вижу, что тут можно поделать, - ответил майор, - разве что крепко держаться за свои акции. Возможно, если вы заявите о своем плане продления дороги во всеуслышание, кто-нибудь из Стального треста выкупит их по себестоимости.

- Я постараюсь запугать их, - рассмеявшись, сказал Монтегю.

- Готов побиться об заклад, - продолжал майор, - что вчера поднялось немалое волнение в одной из контор делового центра! Тут есть человек, который приходит сюда каждый вечер. Возможно, он слышал об этом. Это Уилл Робертс.

И майор окинул взглядом ресторан.

- А вот и он, легок на помине. Идет сюда.

В зал быстрым шагом входил высокий черноволосый человек с решительным выражением лица.

- Робертс-молчаливый, - сказал майор, - давайте-ка попытаемся узнать у него.

Когда Робертс подошел ближе, майор окликнул его:

- Хэлло! Робертс! Вы куда? Позвольте представить вам моего друга, мистера Аллана Монтегю.

Робертс взглянул на Монтегю и поздоровался:

- Добрый вечер, сэр! Как поживаете, Винебл?

- Хуже некуда, благодарю, - ответил майор. - А как ваши дела на Уолл-стрите?

- Плоховато, - сказал Робертс, проходя мимо. - Боюсь, что дела мои совсем плохи. Слишком много жаждущих быстрой наживы.

Майор закудахтал.

- Прекрасное заявление в устах человека, который за десять лет нажил сам шестьдесят миллионов! - сказал он, когда Робертс уже не мог его услышать.

- Не похоже, чтобы он обо мне слышал.

- Так мы ему и поверили, - возразил майор. - Даже если бы он каждую ночь собирался перерезать вам глотку, то вы и тогда ничего не заметили бы по его лицу. Таков Робертс, должно быть, он выкован из стали.

Майор умолк. Но вскоре продолжил, предаваясь воспоминаниям:

- Наверное, вы читали о большой стачке? Так вот Робертс к этому причастен. Он стал самым ненавистным человеком в стране. Боже мой! Как злопыхали газеты и политики по его адресу! Но он твердо стоял на своем: или провалить стачку, или погибнуть в борьбе. И, знаете, он был близок и к тому и к другому. К нему в контору дважды являлся террорист и стрелял в него. Он чуть было не отправил его на тот свет. Но Робертс боролся со стачечниками лежа в постели, а через две недели снова вернулся к себе в контору.

У майора был неисчерпаемый запас воспоминаний и сплетен. Он рассказывал Монтегю о стальных королях, о людях, которые их ненавидели, и о женщинах, которых они любили, об их сокровенных делах и тайнах.

Уильям Х. Робертс начал свою карьеру служащим в крупной сталелитейной мастерской и стал впоследствии самым беспощадным конкурентом ее хозяина. И теперь живет только тем, что побеждает соперников. Если его соперник построит библиотеку, Робертс выложит деньги сразу на две. Если тот выстроит себе громадный офис, Робертс скупит землю вокруг, настроит с полдюжины домов и совершенно затмит своего соперника. Робертс-молчаливый неустанно плетет свои интриги и в один прекрасный день станет хозяином Стального треста, а его конкурент будет окончательно раздавлен.

- Ловкие ребята эти господа из Стального треста, - закончил майор, закудахтав, - вам придется глядеть в оба, если доведется иметь с ними дело.

- Так что ж вы посоветуете мне? - спросил Монтегю, усмехаясь. - Может, подослать к ним сыщиков?

- Почему бы и нет? - серьезно сказал майор. - Почему бы не выяснить, кто подослал вам полковника Коула? А попутно узнать, насколько нужна Хигану ваша маленькая железная дорога, и заставить его платить за нее.

- Ну, этому я еще не научился.

- Пора и научиться, - возразил майор. - Могу вам преподать урок. Я знаю сыщика, которому можно доверять. Во всяком случае, осторожно, - добавил он, - я не помню случая, чтобы он меня обманул.

Монтегю глубоко задумался.

- Вы что-то говорили насчет подслушивания телефонных разговоров, - заметил он. - Неужели это серьезно?

- Вполне.

- Тем самым вы хотите сказать, что они могут знать содержание моих телефонных переговоров?

- Я берусь доставить вам стенограмму каждого слова, произнесенного вами по телефону в продолжение двадцати четырех часов, а также каждого слова, сказанного вашим собеседником. Это обойдется вам в двести пятьдесят долларов.

- Невероятно, - воскликнул Монтегю. - Кто же этим занимается?

- Лица, устанавливающие подслушивающие устройства, занимаются опасной работой, но хорошо оплачиваемой. Как-то один из моих друзей участвовал в деле, в котором была заинтересована телефонная компания. Они подключили его телефон к другому, и все это было проделано раньше, чем противная сторона успела обнаружить подвох. И по сей день его телефон относится к району "Весна", тогда как все другие по соседству - к району "Джон".

- А почту тоже перехватывают? - спросил Монтегю.

- Почту? - повторил майор. - Это проще простого. Вы можете задержать любую входящую корреспонденцию на сутки и сфотографировать каждое письмо. То же самое вы можете сделать и с любым исходящим письмом, если только его посылает не слишком осмотрительный человек. Понимаете, за ним можно установить слежку, и каждый раз, когда он бросает письмо в ящик, опустить вслед желтый или голубой конверт - знак для почтовых служащих.

- Но в таком случае в это дело невольно будут замешаны многие лица!

- Ничего подобного. У почты имеется секретная служба, и ее сотрудники постоянно выслеживают преступников. И нет ничего легче, чем подкупить одного из служащих и добиться того, чтобы вашего врага занесли в список подозрительных лиц.

Майор рассмеялся от удовольствия. Ему всегда доставляло наслаждение видеть лицо Монтегю после его рассказов о коррупции, столь распространенной в Нью-Йорке.

- Случаются вещи еще удивительнее. Могу познакомить вас с человеком, который находится сейчас в этом ресторане. Он как-то вел судебное дело против мошеннических операций судостроительной компании. В его руках оказались важные документы. Он принес их к себе в контору, где его служащие при нем сняли с них тридцать две копии. Он поместил оригиналы и тридцать одну копию в тридцать два городских сейфа, а тридцать вторую копию отнес домой в папке. В ту же ночь к нему в квартиру забрались воры и украли ее. На следующий день он написал тем, с кем боролся: "Я собирался послать вам копию бумаг, попавших ко мне в руки, но поскольку у вас уже есть копия, мне остается только продолжать осуществление своего плана". И этого было достаточно. Они сошлись на миллионе или двух.

Майор умолк и посмотрел в другой угол ресторана.

- Вон идет Дик Сандерсон, - сказал он, указывая на бойкого молодого человека с красивым, гладко выбритым лицом. - Он представитель Южной железной дороги штата Нью-Джерси. Однажды один юрист, встретившись с ним за обедом, объявил: "Я собираюсь завтра собрать пайщиков вашей дороги и выслушать их претензии". И начал обосновывать причины, а они

были вескими. Ничего не ответив, Сандерсон вышел и позвонил по телефону своему агенту в Трентон, а на другое утро вышел законопроект, проведенный через обе палаты, устанавливающий ограничительный закон, по которому все основания для претензий к дороге теряли силу.

Пострадавший на этом деле в настоящее время губернатор штата Нью-Йорк, и, если вы с ним когда-либо встретитесь, можете расспросить его об этом.

Последовала пауза. Вдруг майор спросил:

- Между прочим, эта красивая вдова, выписанная вами из штата Миссисипи, миссис Тэйлор, так кажется ее зовут?

- Да, так, - ответил Аллан.

- Я слышал, Стенли Райдер от нее без ума.

Монтегю помрачнел.

- Сожалею, что до вас дошли такие слухи.

- Отчего же? - возразил майор. - Это хорошо, он ее развлечет.

- Люси новичок в Нью-Йорке, - сказал Монтегю, - и я не думаю, что она осознает, что за человек этот Райдер.

Майор задумался.

- Конечно, ей не мешало бы вести себя поосторожней, - сказал он. - Я что-то слышал о решении миссис Стенли освободиться от супружеских уз, и если ваша обворожительная вдовушка не желает попасть в газеты, пусть лучше не афиширует свою благосклонность.

Глава 4. Предложение от адвокатской конторы

Два или три дня спустя Монтегю встретился с Джимом Хиганом на собрании директоров. Он пристально наблюдал за ним, но Хиган не обнаруживал ни малейшего смущения. Он был учтив и приветлив, как всегда.

- Кстати, мистер Монтегю, - сказал он, - я упомянул об этом деле с дорогой одному приятелю, который заинтересовался им. Возможно, на днях вы услышите о нем.

- Весьма признателен, - ответил Монтегю.

И это было все.

На следующий день, в воскресенье, Монтегю заехал за Люси, чтобы сопровождать ее в церковь. Аллан рассказал ей об этом разговоре. Но он умолчал об эпизоде с полковником Коулом, не желая расстраивать ее без особой нужды.

Люси тоже было о чем поговорить с ним.

- Кстати, Аллан, я полагаю, вы знаете, что завтра состоится парад карет.

- Знаю, - ответил Монтегю.

- Мистер Райдер предложил мне место в своей карете, - сказала Люси. - Я так и знала, что вы рассердитесь на меня, - поспешила добавить она, видя, что Монтегю нахмурился.

- Вы уже приняли это предложение?

- Да, - ответила Люси. - Я не думаю, что в нем есть что-то предосудительное. Ведь это на глазах у широкой публики...

- Да, широкой! - воскликнул Монтегю. - Еще бы! Сидеть в экипаже перед толпой зевак и тридцатый или сорока газетными репортерами, которые вас фотографируют! Выставлять напоказ себя - обворожительную молодую вдову с берегов Миссисипи, украшавшую парадный выезд Стенли Райдера! А потом в высшем свете будут смотреть на снимки, качать головой и все это комментировать!

- Какой у вас на все циничный взгляд, - возразила Люси. - Кто виноват, если толпа тарасит на вас глаза, а газеты помещают снимки? Не отказаться же мне из-за этого от удовольствия прокатиться в коляске.

- О, Люси, - произнес Монтегю, - вы слишком умны для таких речей. Если вам хочется - катайтесь на здоровье. Но когда некоторые люди тратят десять и двадцать тысяч долларов за шикарный выезд, назначают день парада и оповещают о нем весь город и, разнаряженные, выставляют себя напоказ перед публикой, они не имеют права говорить, что катаются ради одного удовольствия.

- Конечно же, - нерешительно сказала она, - приятно, когда на тебя обращают внимание.

- Да, тем, кому это нравится, - возразил он. - Если женщина решает участвовать в каком-нибудь публичном сборище, гоняется за газетной рекламой и ищет популярности - это ее право! Но, ради всего святого, пусть тогда она не притворяется, что ей просто нравится править красивыми лошадьми, слушать музыку или беседовать с друзьями. Я допускаю, что светская женщина имеет такое же право рекламировать себя, как и любой политический деятель или изобретатель пилюль. Но зачем же тогда она стыдится этого, зачем постоянно болтает о своей любви к уединению? Возьмите миссис Уинни Дюваль. Послушать ее, так можно подумать, что она мечтает стать пастушкой и разводить цветы, а на практике Уинни завела альбом для газетных вырезок, и, если газеты неделю о ней не упоминают, она теряет спокойствие духа.

Люси рассмеялась.

- Вчера вечером я была у миссис Робби Уолинг, - сказала она. - Она говорила, что ее раздражает скопление людей в опере, и она собирается уехать куда-нибудь, лишь бы не видеть этой отвратительной толпы.

- Да, - сказал Монтегю. - Можете мне не рассказывать о Робби Уолинг. Все это мне известно. Что бы ни делала эта леди с того момента, как она открывает глаза поутру и до того момента, когда ложится спать на следующее утро - все это как раз и предназначается для взоров этой "отвратительной толпы".

Немного помолчав, он спросил:

- Похоже, вы уже повсюду бываете?

- О, кажется, я пользуюсь успехом, - сказала Люси. - Это верно - прекрасно провожу время. Никогда в жизни не видывала столько роскошных домов и сногшибательных туалетов.

- Прекрасно, но не спешите жить и растяните время. Когда человек привыкает, такая жизнь начинает казаться довольно скучной и серой.

- Сегодня вечером я приглашена к Уайманам, - сказала Люси, - играть в бридж. Что за фантазия устраивать в воскресенье вечером игру в бридж! Монтегю пожал плечами.

- Così fan tutti [так поступают все (ит.)], - сказал он.

- Что вы думаете о Бетти Уайман? - спросила Люси.

Она живет в свое удовольствие, но не думаю, чтобы отдавала себе в этом отчет.

- Она очень влюблена в Олли?

- Не знаю, - сказал он. - Кто их разберет. Похоже, их это не слишком волнует.

Этот разговор происходил, когда они, выйдя из церкви, спускались по Пятой авеню, разглядывая одетую уже по-весеннему публику.

- Кто эта статная особа, которой вы сейчас поклонились? - спросила Люси.

- Мисс Хиган, дочь Джима Хигана.

- О-о! - сказала Люси, - я припоминаю - Бетти Уайман говорила мне о ней.

- Полагаю, ничего хорошего? - улыбаясь, сказал Монтегю.

- Зато интересно. Разве это не каприз, когда у дочери отец владеет сотней миллионов, а та собирается поступить на работу?

- Видите ли, - заметил Аллан, - ведь я говорил вам, как утомляет такая жизнь, когда все делается напоказ.

Люси посмотрела на него насмешливо.

- Наверное, вам импонирует девушка такого типа?

- Я очень хотел бы поближе познакомиться с ней, но, похоже, я ей не нравлюсь.

- Вы не нравитесь! - вскричала Люси. - Почему? Это же просто возмутительно!

- Она тут ни при чем, - улыбнулся Монтегю. - Боюсь, что у меня плохая репутация.

- Вы имеете в виду миссис Уинни!

- Да, - сказал Аллан, - вот именно.

- Расскажите мне эту историю.

- Она очень банальна. Миссис Уинни пристрастилась выводить меня в свет, а я был настолько глуп, что являлся на каждое ее приглашение. Ну и, как я узнал, сплетницы заработали языками.

- Но это не нанесло вам большого ущерба? - спросила Люси.

- Большого? Нет, - сказал он, пожимая плечами. - Разве что вот теперь, когда появилась женщина, с которой мне хотелось бы познакомиться поближе, я этого не могу сделать. Вот и все.

Люси бросила на него лукавый взгляд.

- Вам нужна сестра, - улыбаясь, сказала она ему. - Кто-нибудь, кто мог бы бороться за вас.

Как Джим Хиган и предсказал, вскоре Монтегю получил предложение. Оно исходило от адвокатской конторы, о которой он никогда не слышал. "Мы узнали, - гласило письмо, - что у Вас есть пакет из пяти тысяч акций Северной миссисипской железной дороги. Наш клиент уполномочил нас предложить Вам за них пять тысяч долларов наличными. Будьте любезны связаться с Вашим клиентом и незамедлительно уведомить нас о Вашем решении".

Монтегю позвонил Люси и сказал ей, что получил предложение купить ее акции.

- По какой цене? - спросила она нетерпеливо.

- Не очень подходящей. Но я бы не стал обсуждать этот вопрос по телефону. Когда я увижу вас?

- Не смогли бы вы переслать мне это письмо с нарочным? - спросила она.

- Конечно, но я предпочитаю переговорить с вами лично. К тому же у меня та закладная и другие бумаги, которые вы должны подписать. Это тоже требует моих пояснений. Не могли бы вы сегодня утром приехать ко мне в контору?

- Я бы приехала, если бы не обещала уже быть в другом месте по очень важному делу, и теперь не знаю как мне быть.

- Нельзя ли отложить этот визит?

- Нет, это приглашение принять участие в прогулке на новой яхте мистера Уотермана.

- На "Брунгильде"! - воскликнул Монтегю. - Так бы и сказали!

- Да, и мне не хотелось бы от этого отказываться.

- Сколько времени это у вас займет?

- Я вернусь к вечеру. Мы поплывем к Зунду. Знаете, яхта уже готова к плаванию.

- На каком причале она стоит?

- Возле Баттери. Я должна быть на борту через час, и уже собралась выезжать. Не могли бы вы встретиться со мной там?

- Хорошо, - сказал Монтегю, - я приеду. В крайнем случае они подождут меня несколько минут.

- Мне не терпится узнать подробности предложения, - сказала Люси.

Монтегю еще два раза вызывали к телефону, и это его немного задержало. Наконец, он вскочил в кэб и помчался к Баттери.

Здесь, по соседству с Кастрл-Гарден, находилась пристань, которую окрестили "Базой миллионеров". Это - излюбленное место для стоянки частных яхт так называемой уолл-стритской флотилии. В это время года

большинство "великих" людей уже переехали на свои загородные виллы и те, кто жил вблизи Гудзона или Зунда, добирались к себе в конторы водным путем, кто на чем, начиная от моторных лодок до огромных частных пароходов, где подавали завтрак; тут же находились штат секретарей и экспедиция.

Многие из этих яхт представляли собой настоящие плавучие дворцы во всем их великолепии. На одну из них, принадлежавшую Лестеру Годсу, был однажды приглашен Монтегю. Здесь на верхней палубе под стеклянной крышей расположилась библиотека. Яхта служила главным образом для доставки ее владельцев к местам охоты. Она была оборудована прачечной и различными автоматами. Там находились также холодильник и тир.

А вот и "Брунгильда", чудесная новая игрушка старого Уотермана. Монтегю знал о ней все, так как ее достроили только этой весной и не было ни одной столичной газеты, не опубликовавшей ее фотографии и подробнейших сведений о ее стоимости. Уотерман купил эту яхту у бельгийского короля, полагавшего, что в ней есть все, что угодно душе монарха. Велико же было его изумление, когда он узнал, что новый владелец приказал оголить ее до стального корпуса, заново отделать и обставить. По сообщениям газет, салон ее теперь меблирован в стиле Людовика XV. Стены обшиты панелями полированного дерева и инкрустированы орехом, а пол застлан мягким ковром шириной в двенадцать футов. В туалетах электрический свет зажигался автоматически. Письменные столы в каютах-кабинетах имели выдвижные доски на легких шаровых опорах. Спальня владельца протянулась от носа до кормы на двадцать восемь футов, а к ней примыкала римская купальня из белого мрамора. Такой была эта "Брунгильда".

Монтегю поискал глазами шлюпку и, не находя ни одной, окликнул лодочника и сам сел за весла. У трапа его встретил офицер.

- Миссис Тэйлор на борту? - спросил Монтегю.

- Да, - ответил тот. - Вы мистер Монтегю? Она оставила вам записку.

Монтегю уже поднимался по трапу, как вдруг что-то заставило его остановиться. Из какого-то иллюминатора до него донесся сдавленный крик:

- Помогите! Помогите!

Он узнал голос. Это была Люси.

Глава 5. Лапы медведя

Монтегю колебался лишь мгновение. Он прыгнул на палубу.

- Где миссис Тэйлор? - закричал он.

- Она сошла вниз, сэр, - ответил, замявшись, офицер. Но Монтегю, обогнав его, уже устремился вниз в кают-компанию. С последней ступеньки лестницы он попал в просторный вестибюль, куда свет проникал через стеклянный колпак. Он бросился к двери, которая вела в каюту, откуда, как ему показалось, слышался крик Люси, и громко позвал:

- Люси! Люси!

Услышав ее ответ за дверью, Аллан схватил ручку и попытался ее повернуть, но дверь была заперта изнутри.

- Откройте! - закричал он.

Ни звука.

- Откройте, - снова крикнул Монтегю, - не то я выломаю дверь.

Переходя от слов к действию, он всей своей тяжестью навалился на дверь. Она затрещала. И тут неожиданно послышался мужской голос.

- Сейчас. Подождите.

Кто-то возился с ручкой. Монтегю стоял с сильно бьющимся сердцем, готовый на все. Дверь открылась, и он оказался лицом к лицу с... Даном Уотерманом.

Монтегю в ужасе отступил на шаг. А тот вышел и, ни слова ни говоря, прошел мимо него в вестибюль. Монтегю успел только перехватить его взгляд, полный такого бешенства, какого он никогда не видал на лице человека.

Монтегю бросился в каюту. Люси стояла у дальней стены, опираясь на стол, чтобы не упасть. Ее платье было порвано, прическа растрепана, лицо пылало; она была сильно возбуждена.

- Люси! - произнес, задыхаясь, Аллан, подбегая к ней.

Люси ухватила за его руку, чтобы устоять на ногах.

- Что случилось?

Она отвернулась, не произнеся ни слова.

С минуту он стоял и пристально смотрел на нее. Затем Люси прошептала:

- Быстро! Скорее бежим отсюда!

Она откинула руками волосы со лба, оправила платье и пошла к двери, опираясь на руку друга.

Они поднялись на палубу, где все еще стоял офицер.

- Миссис Тэйлор желает сойти на берег, - сказал Монтегю. - Не угодно ли подать нам катер?

- Катер вернется через несколько минут, сэр, - начал было тот.

- Мы хотим сойти немедленно. Дайте нам, пожалуйста, одну из весельных лодок. Иначе я подзову вон тот буксир.

Офицер колебался с минуту, но повелительный тон Монтегю заставил его отдать приказание и спустить небольшую лодку.

Между тем Люси стояла, тяжело дыша и нервно озираясь по сторонам. Когда они наконец покинули яхту, он услышал, как она облегченно вздохнула.

Люси молчала до тех пор, пока они не сошли на берег.

- Кликните мне кэб, Аллан, - сказала она.

Монтегю вывел ее на улицу и подозвал карету.

Когда они уселись, Люси откинулась на спинку, медленно переводя дыхание.

- Пожалуйста, не спрашивайте меня ни о чем, Аллан, - попросила она.

И всю дорогу до самого отеля не произнесла ни единого слова.

- Могу ли я что-нибудь сделать для вас? - спросил Монтегю, проводив Люси в ее номер.

- Нет, благодарю. Со мной все в порядке. Подождите, я сейчас.

Она ушла в гардеробную, а когда вернулась, на лице ее уже не было и следа пережитого волнения. Она села в кресло против Аллана и, подняв на него глаза, сказала:

- Аллан! Я думаю, как мне отплатить этому человеку.

- Право не знаю, - ответил он.

- Мне просто не верится, что мы в Нью-Йорке! У меня такое чувство, что мы вернулись в средние века!

- Вы забываете, Люси, - возразил он, - что я не знаю, что произошло.

Люси снова умолкла. Так они и сидели, глядя друг на друга. Тут она вдруг расхохоталась и долго не могла сдержать смеха.

- Я стараюсь злиться, Аллан, - выговорила она с трудом. - И, кажется, я должна это делать, но, право же, все получилось чересчур глупо!

- Я знаю, вы предпочитаете смех слезам, - сказал он.

- Я расскажу вам все, Аллан. Я знаю, что должна это кому-нибудь рассказать или же я просто взорвусь - ведь мне ни разу в жизни не пришлось переживать ничего подобного.

- Расскажите мне все с самого начала.

- Вы уже знаете про мою встречу с Уотерманом в его картинной галерее, - сказала Люси. - Мистер Дэвид Олден привез меня туда, и старый человек был так вежлив, вел себя с таким достоинством, право, мне бы и в голову не пришло ничего такого! Затем он написал мне записочку - представьте, собственноручно, - приглашая принять участие в первом плавании на "Брунгильде". Разумеется, я не усмотрела в этом ничего предосудительного. Я сказала вам, что поеду, и вы не высказали никаких возражений.

Я приехала, меня встретили, перевезли на яхту, и стюард провел вниз, в каюту, оставив там, а минуту спустя пришел и сам старик. Он притворил за собой дверь и запер ее на ключ.

"Как поживаете, миссис Тэйлор?" - спросил он, и раньше, чем я успела открыть рот, подошел ко мне и спокойно обнял. Можете себе представить, что я почувствовала. Да я просто остолбенела!

"Мистер Уотерман?" - едва смогла выговорить я и уже не слышала, что он ответил. Я была вне себя от гнева и ужаса. Помню, что крикнула несколько раз: "Отпустите меня!" - но он не обращал ни малейшего внимания на мои крики и крепко сжимал в объятиях. Наконец, я чуточку собралась с силами. Я не хотела кусаться и царапаться, как судомойка, и попыталась говорить спокойно.

"Мистер Уотерман, - сказала я, - я требую, чтобы вы меня отпустили". "Но я люблю вас". "А я вис не люблю", - запротестовала я и, помнится, подумала, что мои слова звучат довольно бессмысленно. Но в такой ситуации вряд ли можно было сказать что-либо умнее. "Вы полюбите меня, - сказал он. - Как и многие женщины". "Я не из их числа, я уже сказала вам, что вы ошиблись. Отпустите меня". "Я хочу вас, - ответил он. - А все, чего я хочу, я добиваюсь. Мне никогда никто не отказывал, поймите. Вы не представляете себе положения, в каком оказались. Для вас это не будет позором. Женщины почитают за честь, если я их люблю. Подумайте, что я могу для вас сделать. Вы сможете иметь все, что пожелаете. Уехать, куда вздумаете. Я вас никогда не брошу".

Помнится, он говорил что-то еще в таком же роде. Каково было мое положение! Все равно, как если бы я попала в лапы медведя! Вы не поверите, я знаю, но он обладает огромной силой. Я была не в состоянии пошевелиться. С трудом соображала и все время чувствовала его дыхание на своем лице. А он заглядывал в мои глаза, как страшный, дикий зверь.

"Мистер Уотерман, - протестовала я. - Я не привыкла, чтобы со мной так обращались". "Знаю, знаю. Если бы это было не так, я бы вас не желал. Но я не такой, как другие мужчины. Подумайте об этом, подумайте и о том, как велика моя власть. Мне некогда ухаживать за женщинами. Но вас я люблю. Я полюбил вас в ту минуту, как увидел. Разве этого недостаточно? Чего вы еще можете желать?" "Вы завлекли меня сюда обманом, - кричала я, - вы поступили низко. Если в вас есть хоть капля порядочности, вам должно быть стыдно". "Полно, полно, - твердил он, - не говорите глупостей. Вызнаете свет. Вы не цыпленок, только что вылупившийся из яйца..."

Да, он сказал это, Аллан! Я точно припоминаю эту фразу, именно она так взбесила меня. Вы не представляете себе! Я опять пыталась вырваться, но чем больше боролась, тем в большее бешенство он приходил. Мне было ужасно страшно. Ведь на яхте, наверное, не оставалось никого, кроме его слуг. "Мистер Уотерман, уберите руки, иначе я подниму скандал... Буду кричать", - возмущалась я. "Это вам не поможет", - свирепо сказал он. "Но чего вы от меня хотите?" "Я хочу, чтобы вы меня любили". Тут я снова начала вырваться. Я закричала раз или два, не помню, но он зажал мне рот рукой. Тогда я стала бороться за себя. Я уверена, что выцарапала бы гадкому старикашке глаза, если бы он не услышал вашего голоса. Когда вы стали звать меня, он отпустил руки и отпрянул. Никогда в жизни я не видела выражения такой лютой ненависти на чьем-либо лице. Когда я ответила вам и бросилась к двери, он преградил мне путь. "Я буду преследовать вас! - прошептал он. - Вы поняли меня? Я никогда не откажусь от вас!" И тут вы налегли на дверь; он повернулся, отпер ее и вышел.

Пока Люси вспоминала эту сцену, ее лицо покрылось багровыми пятнами от волнения. Она дышала часто, взволнованно. Монтегю сидел, глядя перед собой, и не издал ни звука.

- Слышали ли вы в своей жизни что-либо подобное? - спросила она.

- Да, - серьезно сказал он. - К сожалению, должен признаться, что слышал о подобных сценах не раз. И даже нечто похуже.

- Но что же мне теперь делать? - воскликнула она. - Такое поведение нельзя оставить безнаказанным.

Монтегю ничего не ответил.

- Он чудовище! - все больше расходилась Люси. - Я должна засадить его в тюрьму.

Монтегю покачал головой.

- Вы не в силах этого сделать.

- Не в силах! - воскликнула она. - Почему?

- Вы ничего не сможете доказать, - сказал Аллан. - Все ваши обвинения он будет опровергать, а его словам всегда будет больше веры. Вы не можете добиться ареста Дана Уотермана, как если бы это был обычный человек. И подумайте об огласке!

- Я хотела бы опозорить его! Ему это послужило бы уроком!

- Да нет, это не причинило бы ему ни малейшего вреда, - сказал Монтегю. - Я в этом твердо уверен, так как был свидетелем подобной попытки - из нее ничего не вышло. Вы не найдете ни одной газеты в Нью-Йорке, которая решилась бы предать огласке вашу историю. Единственное, чего вы добьетесь, - это обретете дурную славу искательницы приключений.

Люси уставилась на него с изумлением, судорожно сжимая кулаки.

- Похоже, что я живу где-нибудь в Турции, - воскликнула она.

- Вы недалеки от истины. Здесь в городе живет старик, который всю свою жизнь ссужал деньги под проценты и скопил целое состояние. У него теперь что-то около восьмидесяти или ста миллионов, кажется. И каждые полгода вы можете прочесть в газетах, что какая-нибудь особа женского пола пыталась его шантажировать. А все дело в том, что с каждой хорошенькой девушкой, которая поступает в его контору, он проделывает то же самое, что Уотерман пытался сделать с вами. В результате те из них, кто по глупости затевал скандал, попадали в тюрьму за шантаж.

Видите ли, Люси, - продолжил Аллан после паузы, - вы должны уяснить положение. Этот человек в Нью-Йорке - бог. Все пути к обогащению - под его контролем; он может вознести или сломить всякого, кого ему заблагорассудится. Правда, правда - он может разорить любого. Он может заставить полицию поступать так, как угодно ему. Это всего лишь вопрос денег. И он привык во всем диктовать. Малейший его каприз - закон. Он покупает все, что захочет. Это относится и к женщинам. Он привык к тому, что его считают господином положения; женщины ищут его благосклонности. Если бы вы были согласны пойти на это, то могли бы рассчитывать на дворец стоимостью в миллион долларов на берегу реки Драйв или же коттедж с пристанью, тоже не менее, чем за миллион в Ньюпорте. Вы получили бы неограниченный кредит во всех магазинах, любые поездки на пароходах и всех железных дорогах в отдельном вагоне. Многие женщины только за это и бьются, и он просто не понимает, чего вам еще нужно.

- И на это он тратит свои деньги?

- Он покупает все, что ему взбредет в голову. Говорят, Уотерман ежедневно расходует пять тысяч долларов. В клубах рассказывают, что однажды он влюбился в жену врача и дал миллион долларов на строительство больницы при условии, что этот врач уедет на три года ознакомиться с больницами в Европе.

Люси задумалась.

- Аллан! - вдруг сказала она, - как вы думаете, что он имел в виду, сказав, что будет меня преследовать? Что он может мне сделать?

- Не знаю, - ответил Аллан, - надо об этом хорошенько подумать.

- Однажды он выразил мысль, которая сразу показалась мне очень странной. Припоминаю, как он сказал: "У вас нет денег. Вы не сможете жить в Нью-Йорке. То, что у вас есть - здесь просто ничто". Не думаете ли вы, Аллан, что ему известно положение моих дел?

Монтегю пристально посмотрел на нее, пораженный странной мыслью.

- Люси! - воскликнул он.

- Что?

- Да нет, ничего! - спохватился Аллан и подумал про себя: "Глупости. Этого не может быть!" Мысль, что сыщика мог подослать к нему Дан Уотерман, показалась ему слишком нелепой. - Он, вероятно, сказал это сгоряча. Но вы должны быть осторожны. Уотерман - опасный человек.

- И я бессильна его покарать, - помолчав, прошептала Люси.

- Мне кажется, - сказал Монтегю, - что вы еще дешево отделались. Впредь будьте осмотрительнее, что же касается кары, то, полагаю, об этом позаботится природа, ведь он стареет и, говорят, ведет замкнутый и отвратительный образ жизни!

- Однако, Аллан, я невольно все время думаю о том, что было бы со мной, если бы вы не оказались на яхте! Я не могу не думать и о других женщинах, попадавших в такую же западню. Тогда я была бы такой же незащищенной, как они, независимо от того, что бы он ни сделал!

- Боюсь, что это так, - серьезно сказал Аллан. - Наверное, многие женщины это узнали на собственном опыте. Я понимаю ваши чувства, но что вы можете тут сделать? Не в ваших силах карать людей, подобных Уотерману. Например, узурпируя власть в какой-нибудь отрасли - а это неизбежность жизни, - они обрекли тысячи людей на голодную смерть или учиняли насилие над незащищенными женщинами. В этом городе есть богачи, которые забавляются тем, что публикуют объявления о найме и привлекают девушек. Одна стенографистка из моей конторы рассказывала, что за год она двадцать раз меняла место работы, потому что ее работодатели добивались, чтобы она стала их любовницей.

- Видите ли, - сказал он после паузы, - мне кое-что известно о подобных вещах. Вы думали, я говорил просто так, а я знал, что вам угрожает. Вы здесь чужая: у вас нет ни друзей, ни влияния, и вы всегда будете страдающей стороной. И далеко не только в случае, подобном этому, когда в дело могла вмешаться полиция и газеты, но и в случае широкой огласки в

обществе. Это вопрос вашей репутации, оценки ваших поступков теми, у кого богатство, все привилегии. И они умеют их защищать! Они охотно пригласят приезжую провести время, если она хороша собой, остроумна и может их развлечь. Но стоит вам покуситься на их права или угрожать их власти, и вы убедитесь, как они вас возненавидят, как безжалостно очернят и погубят.

Глава 6. В гостях у Прентисов

Злоключения Люси настолько поглотили все их внимание, что они позабыли о других делах. Наконец, Монтегю упомянул об акциях и Люси выразила свое возмущение тем, что ей предложили низкую цену.

- Я выиграю всего десять центов за доллар! Вряд ли вы посоветуете мне уступить акции по такой цене!

- Конечно, нет, - ответил Аллан. - Я бы отверг это предложение. Но, пожалуй, следовало назначить свою цену.

Они снова обсудили этот вопрос и сошлись на ста восьмидесяти тысячах долларов.

- По-моему, лучше всего дать им понять, что эта цифра окончательная, - сказал Монтегю. - Наверное, они захотят поторговаться, но я на это не большой мастер. Я предпочитаю, назвав цену, придерживаться ее.

- Прекрасно! - сказала Люси. - Делайте так, как считаете нужным.

Оба замолчали. Посмотрев на взволнованное лицо Люси, Монтегю поднялся.

- Лучше, если вы не будете придавать такого значения сегодняшнему неприятному происшествию, - сказал он. - Начнем все сначала и больше не будем совершать ошибок. Сегодня я еду к друзьям, которые давно уже просили меня привести вас к ним. Поедем вместе.

- Кто они такие? - спросила Люси.

- Генерал Прентис и его жена. Вы слышали о них?

- Мистер Райдер упоминал о банкире Прентисе. Это он?

- Да, - сказал Монтегю, - президент Федерального банка. Он был давним другом моего отца, и Прентисы - первые, с кем я познакомился в Нью-Йорке. С тех пор мы подружились. Я пообещал им привезти вас как-нибудь на обед и позвоню им, если вы согласны. Не думаю, что вам следует оставаться в одиночестве и думать о Дане Уотермане.

- Я не прочь сейчас побыть одна, - сказала Люси. - Но если вам хочется, я поеду.

Они отправились к Прентисам. Тут были генерал собственной персоной, его жена и две дочери - одна из них училась в колледже, а вторая оказалась одаренной скрипачкой. Генералу Прентису уже перевалило за семьдесят, и его борода была бела, как снег, но он сохранил осанку и представительность военного. С миссис Прентис Монтегю впервые встретился в опере, получив приглашение в их ложу. Генеральша, сверкающая бриллиантами, произвела на него неприятное впечатление: она все время рассказывала разные сплетни, в то время как ему хотелось слушать музыку. Но, как потом сформулировала Люси, она была "матерью всем, кто оказывался у нее под каблуком". Она любила приглашать Монтегю к себе, знакомить его с людьми, которые, по ее мнению, могли быть ему полезны.

В тот вечер в гостях у Прентисов был также молодой Гарри Куртис, племянник генерала. Монтегю еще не был с ним знаком, но знал, что он младший партнер юридической конторы Уильяма Е. Давенанта - адвоката, выступавшего против него по тяжбе со Страховой компанией. Гарри Куртис оказался красивым парнем с открытым лицом и обворожительными манерами. Неделю назад он встречался с Алисой Монтегю по поводу какого-то дела и просил передать, что придет ее навестить.

После обеда они сидели, курили и беседовали о положении на рынке. В это время на Уолл-стрите царил большое волнение. Все цены на акции катастрофически падали, и, казалось, дела шли все хуже и хуже.

- Говорят, Уайман попался, - сказал Куртис. - Я вчера беседовал с одним из его маклеров.

- Уаймана не так легко поймать, - возразил генерал. - Маклерам зачастую меньше всего известно подлинное положение его дел. Есть основание полагать, что кто-то из крупных вкладчиков вышел из дела, так как, знаете ли, акционеры сейчас очень обеспокоены. Но при той обстановке, которая создавалась на Уолл-стрите, это лишь предположение. Крупные заправила так все прибрали к своим рукам, что стали практически всемогущими.

- Вы хотите сказать, что начавшийся деловой спад, возможно, результат чьих-то махинаций? - удивился Монтегю.

- А почему бы и нет? - в свою очередь, спросил генерал.

- Похоже, тут замешана целая группа лиц. Один человек не в состоянии произвести такой переворот.

- Нет, конечно, - ответил генерал. - Заметьте, я не утверждаю этого, я бы не взял на себя смелость утверждать это даже, если знал бы точно; но кое-что я видел, а кое-что подозреваю. И вы должны согласиться, что какие-то шесть человек в настоящее время заправляют в банках Нью-Йорка девяноста процентами всех дел.

- Но, пожалуй, раньше, чем дела улучшатся, станет еще хуже, - заметил Куртис.

- Надо что-то предпринимать, - продолжал генерал. - В данный момент положение с банками в нашей стране просто невыносимо. Биржевой делец практически вытеснил банкира. Ему приходится либо плясать под его дудку, либо вытеснят его самого. Чтобы основать сейчас банк, надо иметь

средства и воздвигнуть здание с мраморными колоннами и бронзовыми воротами. Могу вам назвать имя джентльмена, владеющего сейчас восемью банками, а три года назад, когда он начинал, не думаю, чтобы у него был и миллион долларов.

- Но как он это сумел? - спросил Монтегю.

- Очень просто, - ответил генерал. - Вы покупаете участок с самой большой закладной, вкладываете в строительство здания миллион долларов и закладываете его. Затем создаете новый банк и выпускаете многообещающие проспекты, сулите большие проценты на капитал, и вкладчики потекли к вам. Тогда вы закладываете ваш капитал в банке под номером один, а директора вашего банка ссужают вас деньгами, и вы приобретаете второй банк. Они называют это "возводить пирамиду". Наверняка вы слышали такое выражение. Игра в банки - очень увлекательна, так как, чем больше вы их приобретете, тем больше вас расписывают газеты и тем больше доверия вам окажут вкладчики.

И генерал рассказал несколько известных ему подобных случаев. Например, некий Стюарт, молодой человек с Запада, пытался купить Федеральный банк. Дело было давнее, поэтому генерал знал Стюарта и его методы. Поначалу он надавил на один трест в Монтане и вынудил его к прекращению всех операций. Трест подкупил законодательную палату и все городское управление, но Стюарт воздействовал на широкую публику. Предприняв сенсационные разоблачения, он привлек ее на свою сторону, и в конце концов тресту пришлось от него откупиться. А теперь он явился в Нью-Йорк сыграть в эту новую, азартную игру в банки, которая дает прибыль скорее, нежели постройка домов. Или, некий Холт, пустой и пошлый человек, с его именем связывали все низкое и подлое в городе. Он тоже вложил свои миллионы в банки. Или же Каммингс, король холодильников, многие годы финансировавший городское управление и захвативший в свои руки все судовой верфи, прижав к стене своих конкурентов. Он сумел сосредоточить в руках каботажное судоходство страны и стал скупать одно пароходство за другим по "пирамидальной" системе. А теперь он решил, что должен нажить еще больше денег и выкупить дела у своих конкурентов. Он уже приобрел и основал с дюжину трестов и банков.

- Каждый должен понимать, что так не может продолжаться до бесконечности, - сказал генерал. - Я знаю, крупные дельцы это понимают. Вчера я присутствовал на собрании директоров и слышал, как Уотерман сказал, что этому надо положить конец. Всякий, кто знает Уотермана, не станет ждать второго предупреждения.

- А что он может сделать? - спросил Монтегю.

- Уотерман! - воскликнул молодой Куртис.

- Уж он-то найдет способ, - просто сказал генерал. - Лично я вижу единственный выход из положения - власть такого консервативного человека, как он.

- Значит, вы ему доверяете? - спросил Монтегю.

- Да, - ответил генерал. - Я ему доверяю. Ведь надо же кому-нибудь доверять.

- Я слышал любопытную историю, - вставил свое слово Гарри Куртис. - Мой дядя вчера обедал, в доме старика и спросил его, что он думает о положении на рынке. "Впервые в жизни я ни в чем не уверен", - последовал, ответ.

Генерал удивленно воскликнул:

- Он так и сказал? Ну, теперь жди перемен!

- Тогда можно понять, почему положение на рынке оставляет желать лучшего, - добавил, смеясь, Куртис.

В этот момент в дверях появилась миссис Прентис.

- Неужели же вы, мужчины, собираетесь весь вечер говорить о делах? - спросила она. - Если так, то переходите в гостиную и говорите о них с дамами.

Мужчины поднялись и последовали за хозяйкой дома. Монтегю сел на диван рядом с миссис Прентис и молодым Куртисом.

- Что это вы говорили о Дане Уотермане? - спросила Куртиса миссис Прентис.

- О, это длинная история, - ответил тот, - ведь всех вас мало интересуется Уотерман.

Монтегю искоса наблюдал за Люси и не смог скрыть улыбки.

- Что это за удивительный человек! - сказала миссис Прентис. - Я восхищаюсь им больше, чем кем-либо из многих знакомых на Уолл-стрите. Тут она повернулась к Монтегю:

- Вы с ним знакомы?

- Да, - ответил он и прибавил с озорной усмешкой, - я видел его сегодня.

- А я - на прошлой неделе, в воскресенье вечером, - продолжала простодушная миссис Прентис. - В церкви Святой Богородицы, когда он обносил всех тарелкой, собирая пожертвования. Разве не восхитительно, что такой занятой человек, как мистер Уотерман, все же находит время для церковных дел?

Тут Монтегю снова взглянул на Люси и увидел, что она кусает губы.

Глава 7. Продажа акций

Прошла неделя, прежде чем Монтегю снова увидел Люси. Она пришла на обед к Алисе в тот день, когда он случайно вернулся домой раньше обычного.

- Вчера я ужинала у миссис Фрэнк Лэндис, - сказала она ему. - И представьте, с кем там встретилась: с вашим другом, миссис Уинни Дюваль.

- Неужели?
 - Мы с ней долго болтали. Она мне очень нравится.
 - Она всем нравится... О чем же вы говорили?
 - Обо всем на свете, но, в сущности, об одном, - игриво ответила Люси.
 - А именно?
 - Какой же вы недогадливый. Миссис Уинни знает, что я ваш друг, и я почувствовала, что все ее слова, в сущности, адресованы вам.
 - Ну, и что же она говорила мне? - улыбаясь, спросил он.
 - Она хотела дать вам понять, что живет прересело и нисколько по вас не тоскует, - последовал ответ. - Она рассказала мне обо всем, чем сейчас интересуется.
 - Не рассказывала ли она вам о бабубанане?
 - О чем? - изумилась Люси.
 - Видите ли, в последнее время, когда я ее видел, она все больше увлекалась индуизмом и только говорила, что о каких-то там свамис, гнанис и тому подобном.
 - Нет, ни о чем таком она не упоминала.
 - Значит, это увлечение у нее прошло, - сказал он. - Какое же следующее?
 - Антививисекция.
 - Антививисекция?
 - Разве вы не читали в газетах, что ее избрали почетным вице-президентом какого-то общества, которому она пожертвовала несколько тысяч долларов?
 - По газетам не так легко уследить за миссис Уинни! - ответил Монтегю.
 - Она слышала ужасные истории о том, как хирурги мучают бедных кошек и собак, и непременно хотела обо всем мне рассказать. Более неподобающей темы для разговора за столом трудно себе вообразить. Она бесспорно великолепно выглядит. Я не удивляюсь, что мужчины без ума от нее. А волосы она поднимает со лба. По-моему, это делает ее похожей на египетскую принцессу.
 - Она выступает во многих ролях, - заметил Монтегю.
 - А правда, что она уплатила пятьдесят тысяч долларов за ванну?
 - Так утверждает она и газеты тоже. Так что, наверное, правда. Дюваль сам говорил мне, что она обходится ему в миллион долларов в год, но, возможно, он сказал это в раздражении.
 - Неужели он такой богатый? - спросила Люси.
 - Не знаю точно; но он один из самых могущественных людей в Нью-Йорке. Его называют "банкир по системе".
 - Я слышала, как мистер Райдер отзывался о нем.
 - Полагаю, что не особенно благожелательно, - улыбаясь, сказал Аллан.
 - Да, не особенно. Кажется, они поссорились. Не знаете из-за чего?
 - Я об этом ничего не знаю, но Райдер - свободомыслящий человек, а Дюваль ведет дела с крупными дельцами, которые не любят подобных людей.
- Люси замолчала, о чем-то задумавшись.

- А правда, что положение мистера Райдера так непрочно? Я думала, что Готтамский трест - один из крупнейших в стране. В его проспектах мелькают крупные цифры - семьдесят - восемьдесят миллионов.

- Что-то вроде этого.

- И эти цифры дутые?

- Я полагаю, что нет. Я не в курсе его дел, знаете ли. До меня только доходили слухи, например, о том, что он ведет слишком смелую игру. Примите совет и держите свои деньги в другом месте. Вам следует быть вдвойне осторожной, поскольку у вас есть враги.

- Враги? - в замешательстве переспросила Люси.

- Разве вы забыли, что говорил вам Уотерман?

- Вы хотите сказать, что Уотерман вступит в борьбу с Райдером из-за меня?

- Это звучит невероятно, но подобные вещи уже случались. Если бы кто-нибудь знал подоплеку битв, сотрясавших Уолл-стрит, он бы обнаружил, что многие из них имели аналогичное начало.

Монтегю сказал это между прочим, не имея в виду ничего конкретного. Он не следил за выражением лица Люси и не заметил, какое впечатление произвели на нее эти слова. Аллан перевел разговор на другую тему и на следующий день совершенно забыл о нем, как вдруг Люси позвонила ему по телефону.

Прошла неделя, как он написал адвокатам Смиту и Хансону по поводу продажи ее акций.

- Аллан! - спросила она. - Вы не получили еще ответа от этих людей?

- Нет.

- Я сегодня утром говорила с одним своим другом, и он подсказал мне шаг, который кажется важным. Не думаете ли вы, что было бы неплохо узнать, кого представляют эти адвокаты?

- Что это даст? - спросил Монтегю.

- Это помогло бы нам сориентироваться. Полагаю, им известно, кто хочет продать акции, а для нас важно знать, кто собирается их купить. А что если им написать, что вы не желаете вести переговоры через посредников?

- Но так же дела не делаются: я назначил цену, а они не ответили. Написав вторично, мы Только испортим дело. Лучше уж постараться заинтересовать кого-нибудь другого.

- Но мне очень хотелось бы узнать, от кого исходит предложение. До меня дошли слухи по поводу этих акций. Право, я хотела бы узнать.

Люси повторила последнюю фразу несколько раз и, казалось, по-настоящему заинтересовалась всем этим. Монтегю недоумевал, кто мог с ней говорить и что она слышала по поводу акций. Но после предупреждений майора не стал расспрашивать ее по телефону.

- Я полагаю, что вы совершаете ошибку, но будь по-вашему.

Он сел и написал господам Смиту и Хансону, что желал бы поговорить с одним из владельцев их конторы, и отослал письмо с нарочным. Примерно через час явился к нему жилистый человек с морщинистым лицом и острым взглядом и представился:

- Хансон.

- Я говорил с моей клиенткой относительно акций Северной миссисипской компании, - сказал Аллан. - Возможно, вам известно, что эта дорога строилась при довольно необычных обстоятельствах: большая часть акционеров были личными друзьями нашей семьи. Вот почему моя клиентка предпочла бы не иметь дела с посредниками, если только это возможно. Я хотел выяснить, не согласится ли ваш клиент договориться непосредственно с владелицей акций.

Монтегю заметил, что, пока он говорил, Хансон смотрел на него с явным удивлением. Не успел он закончить фразу, как это удивление сменилось презрительной усмешкой.

- Какую шутку вы собираетесь сыграть со мной? - спросил Хансон.

Монтегю был слишком поражен, чтобы рассердиться, и только пристально посмотрел на Хансона.

- Не понимаю вас, - сказал он.

- Не понимаете? - ответил его собеседник, смеясь ему прямо в лицо. - Похоже, я знаю больше, чем вы думаете.

- Что вы хотите этим сказать?

- А то, что у вашей клиентки уже нет акций, о которых вы говорите.

У Монтегю перехватило дыхание.

- Нет акций?

- Конечно, нет, - сказал Хансон. - Она продала их три дня назад.

И, будучи не в силах отказать себе в удовольствии, добавил:

- Она продала их Стенли Райдеру. И, если хотите знать об этом больше, продала за сто шестьдесят тысяч долларов. А он выдал ей вексель на сто сорок тысяч сроком на полгода.

Монтегю был крайне поражен и никак не мог прийти в себя.

Мистер Хансон понял, что волнение Аллана неподдельно, и саркастически улыбался.

- По-видимому, мистер Монтегю, - сказал он, - вы позволили своей клиентке вас обойти.

Овладев собой, Монтегю вежливо поклонился.

- Я должен перед вами извиниться, мистер Хансон, - сказал он тихо. - Могу вас только заверить, что я тут совершенно ни при чем.

Он встал, дав понять, что визит окончен.

Когда дверь его конторы закрылась за Хансоном, Аллан ухватился за спинку кресла, чтобы не упасть, и стоял, устремив взгляд прямо перед собой.

- Стенли Райдеру, - прошептал он.

Монтегю повернулся к телефону и набрал номер Люси.

- Люси, это правда, что вы продали свои акции?

Она не могла выговорить и слова от изумления.

- Отвечайте! - закричал он.

- Аллан, - начала она, - вы на меня рассердитесь...

- Пожалуйста, отвечайте, - снова закричал он. - Вы их продали?

- Да, Аллан, продала, но я не думала...

- Я не желаю обсуждать это по телефону, - сказал он. - Я заеду к вам сегодня по дороге домой. Пожалуйста, не уходите - это очень важно. - И он повесил трубку.

Монтегю явился в назначенное время. Люси ждала его. Она выглядела бледной и сильно расстроенной, даже не встала к нему навстречу и не сказала ни слова, только пристально смотрела Аллану в лицо.

Оно было мрачным.

- Эта история причинила мне много огорчений, - начал Монтегю, - и я не хочу затягивать ее без необходимости. Я все обдумал и пришел к решению, так что это обсуждению не подлежит. Я отказываюсь вести ваши дела в дальнейшем.

- О, Аллан! - едва смогла произнести Люси.

Монтегю в руках держал портфель со всеми ее бумагами.

- Я привел все в полный порядок, - сказал он. - Здесь счета и письма. Теперь разобраться в них сумеет кто угодно.

- Аллан, - сказала она, - право, это жестоко!

- Мне очень жаль, - возразил он, - но я больше ничего не могу для вас сделать.

- Но разве я не имела права продать эти акции Стенли Райдеру?

- Вы имели полное право продавать их кому пожелаете, - ответил Монтегю, - но вы не имели права поручать мне вести свои дела и при этом скрывать от меня свои действия.

- Но, Аллан, - запротестовала она, - я продала их всего три дня назад.

- Я это прекрасно знаю, - сказал он, - но в тот момент, когда вы решили их продать, вы должны были сообщить об этом мне. И дело даже не в том. Вы пытались моими руками таскать каштаны из огня для Стенли Райдера.

Он заметил, как при этих словах она вздрогнула.

- Разве это неправда? - спросил он. - Разве не он просил вас получить через меня эту информацию?

- Да, Аллан, это действительно он, - сказала Люси, - но войдите в мое положение: я не деловая женщина и не понимала...

- Вы прекрасно понимали, что подло поступаете со мной, нечестно. В этом вся беда, вот почему я и не желаю впредь заниматься вашими делами. Стенли Райдер купил ваши акции, пусть Стенли Райдер отныне будет и вашим советчиком.

Он не намерен был пререкаться с ней дальше, но увидел, что эти слова сильно ее задели; узы старой дружбы все еще удерживали его.

- Понимаете ли вы, Люси, какой удар мне нанесен? - воскликнул он. - Представьте себе мое положение, когда я разговаривал с мистером Хансоном, ничего не зная, тогда как он знал все. Он знал, сколько вы заплатили, и даже то, что вы приняли вексель.

Люси смотрела на Монтегю широко раскрытыми глазами:

- Аллан! - воскликнула она.

- Теперь вы поняли, что это значит. Я говорил вам, что вы не сможете сохранять свои действия в тайне. Вопрос лишь о том, как скоро все, кому это станет известно, начнут шептаться, что вы убедили Стенли Райдера сделать это для вас.

Последовала долгая пауза. Люси сидела, устремив глаза в одну точку. Вдруг она повернулась к Монтегю:

- Аллан! Но вы же должны понять! Я имела право продать эти акции! Райдер нуждался в них. Он намерен организовать синдикат. Это была чисто деловая сделка.

- Я в этом и не сомневаюсь, Люси, - тихим голосом ответил Монтегю, - но как вы сумеете убедить в этом всех? Я уже говорил вам, что произойдет, если вы сблизитесь с таким человеком, как Стенли Райдер. Вы узнаете это, когда будет слишком поздно. Случай с Уотерманом должен был открыть вам глаза на то, что говорят люди.

Люси вскочила и посмотрела на него с ужасом.

- Аллан! - вскричала она.

- Что? - спросил он.

- Вы хотите сказать, что Уотерман позволил себе так поступить со мной, потому что Стенли Райдер мой друг?

- Именно это я и хочу сказать. Уотерман услышал сплетни на ваш счет и подумал, что если Райдер богат, то он в десять раз богаче.

Краска залила ее шею и лицо. Она стояла, нервно ломая руки:

- О, Аллан! Это чудовищно!

- Я тут ни при чем. Так устроен мир. Я это понял и старался, чтобы это поняли и вы.

- Но это ужасно! - сказала она. - Я не хочу этому верить, не хочу и допускать подобной мысли! Но я не могу из-за этого подло предать друга!

- Мне знакомо это чувство, - сказал Монтегю. - И я бы не оставил вас, если бы это был другой человек, а не Стенли Райдер. Но я его знаю лучше вас, поверьте.

- Вы не знаете его, Аллан, вы не можете его знать! - возразила она. - Поверьте мне, он хороший человек! Это человек, которого никто не понимает...

Монтегю пожал плечами.

- Возможно, - сказал он. - Я и раньше слышал нечто подобное. Многие люди не так плохи, как их дела, по крайней мере они очень стараются себя уверить в этом. Но вы не имеете права портить себе жизнь из жалости к Райдеру. Он сам создал себе репутацию и если бы действительно относился к вам хорошо, то не потребовал бы, чтобы вы жертвовали собой ради него.

- Он и не требовал, - ответила Люси. - То, что я сделала, я сделала по доброй воле. Я верю ему и не хочу верить рассказам о нем.

- Хорошо, - сказал Монтегю. - Тогда вам остается одно - идти своей дорогой.

Аллан говорил спокойно, хотя на сердце у него было тяжело. Он точно знал, какого рода речи Стенли Райдера склонили Люси к ее решению. Он

смог бы развеять то ложное представление, которое Райдер сумел внушить Люси о себе, но что-то удерживало его. Возможно, инстинкт подсказывал Аллану, что Люси любит этого человека и никакие факты ее не образумят. - Вы убедитесь во всем сами, - вот единственное, что он мог ей сказать. И, не глядя на расстроенное лицо Люси, повернулся и вышел, даже не прикоснувшись к ее руке.

Глава 8. Пару недель у Элдриджа Девона

Наступил май, и большая часть знакомых Монтегю разъехалась по виллам, а те, кто с утра был прикован к своим письменным столам, имели автомобили, яхты или экипажи и ежедневно после обеда уезжали в город. Монтегю был приглашен провести пару недель у Элдриджа Девона, где Алиса гостила уже целую неделю, но он никак не мог выбрать время. Наконец, в субботу после обеда Монтегю отправился по заливу Гудзона на "Тритоне" - новой яхте Девона.

Один недоброжелательный человек сказал как-то про Девона, что он - олицетворение человеческой скуки. Но сегодня Аллан убедился, что Элдридж живо интересуется жизнью. Девон вдруг вообразил, что только что созданная новая модель еще не разрекламированного автомобиля намного лучше любой из семнадцати машин, имеющихся у него, и купил три таких автомобиля. Поэтому Монтегю, сидя на верхней палубе "Тритона" и любуясь живописными берегами реки, вынужден был слушать монотонный голос Девона, рассуждавшего на тему о клапанах и цилиндрах.

Один из новых автомобилей ожидал их у собственной пристани Девона и быстро помчал по холмам к особняку. Ни разу еще место, где находился особняк Девона, не казалось Аллану таким чудесным, как теперь, когда фруктовые деревья стояли в цвету и весна придавала очарование всему вокруг. На много миль склоны холмов представляли собой одну сплошную великолепную лужайку. Но - увы! - для Элдриджа Девона эти холмы были интересны только с точки зрения игры в гольф. Никогда в жизни Монтегю так остро не ощущал убогость людей, среди которых вращался. Стоя под портиком, таким огромным, что он мог составлять принадлежность какого-нибудь сказочного замка, и любуясь видом, открывавшимся на Гудзон, от которого у него замирало сердце, он даже не обратил внимания на миссис Билли Олден и еще нескольких ее друзей, играющих в бридж внизу на лужайке.

После завтрака Монтегю отправился на прогулку с Алисой, и она рассказала ему, как проводила время.

- Сюда приезжал на несколько дней молодой Куртис, - сообщила она.

- Племянник генерала Прентиса?

- Да. Он говорил, что познакомился с тобой. Что ты о нем думаешь?

- Он показался мне смышленным малым.

- Куртис мне очень нравится, - сказала Алиса. - Мне кажется, мы подружимся. Он интересный собеседник; знаешь, Гарри участвовал в войне, был ковбоем и вообще пережил много волнующих приключений. Мы с ним гуляли утром, и он мне рассказывал о них. Говорят, он преуспевающий юрист.

- По крайней мере входит в коллегияю юристов, пользующихся успехом, - сказал Монтегю, - и ему едва ли удалось туда попасть, если бы он не был таким способным.

- Куртис приятель Лауры Хиган, - сказала Алиса. - Она приезжала сюда на один день. Лаура очень придирчива, и дружба с ней говорит в его пользу. Монтегю рассказал о том, как он посетил Лауру в одной из соседних вилл.

- Я разговаривала с ней тоже, - сказала Алиса. - Она пригласила меня на завтрак и уговорила покататься. Лаура понравилась мне больше, чем я ожидала. А тебе она нравится, Аллан?

- Я мало с ней знаком. Наверное, она понравилась бы мне. Но, увы, я-то ей не нравлюсь.

- Как это может быть? - спросила девушка.

Монтегю улыбнулся.

- Вкусы бывают разные, - сказал он.

- Нет, верно, есть какая-нибудь причина, - возразила Алиса.

- Она на многое смотрит так же, как ты. Мне кажется, ей было бы интересно с тобой поговорить, и я сказала ей об этом.

- И что она ответила?

- Ничего, - произнесла Алиса и, неожиданно повернувшись к нему, добавила: - Я уверена, ты знаешь причину. Мне бы хотелось услышать от тебя, в чем здесь дело.

- Не знаю ничего определенного, - сказал Монтегю, - но мне кажется, это имеет какое-то отношение к миссис Уинни.

- К миссис Уинни! - удивленно воскликнула Алиса.

- Вероятно, она слышала какие-нибудь сплетни и поверила им, - прибавил он.

- Но это бессмысленно! Почему ты не сказал ей правду?

- Что бы я сказал ей? - засмеялся Монтегю. - Не вижу причины говорить ей об этом. Ее нисколько не интересует моя персона.

Он помолчал.

- Раз или два я подумывал, не открыть ли ей глаза, уж очень мне было сначала досадно. И я представлял себе, как подойду к ней и скажу: "То, что вы обо мне думаете, - ложь!" Затем мне приходило в голову написать ей. Но, конечно, это было бы просто глупо: она никогда не призналась бы, что поверила сплетням, и составила бы обо мне самое превратное мнение.

- А я думаю, ничего подобного не случилось бы, - возразила Алиса, - особенно, если она действительно думала то, что мне говорила. Она

рассказывала о людях, которых встречает в обществе, о том, какие они скучные и кичливые. "Никто не говорит вам правду и не относится к вам искренне, - сказала она, - мужчины занимаются тем, что отпускают комплименты, воображая, что это нужно каждой женщине. Чем больше я их узнаю, тем менее они меня интересуют".

- Это верно, - сказал Монтегю. - Чувствуешь себя неловко с девушкой в ее положении. Отец Лауры - могущественный человек, и когда-нибудь она сама станет очень богата. Конечно, люди, окружающие Лауру, стараются ее использовать. Я серьезно заинтересовался ею, когда впервые встретил, но, узнав поближе среду, в которой она вращается, стал стесняться даже говорить с ней.

- Но это не очень справедливо по отношению к Лауре, - сказала Алиса. - Представь себе только, что будет, если так поступят все порядочные люди? А между тем душа у нее открытая. Она рассказала мне о некоторых благотворительных делах, которыми увлекается. Лаура ходит по трущобам Ист-Сайда и, обучает детей бедноты. Мне представляется это настоящим подвигом. Но она рассмеялась, когда я так сказала. Лаура говорит, что это такие же люди, как и все мы, и, когда ближе их узнаешь и привыкнешь к ним, они уже не кажутся такими ужасными и далекими.

- Наверное, так оно и есть, - улыбнувшись, сказал Монтегю.

- Отец Лауры приезжал сюда за ней, - добавила Алиса. - Она мне сказала, что в первый раз за полгода он уехал из города. Не странно ли, что он так много работает при его деньгах! Что еще ему надо в жизни, как по-твоему?

- Во всяком случае, не денег, - ответил он. - Скорее власти. Когда имеешь такие огромные деньги, приходится много работать, чтобы другие их не отняли у тебя.

- Глядя на него, понимаешь, что он должен уметь постоять за себя, - сказала девушка. - У него такое мрачное и отталкивающее лицо. Трудно поверить, что он умеет улыбаться.

- Хиган очень приятный человек в обществе, разумеется, с близкими знакомыми.

- Кстати, он помнит тебя и расспрашивал о тебе. Не Хиган ли собирался купить акции Люси Дюпрэ?

- Я говорил с ним об этом деле, но ничего не вышло.

Они помолчали с минуту, а затем Алиса вдруг спросила:

- Аллан, что значат эти слухи о Люси?

- Какие слухи?

- О ней и о мистере Райдере. Я слышала, что вчера говорила миссис Лендис. Это возмутительно!

Монтегю не знал, что и сказать.

- Я ничем не могу здесь помочь? - спросил он.

- Не знаю, но мне кажется, что Виктория Лендис - ужасная женщина. Сама она позволяет себе все, что ей нравится, но о других рассказывает отвратительные вещи.

Монтегю промолчал.

- Скажи, - спросила Алиса, - поскольку ты отказался вести дела Люси, не следует ли нам прекратить с ней всякое общение?

- Не знаю, - ответил он. - Не думаю, чтобы она теперь захотела меня видеть. Я сказал ей об ошибке, которую она совершает, но Люси предпочла действовать по-своему. Что же я могу сделать еще?

Вечером того же дня Монтегю оказался рядом с миссис Билли Олден, и та спросила его:

- Что за слухи ходят о вашем друге - миссис Тэйлор?

- Не знаю, - сухо ответил он.

- Похоже, эта очаровательная вдова губит сама себя.

- Почему вы так думаете?

- Мне сказала это Вивьен Паттон, а она, знаете ли, старая симпатия Стенли Райдера. Так что, я полагаю, это исходит от него самого.

Монтегю лишился дара речи, он даже не нашел, что сказать.

- Все это весьма прискорбно, - продолжала миссис Билли. - Она и в самом деле прелестное создание. Эти слухи плохо скажутся на ней. Ведь миссис Тэйлор приезжая, и к тому же все это произошло слишком быстро. Неужели так поступают на Миссисипи?

Аллан заставил себя ответить:

- Миссис Тэйлор сама себе хозяйка.

Однако его нежелание вести этот разговор ничего не дало, так как миссис Билли отпарировала:

- Но Вивьен сказала, что Люси любовница Стенли Райдера.

Монтегю отвернулся от миссис Олден. Он больше не хотел ее слушать.

- Я понимаю ваши чувства, - упорно продолжала великосветская леди после паузы. - Теперь все будут об этом говорить. Ваш друг Реджи Манн слышал разговоры Вивьен, а уж он постарается, чтобы эти слухи пошли дальше.

- Реджи Манн не принадлежит к числу моих друзей, - сухо заметил Монтегю.

Они замолчали.

- И как только вы переносите этого человека? - спросил Аллан, чтобы переменить тему разговора.

- О, Реджи вполне на своем месте, - ответила миссис Билли и окинула взглядом зал. - Вы видите всех этих женщин? - продолжала она. - Возьмите-ка с полдюжины их утром и поместите в одной комнате; все они смертельно ненавидят друг друга, и, если вблизи нет мужчин и им абсолютно нечего делать, они переругаются между собой. Сумели бы вы удержать их от этого?

- Значит, в этом и заключается роль Реджи? - спросил Монтегю.

- Вот именно. Когда он заметит, что ссора назрела, он бросается вперед, чтобы выкинуть какой-нибудь номер. Неважно, какой именно (я слышала, как он кричал петухом и спотыкался о собственные ноги), лишь бы вызвать смех.

- А вы не боитесь, что наш разговор дойдет до вашей жертвы? - улыбаясь, спросил Монтегю.
- Для этого он и предназначен, - последовал ответ. - У вас, наверное, мало врагов, - продолжала миссис Билли.
- Не думаю, чтобы кто-либо меня всерьез ненавидел.
- Вот вам и следует их завести. Враги придают жизни остроту. Я это вполне серьезно, - добавила она, видя, как он улыбается.
- Мне никогда не приходила в голову такая мысль.
- Разве вы никогда не испытывали, какие ощущения приносит горячая схватка с врагом? Видите ли, вы человек приличий и не любите признаваться в этом, но что нас больше всего возбуждает, как не добрая сильная ненависть? Когда-нибудь вы в этом убедитесь. Лучшее наслаждение в жизни - это выследить того, кто ненавидит тебя, опрокинуть его и смотреть, как он будет барахтаться.
- А если он сам опрокинет вас?
- Ах! - сказала она. - Этого-то вы и не должны допускать! В этом и состоит борьба. Подстерегите врага и бросьтесь на него первым.
- Ну, это же просто варварство!
- Наоборот, - ответила великосветская дама, - это высшее достижение цивилизации. В настоящее время общество овладевает искусством ненависти. Это как бы отголосок борьбы за существование. Вы изучаете свою жертву, ее слабости и больные места и с точностью определяете, куда воткнуть свое жало. Вы узнаете ее желания и стремитесь воспрепятствовать их удовлетворению. Вы старательно подыскиваете себе союзников, окружаете свою жертву и поражаете ее насмерть, а покончив с одной, устремляетесь за другой.
- И миссис Билли сверкнула глазами, оглядывая избранное общество в гостиной миссис Девон, обставленной в стиле Людовика XVI.
- Как вы полагаете, эти люди решили тут заночевать? - спросила она.

Глава 9. Встреча с мистером Гемблем

- Прошла неделя или две, и Оливер позвонил брату по телефону:
- Свободны ли вы с Алисой сегодня вечером? Я хочу привести к обеду знакомого.
- Кого именно? - спросил Монтегю.
- Вы о нем никогда не слыхали, но мне хотелось бы вас с ним познакомить. Правда, он покажется вам странным. Потом я все объясню. Передай Алисе мою просьбу.
- Монтегю выполнил поручение, и в семь часов они сошли вниз. В холле их ждал Оливер со своим знакомым, и Монтегю едва удержался, чтобы не выдать своего удивления.

Оливер представил мистера Гембла. Это был человек едва ли выше пяти футов ростом и такой полный, что было удивительно, как он может передвигаться без посторонней помощи; его подбородок и шея образовывали целый ряд жирных складок. Лицо круглое, как луна в полнолуние, и на нем едва различались маленькие свиные глазки. Только внимательно присмотревшись, можно было обнаружить, что эти глазки хитро шурились.

Мистер Гембл был человеком самой вульгарной внешности, какого когда-либо встречала Алиса Монтегю. Он протянул ей жирную маленькую руку, она осторожно к ней притронулась и беспомощно посмотрела на Оливера и Аллана.

- Добрый вечер, добрый вечер! - скороговоркой начал он. - Я в восторге от знакомства с вами, мистер Монтегю. Я много слышал о вас от вашего брата, и мне кажется, что мы уже старые друзья.

Последовала небольшая пауза.

- Не пройти ли нам в ресторан? - спросил Монтегю.

Ему была не очень приятна перспектива выдерживать изумленные взгляды, которые со всех сторон устремятся на них, стоит им появиться, но другого выхода он не видел. Они вошли в зал и уселись за столиком. Монтегю исподтишка наблюдал, достают ли до стола коротенькие руки мистера Гембла, сидевшего против него.

- Какой теплый вечер! - сказал тот, слегка отдуваясь. - Я весь день провел в поезде.

- Мистер Гембл приехал из Питтсбурга, - пояснил Оливер.

- В самом деле? - вставил Монтегю, стараясь поддержать разговор. - У вас там свое дело?

- Нет, я разделался с делами, - ответил мистер Гембл с усмешкой, - так сказать, сложил оружие и ушел. Хочу посмотреть свет до наступления старости.

Официант подошел принять заказ. В это время Монтегю сердито посмотрел на брата, на лице которого расплывалась широкая улыбка. Затем Аллан перехватил взгляд Алисы и уловил ее шепот:

- Ради бога, ну о чем мне с ним говорить?

Но оказалось, что беседовать с джентльменом из Питтсбурга совсем не трудно. Он, по-видимому, был в курсе всех сплетен Нью-Йорка и охотно поставлял темы для разговора. Гембл побывал за зиму и в Пальм-Биче, и в Хот-Спрингсе и рассказал, что он там видел. Он собирался нынешним летом в Ньюпорт и распространялся о своих планах на будущее. Если Гембл и мог догадаться, что все это не особенно интересует Монтегю и его кузину, то он никак этого не обнаруживал.

Покончив с изысканным обедом, заказанным Оливером, мистер Гембл предложил отправиться в театр. У него была на этот вечер ложа, и Оливер принял предложение прежде, чем Монтегю успел вставить слово.

Извинившись, он отказался, сославшись на важную работу.

Он поднялся наверх и, стряхнув с себя ощущение скуки, погрузился в работу. Закончив ее уже после полуночи, Аллан вышел подышать свежим воздухом и, по возвращении, застал Оливера с его знакомым в вестибюле отеля.

- Как поживаете, мистер Монтегю? Очень рад видеть вас снова, - сказал мистер Гембл.

- Алиса только что ушла наверх, - заметил Оливер. - А мы решили посидеть в кафе. Не пойдешь ли с нами?

- Очень прошу вас, - радушно пригласил его мистер Гембл.

Монтегю пошел с ними, потому что хотел поговорить с Оливером до того, как он ляжет спать.

- Знаете ли вы Дика Ингама? - спросил мистер Гембл, когда они уселись за столик.

- Из Стального треста? - спросил Монтегю. - Я слышал о нем, но никогда не встречал.

- Мы о нем только что говорили, - продолжал мистер Гембл. - Бедный малый! Ему не повезло, знаете. И это была не его вина. Слышали ли вы, что произошло с ним в действительности?

- Нет, - ответил Монтегю.

Он знал, на что намекает Гембл. Ингам состоял в "стальной шайке", как прозвали трест, и даже был его президентом прежде, чем был вынужден покинуть этот пост из-за разразившегося скандала.

- Он мой старый друг, - сказал Гембл, - и все мне рассказал. Это началось в Париже. Некая сотрудница газеты попыталась его шантажировать, и он засадил ее в тюрьму на три месяца. Но когда она вышла оттуда, американские газеты стали публиковать скандальные истории о бедном Ингаме. Публика возмутилась, и ему пришлось подать в отставку - представьте!

При этом он так сильно раскудахтался, что у него от хохота начался приступ кашля, и пришлось попросить официанта принести стакан воды.

- Теперь у них разразился новый скандал, - сказал Оливер.

- Они веселые ребята, эта "стальная шайка", - засмеялся Гембл, - они добиваются, чтобы Давидсон тоже ушел в отставку, но он с ними еще поборется. Он слишком много знает. Наверное, вы слышали и его историю?

- Кажется, это не очень симпатичная история, - ответил Монтегю, чтобы хоть что-нибудь сказать.

- Плохая история, очень плохая, - серьезно сказал Гембл. - Я его предостерегал, но это не помогло. Помню, как однажды ночью Давидсон сказал мне: "Джим, когда добудешь кучу денег и начнешь покупать все, что тебе захочется, в конце концов покупаешь женщину, и отсюда начало всех бед. Когда приобретаешь картины, то этой забаве когда-нибудь наступит конец: раньше или позже все твои стены будут увешаны ими. Но женщину никогда не удовлетворишь". - И мистер Гембл покачал головой:

- Плохая история, очень плохая, - повторил он.

- Вы тоже занимались сталью? - вежливо спросил Монтегю.

- Нет, нет, мой товар нефть. Я боролся с Трестом, но не выдержал конкуренции, в прошлом году они купили мое дело. И вот теперь я разъезжаю по белу свету.

Мистер Гембл вновь погрузился в размышления.

- Но я не Давидсон, и со мной никогда ничего подобного не приключалось, - сказал он задумчиво, - я женатый человек, и с меня довольно одной женщины.

- Ваша семья в Нью-Йорке? - спросил Монтегю, стремясь переменить тему разговора.

- Нет, нет, она живет в Питтсбурге, - последовал ответ. - У меня четыре дочери - все учатся в колледже. Удивительные девицы, скажу я вам, мне хотелось бы, чтобы вы их увидели, мистер Монтегю.

- Был бы очень рад! - сказал Аллан, злясь на себя.

К его великому облегчению спустя несколько минут мистер Гембл встал и пожелал ему доброй ночи.

Монтегю посмотрел, как он с трудом влезает в свой автомобиль, и повернулся к брату.

- Оливер, - сказал он, - что это, черт возьми, значит?

- То есть? - невинным тоном спросил Оливер.

- Что это за тип? - воскликнул Аллан.

- Я думал, тебе приятно будет с ним познакомиться, - сказал Оливер. - Он интересный малый.

- Я не расположен к шуткам, - сердито ответил Аллан. - Ты просто скомпрометировал Алису, познакомив ее с таким господином!

- Не говори глупостей! - воскликнул Оливер. - Он принят в лучшем обществе.

- Где ты его нашел? - спросил Монтегю.

- Нас познакомила миссис Лэндис. А она, в свою очередь, познакомилась с ним через своего кузена, морского офицера. Мистер Гембл этой зимой жил в Бруклине и знает всех моряков.

- Но с какой же целью ты меня с ним познакомил? - нетерпеливо спросил Монтегю. - Тут кроется какое-нибудь дело, в котором ты заинтересован?

- Нет, нет, - ответил Оливер, весело улыбаясь, - знаешь, он хочет, чтобы его знакомили со всеми.

- Уж не собираешься ли ты ввести его в высшее общество? - саркастически улыбнулся Монтегю.

- Что ты кипятишься, как ребенок? - рассмеялся Оливер.

Аллан глядел на него во все глаза.

- Этого человека в высшее общество? Оливер, ты это серьезно?

- Конечно, раз он этого хочет. Почему бы и нет?

- Только не его жену и дочерей! - воскликнул Аллан.

- О, этого не будет. Его семья живет в Питтсбурге. Пока что только его самого. Тем не менее, - добавил Оливер, - готов биться об заклад, что если бы ты встретился с четырьмя прелестными дочерьми Джима Гембла, ты не был бы столь категоричен. Они учились в лучшем пансионе и получили

такое образование, какое только можно было купить им за деньги. Но, боже, я устал слушать об их совершенствах!

- Ты хочешь мне внушить, - возразил Монтегю, - что твои друзья станут терпеть такого человека?

- Некоторые из них да. У него куча денег, знаешь, он прекрасно разбирается в ситуации и не станет совершать ошибки.

- Но какого черта ему это нужно?

- Вот уж это предоставь знать самому Гемблу.

- А ты, - спросил Монтегю, - ты на этом заработаешь что-либо?

Оливер как-то загадочно улыбнулся.

- Уж не воображаешь ли ты, что я в него влюблен? Я думал, знакомство с ним тебя позабавит.

- Даже если это так, - сказал Монтегю, - ты не имел права навязывать такого типа Алисе.

- Вот ты о чем! Но ведь она будет повсюду встречать его в Ньюпорте этим летом. Поэтому я прежде всего должен был познакомить его с вами тут.

Гембл ничего плохого не сделал Алисе. Он ей доставил удовольствие сегодня вечером, и держу пари, что успеет понравиться до своего отъезда.

Он по-настоящему очень славный малый. Беда только в том, что пускается в откровения.

Монтегю молчал, и Оливер переменял тему разговора.

- Похоже, у Люси дела обстоят неважно. Можем ли мы тут что-либо поделаться?

- Ничего, - ответил Аллан.

- Она просто губит себя, - сказал Оливер, - я попробовал было склонить Реджи Манна, чтобы он ввел ее в круг знакомых миссис Девон, но тот ответил, что не решится пойти на такой риск.

- Да, конечно, - сказал Монтегю.

- Какой позор! Миссис Билли Олден собиралась пригласить ее в Ньюпорт этим летом, но теперь, мне кажется, она не захочет иметь с ней дела. Люси окажется в обществе одного Стенли Райдера и его приятелей. Она оттолкнула всех от себя.

Монтегю пожал плечами.

- Она сама себе хозяйка, - сказал он.

- Я полагаю, Люси будет хорошо проводить время, - прибавил Оливер, - ведь Райдер щедрый человек.

- Надеюсь, - сухо произнес Монтегю.

- Говорят, что он гребет деньги лопатой, - сказал Оливер и прибавил нетерпеливо. - Хотел бы и я возглавить трест.

- Почему именно трест?

- Это самая спокойная работа, - ответил Оливер. - Тресты умудряются обходить банковские законы, и деньги так и плывут к ним. Я полагаю, ты следишь за их объявлениями?

- Более или менее.

- Я слышал, будто трест Райдера получает иногда доход более миллиона в месяц.
- Это звучит привлекательно, - заметил Монтегю и сухо добавил: - Наверное, Райдер считает трест своей полной собственностью.
- Похоже на то, что так оно и есть. Если бы я решил делать деньги на Уолл-стрите, то предпочел бы контролировать пятьдесят миллионов, нежели иметь десять своих собственных. - Помолчав, Оливер добавил: - Кстати, Прентисы пригласили Алису к ним в Ньюпорт. Алиса, кажется, увлечена этим молодым Куртисом.
- Он работяга, - сказал Монтегю, - и, по-видимому, приличный малый.
- Без сомнения, - ответил Оливер, - но у него недостаточно денег, чтобы позаботиться о такой девушке, как Алиса.
- Не знаю, этот вопрос должна решать сама Алиса.

Глава 10. Собрание акционеров

Однажды, примерно месяц спустя, Монтегю к своему великому удивлению, получил письмо от Стенли Райдера. "Не будете ли вы столь любезны заглянуть ко мне в контору сегодня после обеда, - прочитал он, - мне надо обсудить с вами деловое предложение, которое, я уверен, вы сочтете очень выгодным для себя".

"Вероятно, он хочет купить мои акции Северной миссисипской железной дороги", - сказал сам себе Монтегю, позвонил Райдеру и условился с ним насчет встречи.

Аллан впервые посетил Готтамский трест и был потрясен его великолепием: массивные бронзовые ворота и стены из отличного белого мрамора. Личный кабинет Райдера был изысканно и роскошно отделан, а сам он являл собой образец аристократического изящества.

Он сердечно приветствовал Монтегю. Несколько минут речь шла о состоянии рынка и положении дел. Райдер вертел в руке карандаш и в то же время внимательно наблюдал за гостем. Наконец, он приступил к делу.

- Мистер Монтегю, в течение некоторого времени я работаю над проектом, который, мне кажется, представляет для вас интерес.

- Буду очень рад послушать о нем.

- Вам, конечно, известно, - сказал Райдер, - что я купил у миссис Тэйлор ее акции Северной миссисипской железной дороги. Я купил их, считая, что это дело стоящее, и надеялся убедить кого-нибудь взяться за него. Я нашел, кажется, подходящих людей, и теперь план продолжения этой дороги можно будет провести в жизнь.

- В самом деле? - заметил Монтегю с интересом.

- Его суть состоит в том, мистер Монтегю, чтобы удлинить дорогу в соответствии с планом, который вам хорошо известен. Прежде чем

приступить к его осуществлению, мы снеслись со всеми акционерами. С большинством из них, я полагаю, вы знакомы. Через наших агентов мы предложили им продать свои акции по цене, по нашему мнению, приемлемой, и уже приобрели дополнительно пять тысяч акций по цене, гораздо выше той, которую мы рассчитываем платить впредь, если учесть предполагаемые затраты на переоборудование. Теперь мы хотим сделать новое предложение этим пайщикам. В будущем месяце состоится ежегодное собрание акционеров. На нем будет представлен проект дополнительного выпуска двадцати тысяч акций с тем, чтобы те его акции, которые не возьмут нынешние пайщики, остались за нами. Не исключено, что лишь немногие из акционеров захотят сохранить свою часть акций. Это позволит нам взять контроль над дорогой в свои руки. Но вы понимаете, конечно, что наш синдикат не возьмется за это дело, пока не получит контрольного пакета акций.

Монтегю утвердительно кивнул.

- На этом собрании, - продолжал Райдер, - мы предложим свой список членов нового правления. Поскольку наше предложение в интересах каждого пайщика, мы надеемся, что оно пройдет. По нашему мнению, Северная миссисипская дорога нуждается в новых методах работы и обновлении административного аппарата. Если большинство акционеров примет нашу точку зрения, мы возьмем на себя контроль над дорогой и проведем нового президента.

Райдер умолк, как бы желая дать Аллану возможность осмыслить его сообщение, и, пристально глядя на него, продолжал:

- Я встретился с вами, мистер Монтегю, чтобы предложить оказать нам помощь в осуществлении этого проекта. Прежде всего предлагаем вам стать нашим представителем по связям с постоянными поверенными синдиката. Мы хотели бы также, чтобы вы неофициально встречались с акционерами дороги, разъясняли бы им наши намерения и поручились за нас. Если вы согласитесь осуществить нашу задачу, мы будем рады ввести вас в состав директоров правления, а когда дело будет полностью в наших руках, попросим вас занять пост президента.

Монтегю с трудом удержался от изумленного восклицания. Жизненный опыт научил его сдерживать бурное проявление чувств.

- Мистер Райдер, - подумав, сказал он, - признаться, меня удивляет ваше предложение, поскольку вы меня недостаточно знаете.

- Я знаю вас лучше, чем вы думаете, мистер Монтегю, - улыбаясь, сказал Райдер. - Можете быть уверены, я не стал бы вам предлагать такое дело, не наведя о вас справок и не убедившись, что вы тот человек, который нам подходит.

- Мне очень приятно это слышать, - сказал Монтегю, - но я должен вам напомнить, что я не специалист по железным дорогам и не имею за плечами подобного опыта.

- Здесь этого и не требуется. Специалиста мы можем нанять по дешевке. Нам же нужен человек старательный и уравновешенный, а главное,

безукоризненно честный, способный завоевать доверие акционеров и укрепиться в нем. И нам кажется, что вы обладаете этими качествами. К тому же за вами еще одно преимущество - вы отлично знаете местные условия и здешних людей.

Монтегю снова задумался.

- Предложение очень лестное, - заметил он, - и скажу, не кривя душой, оно меня интересует. Но раньше, чем принять решение, я должен знать, кто входит в ваш синдикат.

- А зачем вам это?

- Если моя репутация служит порукой его добрых намерений, то мне нужно знать, с какими людьми я буду иметь дело.

Монтегю смотрел собеседнику прямо в глаза.

- Вы, конечно, понимаете, что в подобном деле необходимо действовать осторожно, - возразил Райдер. - Мы не можем позволить себе заранее рассказывать о своих намерениях. У нас есть враги, которые готовы ставить нам палки в колеса на каждом шагу.

- То, что вы мне сообщите, разумеется, останется между нами, - сказал Монтегю.

- Я это прекрасно понимаю. Но сначала мне хотелось бы узнать, как вы относитесь к проекту, согласитесь ли взяться за эту работу и посвятить ей себя?

- Почему бы и нет.

- Мне кажется, - сказал Райдер, - предложение может быть рассмотрено только по существу. Оно имеет в виду осуществить важное общественное мероприятие: дорога, пришедшая в упадок и, более того, практически обанкротившаяся, будет поставлена на ноги и полностью реорганизована. Она нуждается в энергичном и честном административном аппарате, новом современном оборудовании и новых грузах. Миссисипская стальная компания, как вы, несомненно, знаете, расширяется. Все это, на мой взгляд, говорит за целесообразность нашего предприятия.

- Согласен, - сказал Монтегю. - Я встречу с заинтересованными лицами, изложу дело и, если их намерения совпадут с моими, буду очень рад сделать все, что смогу для успеха предприятия. Как вам несомненно известно, у меня самого есть пятьсот акций, и я буду рад стать членом синдиката.

- Я и сам собирался это вам предложить, - сказал Райдер. - Я не вижу ничего, что не устраивало бы вас в нашем проекте - во многом он принадлежит мне, и моя репутация его подкрепляет, а Готтамский трест предоставит на его осуществление неограниченный кредит.

Райдер сказал это несколько высокомерно. Монтегю сначала чувствовал себя не очень уверенно. Но никто не мог бы в кабинете Райдера не оказаться во власти всей этой роскоши. В конце концов то, что он сидит здесь, в помещении Готтамского треста, чьи вклады насчитывают семьдесят или восемьдесят миллионов, - реальность. И этот джентльмен с невозмутимым аристократическим лицом по существу их хозяин. Какое же основание имел

Монтегю для колебаний, кроме сплетен, распространяемых в кругах циничного светского общества?

Каковы бы ни были его личные сомнения, но минуты размышления хватило, чтобы осознать - его миссисипским друзьям не понять его, если бы он отказался. С именем Стенли Райдера, которого поддерживал Готтамский трест, успех в родных местах ему обеспечен, и все старые друзья их семьи поспешат следовать его рекомендациям.

Райдер переждал немного, возможно, чтобы дать Аллану время привести в порядок мысли, а затем продолжил:

- Я полагаю, мистер Монтегю, что вы кое-что знаете о Миссисипской стальной компании. Сталь занимает на рынке исключительное положение. Цены, искусственно вздутые, держатся на постоянном уровне, и конкуренты также имеют возможность получать большие прибыли. Однако те, кто подключается к делу, как правило, сталкиваются с неожиданными препятствиями. Они не могут получить желаемого кредита, тонут в заказах, а Уолл-стрит и не думает им помогать. В результате о них начинают ходить таинственные слухи. Иногда пропадают важные бумаги, задерживается необходимая информация из Европы и тому подобное. Случается, что переманивают лучших бухгалтеров, подкупают конторских мальчиков, и все деловые тайны становятся достоянием конкурентов. Железнодорожные компании поступают с ними нечестно: доставка запаздывает, происходят всякого рода мелкие неприятности, подрывающие доверие к ним. Вы знаете, как сказываются на предпринимателях такие дела. Подобными и тысячью другими способами осложняется жизнь независимого производителя стали. И вот, мистер Монтегю, существует проект продлить железную дорогу, которая могла бы успешно обслуживать главного конкурента Стального треста. Я полагаю, вы достаточно твердо стоите на земле, чтобы понять, что данный проект был бы осуществлен давным-давно, если бы Стальной трест не мешал этому. Теперь настало время провести его в жизнь, несмотря на возможное противодействие Треста, и я обратился к вам, так как считаю вас человеком, на которого можно рассчитывать в такого рода борьбе.

- Я понимаю вас, - спокойно ответил Монтегю, - вы правы в своем предположении.

- Очень хорошо, - сказал Райдер. - Теперь я скажу вам, что синдикат, о котором идет речь, состоит из меня и Джона С.Прайса, который с недавнего времени осуществляет контроль над Миссисипской стальной компанией. Вы без труда узнаете, какова репутация Прайса. Он единственный человек в стране, кто выступил против Стального треста. Капитал Миссисипской стальной компании удвоился за последний год, и его рост ничем не ограничен, не считая объемов производства и пропускной способности железных дорог, транспортирующих его продукцию. Новый проект должна была бы осуществить сама компания, если бы ее капитал и кредит не были вовлечены в расширение производства. Прайс вложил в это часть своих собственных денег, а я пополнил эту сумму. Теперь мы ищем честного человека, которому могли бы доверить этот важнейший проект, человека,

который взял бы дело в свои руки, поставил его на реальную почву, чтобы эта железная дорога послужила людям. Вы - тот человек, которого мы избрали, и если наше предложение вам подходит, мы готовы безотлагательно передать его в ваши руки.

Минуту-две Монтегю молчал, потом сказал:

- Я ценю ваше доверие, мистер Райдер, и то, что вы предложили, привлекает меня. Но мне далеко не просто принять решение, как вы, конечно, понимаете, и я прошу вас предоставить мне отсрочку для ответа до завтрашнего дня.

- Хорошо, - сказал Райдер.

Первая мысль Монтегю была о генерале Прентисе. "Приходите ко мне всегда, когда вам понадобится совет", - сказал ему генерал. И Монтегю отправился к нему в контору.

- Знаете ли вы что-нибудь о Джоне С.Прайсе? - спросил он.

- Только понаслышке. С ним лично не знаком. Он уолл-стритовский воротила и, как я слышал, удачливый. Начал ковбоем, затем занялся рудниками. Десять-пятнадцать лет назад стало известно, что его заинтересовало серебро, а несколько лет назад он вошел в Миссисипскую стальную компанию. Это была сенсационная новость. Все считали, что Прайс взялся за бесперспективное дело, так как Стальной трест вел борьбу с Миссисипской стальной компанией. Похоже он одержал в ней верх.

- Это интересно, - сказал Монтегю.

- Но Прайс прошел суровую школу. Он остер на язык. Помнится, однажды я присутствовал на собрании кредиторов "Американской компании по производству отопительных приборов", оказавшейся в затруднительном положении. Прайс начал так: "Господин председатель, когда я прихожу в контору промышленной корпорации и вижу аппарат, отстукивающий на ленте последние курсы акций на бирже, за креслом у его президента, которое стоит на истертом коврикe, мне уже не надо спрашивать, как у него идут дела". Но для чего вам знать о Прайсе? - спросил генерал, посмеявшись над этим воспоминанием.

- Ради дела, которое касается меня, - отвечал Аллан.

- Я скажу вам, кто хорошо его знает. Гарри Куртис. Юридические дела Прайса ведет Уильям Е. Давенант.

- В самом деле? Тогда, пожалуй, я повидеюсь с Гарри.

- Я могу назвать вам человека и посolidнее Гарри, - подумав, сказал Прентис. - Спросите вашу приятельницу миссис Олден; по-моему, она близкая знакомая Прайса.

Монтегю послал записку миссис Билли и получил ответ: "Приходите обедать, я сегодня дома". И вот в тот же вечер Аллан утопал в большом кожаном кресле гостиной миссис Билли и слушал ее рассказы о владельце Миссисипской стальной компании.

- Джон Прайс? - спросила великосветская леди. - Да, я знаю его. Все зависит от того, кем он для вас будет: другом или врагом. Его мать была ирландка, и он весь в нее. Если вы понравитесь ему, то он готов будет за вас умереть, а если возненавидит, то вы услышите от него такие эпитеты, о существовании которых и не подозревали. Впервые я встретила его в Вашингтоне, лет пятнадцать назад, когда мой брат был членом конгресса. Кажется, я вам уже рассказывала, как Дэви заплатил сорок тысяч за место в конгрессе. Это был год, когда демократы одержали верх, и они выбрали бы и Реджи Манна, если бы это им было надо. Я приехала в Вашингтон провести зиму. Прайс в то время был там с целой армией завсегдатаев лобби Законодательного собрания. Он боролся за свободное обращение серебра. Все это происходило до кризиса, когда, как вам известно, серебро еще было в цене и Прайса считали Серебряным королем. Той зимой я видела своими глазами все, что творилось за кулисами американского правительства, могу вас заверить.

- Расскажите, пожалуйста, - попросил Монтегю.

- Демократическая партия одержала победу на выборах, пообещав снизить тарифы, и действительно предоставила монополиям всякие льготы. Деньги лились рекой, и мой брат смог утроить свои сорок тысяч. Компанию возглавляли боссы Стального треста. Уильям Робертс приезжал из Питсбурга каждые два или три дня, а в остальные дни связывался с Нью-Йорком по личному телефону. Я всегда утверждала, что Стальной трест инициатор всех мошенничеств с тарифами. И это продолжается до сих пор.

- А что сделал Прайс со своими серебряными копиями? - спросил Монтегю.

- Он их продал, - сказала она, - и как раз вовремя. Он участвовал в предвыборной кампании девяносто шестого года, и я помню, как однажды вечером у меня на обеде рассказал, что республиканская партия ассигновала десять или пятнадцать миллионов долларов на предвыборную кампанию. "Серебру пришел конец", - сказал он и продал свое дело в том же месяце. С тех пор он свободен. А вы с ним знакомы?

- Пока еще нет, - ответил Монтегю.

- Это интересный человек. Я слышала от Дэви, как он, будучи еще владельцем копеек, поражал Нью-Йорк своими карманами, раздувшимися от зеленых бумажек. За все он расплачивался стодолларовыми купюрами, как "угольно-нефтяной" Джо, даже за чистку обуви. И предавался дикому разгулу - вы даже не можете себе вообразить, что он выделявал!

- Так вот он какой! - воскликнул Монтегю.

- Был таким, но однажды с ним что-то произошло. Прайс обратился к врачу; тот ему что-то сказал, не знаю, что именно, и он перестроился. Не пьет, ест раз в день и ограничивается одной чашкой кофе. Но он все еще общается со своей прежней компанией: едва ли в городе есть политик или спортсмен, которого не знал бы Джон Прайс. Он сидит с ними чуть ли не до утра и беседует, но я никак не могу заполучить его к себе на обед. "Мое общество - люди, - говорит он, - а ваши гости - мелюзга". Если вы когда-

нибудь захотите по-настоящему узнать Нью-Йорк, попросите Джона Прайса быть вашим гидом и познакомить вас с маклерами и грабителями!

Монтегю поразмыслил над портретом, который нарисовала его приятельница, и сказал:

- Так или иначе, но он не очень похож на главу корпорации с капиталом сто миллионов.

- Одно другому не мешает, - сказала миссис Билли. - При этом Прайс с раннего утра в своей конторе, как и все его служащие. И если вы думаете, что это не светлая голова, то попробуйте его на чем-нибудь провести, и вы увидите, что из этого получится. Позвольте мне рассказать вам кое-что о его борьбе со Стальным трестом.

И она начала рассказывать.

Выслушав миссис Билли, Монтегю воспользовался ее письменным столом и написал записку Стенли Райдеру: "Из сведений, собранных мной о Джоне С.Прайсе, я понял, что его дело - изготовлять сталь. Если наша железная дорога будет перевозить его сталь, я согласен на ваше предложение".

Глава 11. Юридическая контора Уильяма Е. Давенанта

На следующее утро Монтегю встретился с Джоном С.Прайсом в его конторе на Уолл-стрите и был приглашен на совещание по поводу реорганизации Северной миссисипской железной дороги. Он принял приглашение и после обеда явился в юридическую контору "Уильяма Е. Давенанта.

Первый, кого он там встретил, был Гарри Куртис.

- Я ужасно обрадовался, узнав, что вы участвуете в этом деле и нам предстоит работать вместе, - сказал Гарри.

За столом комнаты для совещаний в конторе Давенанта расположились Райдер, Прайс, Монтегю, Куртис и Уильям Е. Давенант. Давенант был одним из самых известных юристов Нью-Йорка. На этом высоком, тощем господине костюм висел как на вешалке. Одно его плечо было чуть выше другого, а длинная шея вытянута вперед, вследствие чего казалось, будто его нервное лицо все время напряжено. Проницательные глаза Давенанта свидетельствовали о постоянной работе мысли. Его годовой доход некоторые оценивали в четверть миллиона долларов, и он гордился тем, что никто из поместивших деньги в опекаемое им дело никогда не пожалел об этом.

Забавный контраст с ним представлял собой Прайс, который выглядел как хорошо одетый боксер. Круглое лицо, несколько полноватая фигура, но за всем этим чувствовалось, что это человек железной воли. Можно было

легко поверить, что Прайс сам пробивал себе дорогу в жизни. Он говорил резко, конкретно, излагая суть дела несколькими скупыми фразами, подобно хирургу, орудующему скальпелем.

Первым решался вопрос о том, чтобы направить Монтегю на юг. Необходимость в покупке новых акций уже отпала, ибо, обеспечив поддержку акционеров, можно было захватить управление дорогой в свои руки, а это было все, что требовалось. Монтегю должен был повидаться с теми владельцами акций, с которыми был знаком лично, и объяснить им, что ему удалось привлечь к этой железной дороге кое-кого из сильных мира сего на севере, которые готовы участвовать в строительстве новой ветки при условии, что на выборах пройдет их список директоров. Прайс составил такой список. В него вошли Монтегю, Куртис, Райдер, он сам, его кузен и еще какие-то двое, которых Прайс охарактеризовал как людей, привыкших помогать ему в таких делах. Оставалось два вакантных места, которые Монтегю предстояло заполнить кандидатурами из числа наиболее влиятельных владельцев акций.

- Это им понравится, - кратко заявил Прайс, - а у нас будет абсолютное большинство.

Предстояло условиться насчет выпуска акций номиналом в миллион долларов, которые оставил бы за собой Готтамский трест, а также о новом выпуске двадцати тысяч акций, распределяемых пропорционально между старыми акционерами по пятьдесят центов за доллар. Монтегю был уполномочен заявить, что его клиенты оставят за собой все акции, которые не пожелают взять эти акционеры. Он должен был всячески стараться сохранить в тайне весь план, и, главное, чтобы акционеры дороги не навязали ему своего списка. В дальнейшем, когда речь зашла о старых наметках маршрута новой ветки, эти меры оказались весьма оправданными.

- Вам надо строго придерживаться этих планов и исходить из предположения, что нынешнее правление дороги никуда не годится, - заметил Прайс.

Вторым вопросом, подлежавшим обсуждению, было разрешение на постройку новой ветки.

- Имея такое разрешение, я получаю право делать все, начиная от строительства фабрики зубочисток и кончая состязаниями летательных аппаратов. Но дураки, добивавшиеся права продлить Северную миссисипскую железную дорогу, получили разрешение только на строительство ветки от Аткина до Опалы. Так что мы должны получить согласие на новую ветку. По приезде на место, мистер Монтегю, вам придется провести соответствующее решение через Законодательное собрание страны.

Монтегю задумался.

- Вряд ли я сумею оказать влияние на Законодательное собрание... - начал он.

- Ладно, - сердито сказал Прайс, - мы возьмем это на себя.

Тут заговорил Давенант.

- Мне кажется, - сказал он, - что мы сможем уладить это дело, даже не упоминая о Северной миссисипской дороге. Если "стальная шайка" прослышит о наших планах, мы навлечем на себя неприятности: губернатор, как вы знаете, их человек. Нужно принять общий законопроект, по которому всякое общественно полезное предприятие, получившее разрешение на строительство железной дороги, имеет право протянуть ее до определенных границ при определенных условиях и тому подобное. Мне кажется, я смогу так сформулировать законопроект, что он пройдет и никто не догадается, что за ним кроется.

- Прекрасно, - сказал Прайс, - действуйте.

И так они обсуждали пункт за пунктом. Прайс кратко изложил задачи Монтегю. До собрания акционеров оставалось всего две недели, и было решено, что он выедет завтра же.

Когда совещание окончилось, Монтегю поехал в город с Гарри Куртисом.

- Что это там Давенант сказал о губернаторе? - спросил он, когда они уже сидели в поезде.

- Вы имеете в виду губернатора Ханниса? - спросил Гарри. - Я не очень-то в курсе, но знаю, что на юге прошли бурные выступления против железных дорог, и тогда Уотерман с его "стальной шайкой" посадил там губернатора Ханниса, чтобы с этим покончить.

- Честно говоря, это ошеломило меня, - сказал Монтегю, немного подумав, - я ничего не сказал на совещании, но, знаете ли, губернатор Ханнис - старый друг моего отца и один из порядочнейших людей, каких я когда-либо знал.

- О, я в этом не сомневаюсь, - откликнулся Куртис. - Для них сей почтенный старый джентльмен - пешка. Вероятно, он даже не подозревает, под чью дудку пляшет. Вы, конечно, понимаете, что подлинный хозяин вашего штата - сенатор Хармон.

- Я слышал про это, - сказал Монтегю, - но никогда не придавал большого значения подобным слухам.

- Вот как! Вы придали бы им значение, оказавшись на моем месте. Я вел дела уотермановских южных железных дорог, и мне случалось передавать послания Хармону. Нью-Йорк - город, где вы познакомитесь с подобной игрой.

- Игра не из приятных, - холодно заметил Монтегю.

- Не я устанавливал ее правила, - сказал Куртис. - Вы сами оказываетесь перед необходимостью либо вступать в эту игру, либо отказаться от нее. Молодой человек задумался, а потом рассмеялся в ответ на собственные мысли.

- Я понимаю ваши чувства. Помнится, какие у меня самого были угрызения совести, после того как я закончил колледж. Голова моя была полна красивыми афоризмами старого профессора этики. И вот меня взяли в юридический отдел Нью-йоркской гудзоновской железной дороги. Мы разбирали тяжбу о возмещении убытков, и старый Генри Корбин, главный юрисконсульт этой дороги, передал дело мне, а потом вынул из своего стола

отпечатанный на машинке список членов Верховного суда штата.

"Некоторые имена, - сказал он, - помечены красным карандашом - можете направить дело к любому из них: это наши люди". Подумайте только! А я был еще невинен как свежесвылупившийся цыпленок!

- Наверное, такие дела плохо кончаются, - сказал Монтегю.

Куртис пожал плечами.

- Пойди докажи...

- Но, ведь если какой-нибудь судья постоянно решает дела в пользу дороги... - начал было Монтегю.

- Я вас умоляю! Предоставьте это самому судье! Иногда он выносит решение против дороги, но при этом применяет такую статью, что высшая инстанция непременно отменяет решение, а к тому времени противной стороне все надоест, и она готова порешить дело миром. Есть и другой путь. Помню один случай, когда я сделал так, как велел старый Корбин, и был уверен, что выиграю дело. Я предъявил одиннадцать разных возражений, но в каждом случае судья толковал их против меня. Я долго не мог понять, в чем здесь хитрость. Видите ли, это дело направляют в высшую инстанцию и там понимают, что судья выгородил противную сторону явно с формальных позиций. Но поскольку Верховный суд не располагает свидетельскими показаниями и не может опираться на них, он оставляет в силе решение первой инстанции. Как видите, тут имеется не одна лазейка!

- Похоже, для правосудия тут остается мало места, - заметил Монтегю.

- Если бы вы занимались такими делами столько же, сколько я, и встречались с такими подозрительными личностями, которые пытаются нажиться на железных дорогах, вы бы уже не пеклись о правосудии. Мошенничество пустило сейчас такие корни, что, подав в суд, вы можете выиграть почти любое дело. Есть люди, которые посвятили все свое время тому, чтобы выискивать дела и фабриковать свидетельские показания.

Монтегю задумался. Время от времени он бормотал про себя: "Губернатор Ханнис! Не могу себе даже представить!"

- Пусть вам расскажет о нем Давенант, - рассмеявшись, сказал Куртис. - Возможно, все не так плохо, как я вообразил. Знаете, Давенант цинично относится к губернаторам. Несколько лет назад у него был такой случай. Он отправился в Олбани, чтобы убедить губернатора подписать какой-то законопроект. Губернатор вышел из своего кабинета, оставив его одного. Давенант заметил, что ящик его письменного стола открыт. Он заглянул туда и увидел конверт с новенькими тысячными банкнотами. Он не знал, зачем они тут лежали, но это был очень важный законопроект, и Давенант решил воспользоваться удачей. Он положил конверт к себе в карман. Губернатор вернулся и, ссылаясь на общественные интересы, заявил, что решил наложить вето на этот законопроект. "Что ж, господин губернатор, - сказал старик. - Мне остается только одно". И он вынул из кармана конверт. "Тут пятьдесят новых банкнот по тысяче долларов, они ваши, если вы одобрите законопроект. Если же вы откажетесь, я отнесу их в газету и расскажу там, за что вы их получили". Губернатор побледнел как полотно и,

видит бог, подписал законопроект да еще в присутствии Давенанта отослал его в Законодательное собрание. Теперь вы понимаете, почему он относится к губернаторам скептически.

- Не это ли имел в виду Прайс, сказав, что употребит свое влияние в Законодательном собрании?

Его молодой собеседник пожал плечами.

- Что вы сможете сделать? Ваши политические организации и ваши учреждения находятся в руках мелких политических интриганов и мошенников, которые только и ждут, чем бы поживиться. Если вам что-то нужно, платите им, как в любом другом деле. Вы постоянно сталкиваетесь с такой дилеммой: либо плати, либо уходи. Возьмите, - продолжал Куртис после паузы, - наше собственное дело. Вот мы, например, желаем построить железнодорожную ветку. Это - важное мероприятие, и его надо осуществить. Но мы могли бы пятьдесят лет подряд ходить и кланяться Законодательному собранию штата, и если бы не уладили дела, то не получили бы разрешения. А как вы полагаете, что сделал бы за это время Стальной трест?

- Задумывались ли вы, к чему приведут подобные дела?

- Не знаю. Мне кажется, что когда-нибудь нашим дельцам придется заняться политикой и поставить ее на деловую основу.

Монтегю обдумал ответ.

- Все это не так просто, как кажется, - сказал он. - И не будет ли это подрывом республиканских принципов?

- Боюсь, что да. Но что поделаешь.

Монтегю промолчал.

- И вы знаете, что можно было бы тут предпринять? - настаивал на ответе Куртис.

- Нет, пока не знаю. Для начала могу вам сказать одно: интересы этой страны для меня превыше любого дела, в каком я принимаю участие. И если перед такой дилеммой окажусь я сам, то дело отступит на второй план.

Куртис внимательно следил за собеседником и, положив ему руку на плечо, сказал:

- Правильно, старина! Но примите совет - пусть Давенант никогда не услышит от вас этих слов.

- Почему?

Молодой человек поднялся.

- Моя остановка, - сказал он. - Потому, что это не совпадает с его представлениями. Давенант демократ консервативного толка, знаете, и предпочитает произносить речи на банкетах!

Глава 12. Поездка на родину

Несмотря на все сомнения, Монтегю все же отправился к себе на родину и полностью выполнил то поручение, на которое дал согласие. Все было, как он и предполагал: акционеры Северной миссисипской железной дороги приняли его как героя-победителя. Он поговорил со своим кузеном мистером Ли и двумя-тремя другими старыми друзьями и получил их согласие на новый состав правления без особого труда. Все они были заинтересованы в будущем этой дороги.

Ему даже не пришлось заниматься вопросом о разрешении. Давенант составил законопроект и сообщил, что племянник сенатора Хармона сумеет провести его, не привлекая чьего бы то ни было внимания. Монтегю узнал, что законопроект прошел, был подписан губернатором - и все.

Но вот настал день собрания акционеров. Монтегю присутствовал на нем, как уполномоченный Райдера и Прайса, и предъявил свой список правления, к великому разочарованию мистера Картера, нынешнего президента дороги и старого друга семьи Монтегю. За новое правление директоров проголосовали почти три четверти держателей акций, и выпуск новых акций был принят тем же большинством. Поскольку ни один из прежних пайщиков не пожелал дополнительно приобрести акции, Монтегю подписался на весь выпуск от имени Райдера и Прайса и представил чек в качестве гарантии.

Это, разумеется, получило широкую огласку во всей округе. Не прошло незамеченным это событие также в Нью-Йорке. Впервые акции Северной миссисипской дороги стали котироваться, резко пошли на повышение и начали подниматься в цене на десять процентов в день.

Монтегю известил об этом Гарри Куртис.

"Готовьтесь к ответным действиям "стальной шайки", - писал он. - Скоро вы их почувствуете".

Монтегю подумал, что не побоится "стальной шайки", но ему стало не по себе от того свидания, которое состоялось на следующий день после собрания. К нему явился старый мистер Картер, слабо пожал руку, сел и посмотрел на него потерянно.

- Аллан, - сказал он, - пятнадцать лет я был президентом Северной миссисипской дороги и служил ей верой и правдой. А теперь я хотел бы услышать от вас, - что это значит? Неужели я...

Монтегю не помнил такого времени, чтобы мистер Картер не бывал бы у его родителей, ему было очень тяжело видеть старика в таком состоянии. Но тут нельзя было ничего поделать, и он сказал скрепя сердце:

- Мне очень жаль, мистер Картер, но я не имею права сообщать вам о намерениях моих клиентов.

- Значит ли это, что меня просто выгоняют? Что никто не оценит проделанной мной работы?

- Право, мне очень жаль, - снова твердо сказал Монтегю, - но по сложившимся обстоятельствам я должен просить вас избавить меня от необходимости даже обсуждать этот вопрос.

День или два спустя Монтегю получил телеграмму от Прайса с поручением поехать в Ривертон, где находились заводы Миссисипской стальной компании, и встретиться с мистером Эндрюсом, ее президентом. Монтегю в юности не раз бывал в Ривертоне и помнил огромные заводы - одну из достопримечательностей штата. Но его поразили большие перемены. Миссисипская стальная компания разрослась и владела теперь двумя бессемеровскими конвертерами, которые пылали днем и ночью, как вулкан. Она скупила всю западную часть города и снесла около полусотни ветхих жилых домов; здесь тянулись целые ряды коксовальных печей, два огромных рельсопрокатных и один листопрокатный стан. Повсюду стоял шум, как в день страшного суда. Из многочисленных труб к небу тянулись столбы густого черного дыма. Рельсы узкоколейки пересекали дворы, и паровозы с пытением и грохотом тащили вагонетки с раскаленными добела стальными болванками, при взгляде на которые в глазах появлялась резь. Напротив ворот, за окружавшим все заводы забором, компания выстроила новое здание конторы; на верхнем этаже расположился кабинет президента. - Мистер Эндрюс прибудет с двухчасовым поездом, - сказал его секретарь, явно ожидавший посетителя, - не желаете ли подождать у него в кабинете? - Я предпочел бы осмотреть заводы, если вы сможете устроить это для меня, - сказал Монтегю.

Его снабдили пропуском и провожатым, и он обошел всю территорию. Монтегю было интересно увидеть заводы Миссисипской стальной компании в их нынешнем состоянии. Сидя в удобных конторах Уолл-стрита и обмениваясь бумагами, люди обычно забывают, что каждое их распоряжение касается деятельности предприятий и жизни тысяч людей. Но теперь Монтегю предстояло строить и эксплуатировать железную дорогу, покупать реальные вагоны и перевозить железо и сталь, и он подумал, что отныне должен соизмерять любой свой шаг, не упуская практической стороны дела.

Был июльский безоблачный день, и почти тропическое солнце обжигало лучами заводы. Мастерские и рельсовые пути обволакивал раскаленный воздух; казалось, что шлак, по которому приходилось идти, только что выброшен из печи. В помещение, где пылали топки, Монтегю просто не смог войти: он только стоял в дверях, прикрыв глаза от слепящего света. В этом аду работали сотни черных от копоти людей, до пояса обнаженных и обливающихся потом.

Монтегю рассматривал длинный ряд топок доменных печей, огромных пещер, сквозь щели в которых сверкала тысячами молний жидкая сталь. Людям, работавшим здесь, приходилось время от времени обливать себя водой, они выпивали ежедневно по несколько галлонов пива. Аллан шел по рельсопрокатному цеху, где огромные валки подхватывали раскаленные стальные болванки и швыряли их, как блины на сковороды, мяли и расплющивали, выбрасывая на другом конце в виде нескончаемых извивающихся красных змей. Было видно, как в дальнем крыле цеха их

складывали длинными рядами для охлаждения. Пока Монтегю стоял и наблюдал, ему пришла в голову мысль, что это могли быть именно те рельсы, которые заказал Уайман и которые послужили поводом к такому замешательству в лагере Стального треста.

Затем он пошел в листопрокатный цех, где стучали гигантские молоты и стальные полосы в несколько дюймов толщиной разрезались на куски подобно сыру. Он с изумлением рассматривал все это, стараясь не отстать от проводжатога, чтобы не рисковать жизнью. Стрелы гигантских кранов со скрипом двигались над его головой, и со всех сторон слышался оглушительный грохот адских машин. Просто невероятно, как люди могли работать среди подобного хаоса, не страшась за жизнь, не ощущая опасности и не обращая ни на что внимания.

Глаза Монтегю перебегали с одного объекта на другой, как вдруг невиданное зрелище предстало его взору. В другом конце цеха вращался стальной вал, который приводил в движение один из самых больших валков. Он с огромной скоростью крутился где-то высоко, под самой крышей. Монтегю увидел рабочего с масленкой в руке, который остановился на верхней ступеньке лестницы у вала, а потом полез еще выше.

Аллан притронулся к руке своего проводжатога и показал ему на рабочего.

- Разве это не опасно? - выкрикнул он.

- Конечно, это нарушение техники безопасности, - ответил тот. - Но рабочие так делают.

Не успел Монтегю вымолвить и слова в ответ, как случилось нечто такое, что заставило его содрогнуться от ужаса. Он все еще стоял, окаменев и указывая пальцем вверх, когда человек на лестнице исчез из виду как по мановению волшебной палочки. Над валом поднялось какое-то туманное облако, а лестница упала на пол.

Похоже, больше никто этого не заметил. Провожатый ринулся вперед, увертываясь от раскаленной добела стальной полосы, катившейся по валкам, и вбежал в будку, откуда инженер наблюдал за работой машин. За какую-то минуту, пока Монтегю продолжал с ужасом смотреть в том же направлении, он увидел, что туманное облако стало принимать очертания человеческого тела, вращающегося вокруг вала. Затем, когда механизмы замедлили ход и заводской шум стих, он увидел, как несколько человек снова приставили лестницу и полезли наверх. А когда вал перестал вращаться, сняли тело, но Монтегю был уже не в состоянии смотреть на это. Бледный, испытывая дурноту, он повернулся и вышел из этого ада.

Он пересек двор и сел в тени какого-то здания, размышляя о превратностях судьбы. В этот момент машины заработали вновь, и шум от них теперь уже не утихал. Четыре человека пронесли мимо него носилки, покрытые простыней. С них капала кровь, но Монтегю заметил, что проходившие не обращали на это особенного внимания. Когда он вновь проходил мимо сталепрокатного цеха, там шла обычная работа. А выходя за ворота, Монтегю видел, как человек, которого ему представили как мастера, уже отбирал в группе ожидавших людей рабочего, на место погибшего.

Монтегю вернулся в контору президента. Оказалось, что мистер Эндрюс только что приехал. В конторе был сквозняк, но Эндрюс, очень полный человек, сидел в кресле, сняв пиджак и жилет, и усиленно обмахивался веером из пальмового листа.

- Добрый день, мистер Монтегю. Как вам наша жара? Садитесь, у вас утомленный вид.

- Я сейчас был свидетелем несчастного случая на заводе.

- О, как печально. Но есть мнение, что сталь без несчастных случаев не выплавить. На днях от взрыва газов в доменной печи погибло восемь рабочих. Большею частью иностранцы.

Эндрюс позвонил секретарю.

- Принесите, пожалуйста, планы, - сказал он ему и, к удивлению Монтегю, разложил перед ним копии отчетов о геологических изысканиях, а также чертежи, сделанные давным-давно самим руководителем экспедиции.

- Разве мистер Картер передал их вам? - спросил Монтегю.

Президент разразился сухим смешком.

- Так или иначе, у нас они есть, - сказал он. - Теперь нам остается послать собственных геологов на места. Вероятно, когда вы получите отчет комиссии. Наши предложения далеко не совпадут с прежними.

Инструкции от Прайса пришли на следующий день; с их помощью и при содействии Эндрюса Монтегю отдал соответствующие распоряжения и вечером следующего дня отбыл в Нью-Йорк.

Он приехал в пятницу. Оказалось, что Алиса уехала к Прентисам, а Оливер тоже находился в Ньюпорте. Аллан, в свою очередь, получил приглашение от миссис Прентис присоединиться к ним. Поскольку Прайс был в отъезде, Монтегю позволил себе отдохнуть и в субботу утренним поездом отправился в Ньюпорт.

Монтегю приобщился к высшему обществу зимой, а теперь ему предстояло познакомиться с ним в летний период. Завершив сезон зимних развлечений, званых обедов и танцевальных вечеров, светские дамы доходят в большей или меньшей степени до нервного истощения, и Ньюпорт стал для них местом отдыха и восстановления сил. Когда-то он был старомодным городом Новой Англии неподалеку от входа в Лонг-Айлендский пролив. Но из поселка с несколькими бакалейными лавками и трактиром он, благодаря высшему свету, превратился в известнейший и самый дорогой курорт в мире. Здесь земля стоит не менее доллара за квадратный фут и заплатить десять тысяч в месяц за "коттедж" считается обычным делом.

О летнем отдыхе и поселке напоминают здесь еще только такие слова, как "коттедж". Вас приглашают на вечеринку в саду при свете иллюминации. Растения стоят в кадках в таком множестве, что составляют целые оранжереи, а наряды дам и великолепие их драгоценностей создают такое впечатление, будто вы находитесь в сказочной стране.

Если вас пригласят на пикник в Гузберри-пойн, вы обнаружите повсюду изящные беседки и мягкие ковры под ногами; свиты лакеев в ливреях и всякого рода роскошь, какую встречаешь в особняках на Пятой авеню. Вы

нанимаете кэб, чтобы ехать на этот пикник, что обойдется вам в пять долларов, но вы непременно должны отправиться туда в кэбе! Даже если вам надо всего лишь завернуть за угол, вы нарушите все правила приличия, явившись к месту назначения пешком.

После миссисипских стальных заводов Ньюпорт произвел на Монтегю предельно странное впечатление. Он видел столичную жизнь и слышал, какие баснословные цены платили за роскошь, которой окружали себя сливки общества. Но эти тысячи и миллионы были для него скорее абстракцией. Теперь они вдруг обрели реальность - он увидел своими глазами, каковы их источники, какой ценой достается вся эта роскошь! Вид Ньюпорта наводил его на мысли о тех людях, которые трудились в поте лица при слепящем глаза пламени и жаре от раскаленных доменных печей. Здесь, в Ньюпорте, находился дворец Уайманов, на один фундамент которого затрачено более полумиллиона долларов; опоясывающая его каменная стена была знаменита тем, что обошлась в сто тысяч долларов. А ведь рабочие на заводах занимались каторжным трудом, изготавливая рельсы для Уайманов!

Здесь же красовался дворец Элдриджа Девона с оранжереей - одна она обошлась в сто пятьдесят тысяч долларов и предназначалась лишь для удовлетворения ежедневных потребностей ее немногочисленных владельцев. Тут росло знаменитое тюльпановое дерево, выкопанное в пятидесяти милях отсюда, одна перевозка которого стоила тысячу долларов. А Монтегю видел, как доставалась рабочим сталь, которая использовалась на строительстве одного из огромных отелей Элдриджа Девона!

В Ньюпорте находилось и здание, принадлежавшее Уолдингу. "Трехмиллионный дворец в пустыне" - метко описала его миссис Билли Олден. Монтегю читал о знаменитой каминной доске из мрамора Помпеи, стоившей семьдесят пять тысяч долларов. А Уолдинги были железнодорожными королями, транспортирующими миссисипскую сталь!

Мысли Аллана перенеслись к рабочим других заводов, которые трудились в невыносимых условиях, к их женам и малым детям, работающим в мастерских и рудниках, чтобы все эти люди могли выставить свою роскошь напоказ. Они приехали сюда со всех концов страны со своими миллионами, заработанными каторжным трудом рабочих.

Чего стоил один белый мраморный дворец Джонсонов! Потолки, полы, стены его парадных покоев доставлены из Франции, ограда и ворота, даже замки и дверные петли выполнены по эскизам знаменитых художников. Джонсоны были железнодорожными и угольными королями и твердой рукой управляли штатом Западная Виргиния. Суды и законодательные органы штата, по сути дела, являлись отделениями конторы Джонсона.

Монтегю знал, что существуют целые шахтерские поселки, принадлежащие компании, построенные по типу укрепленных фортов. Несчастные труженики, проживавшие там, не могли купить и бутылки молока нигде, кроме лавки компании, и даже местный врач не мог без пропуска входить за их ограду.

А дальше стоял дом Уорфилдов, наживших состояние на доходах от универсальных магазинов, которые им принадлежали, где молодые девушки-продавщицы работали за два с половиной доллара в неделю. Они были вынуждены подрабатывать проституцией, лишь бы не умереть с голоду.

В то лето младшая дочь Уорфилдов вступала в свет, и для ее первого бала построили зал, который обошелся в тридцать тысяч долларов и был разрушен на следующий день после праздника.

Еще дальше, на скале, находился замок угольного короля Мейера. Монтегю вспомнил молодого человека, который изобрел контрольное приспособление для автоматических весов. На них взвешивали уголь перед погрузкой на пароходы. Майор Винебл намекнул Монтегю, что Угольный трест не принял это изобретение по той причине, что все их весы недовешивали. Впоследствии, рассматривая это дело, Винебл убедился, что так оно и есть и что сам старый Мейер разработал систему, позволявшую обманывать судовладельцев. А теперь здесь среди самых светских домов красуется и его дворец, где живут сыновья и дочери угольного короля!

Проезжая по улицам Ньюпорта, можно было видеть роскошные виллы и перечислять имена их владельцев - железнодорожных, угольных, нефтяных и стальных королей.

Фешенебельные дома, подстриженные лужайки, сады, благоухающие редкими цветами, среди которых устраиваются танцы, пиры и разные увеселения, - все здесь говорило о роскоши и богатстве. Как далека, казалось, отсюда грязная коммерческая борьба, как далеки бедность, тяжелый труд и смерть! Но Монтегю не мог забыть картину, увиденную им в листопркатном цеху: облачко вокруг вращающегося вала, носилки с искалеченным телом, накрытым простыней, и кровь, которая капала с них.

Ему посчастливилось встретить на улице Алису и ее друзей, и он поехал вместе с ними на взморье, которым целиком и полностью завладело высшее общество.

Первый, кого он увидел тут, был Реджи Манн, который подошел к ним и занял внимание Алисы. Реджи не хотел купаться, чтобы не выставить напоказ худые ноги; он неодобрительно относился к шуткам, которые отпускал Гарри Перси, самый серьезный его соперник. Перси - мужчина лет сорока - был профессиональным дирижером; он забавлял зрителей на взморье тем, что купался с моноклем в глазу.

Позавтракав в казино, они отправились на морскую прогулку на новой спортивной яхте Прентисов. Было подсчитано, что в тот момент в гавани Ньюпорта находились паровые и гребные суда, стоившие все вместе примерно тридцать миллионов долларов. Они служили исключительно для того, чтобы ублажать сильных мира сего. Бухта выглядела красиво в эти полуденные часы.

Они вернулись довольно рано, так как Алиса была приглашена на прогулку к шести часам и ей нужно было еще переменить платье. А к обеду - к восьми часам - ей опять надо было переодеться. Монтегю знал, что, согласно этикету, великосветские дамы меняли наряды пять или шесть раз в день. Они были мастерицами по этой части и превозносили такую прекрасную систему, которая давала им возможность демонстрировать свои туалеты.

Нью-йоркские знакомые Монтегю предстали здесь во всем своем великолепии: мисс Иветта Симпкинс с сорока сундуками новых парижских платьев; миссис Билли Олден, которая основала женский клуб исключительно для аристократической игры в бридж; миссис Уинни Дювал, произведшая сенсацию слухами о намерении ввести в Ньюпорте моду на "простой" образ жизни, а также миссис Виви Пэттон, супруг которой пытался покончить с собой, считая это единственным средством избавиться от одного графа - поклонника своей жены.

Наступил как раз тот вечер, когда миссис Лендис давала свой давно ожидаемый обед с танцами. Подъехав к дворцу Лендисов, вы сразу попадали на его нижний этаж, где было достаточно просторно, чтобы карета, запряженная четверкой, могла развернуться. Весь этот этаж был занят конюшнями, самыми усовершенствованными в мире. Лошади исчезали тут как по волшебству через неприметные ворота, расположенные по одну сторону, экипаж увозили в другую сторону, а прямо перед вами находился вход в господские апартаменты и выстроились лакеи в ливреях.

К ужину было накрыто пять столов, каждый на десять персон. В центре благоухал огромный букет цветов в виде зонтика в очень искусно подобранных тонах. Во время танцев эту часть бальной залы закрывали ширмы, и когда далеко за полночь их раздвинули, то столы для ужина оказались уже сервированными, что произвело поистине сценический эффект.

Танцы продолжались до рассвета. Монтегю был приглашен на следующее утро играть в теннис. Все гости этого вечера будут на ногах уже в девять-десять часов утра следующего дня, и их можно увидеть в магазинах и на взморье до полудня. Таково было представление высшего света об "отдыхе", завершающем праведный труд в зимний сезон!

После ужина Монтегю завладела миссис Кэролин Смит, леди, которая однажды показала ему своих кошек и собак. Миссис Смит очень интересовал крестовый поход миссис Уинни против вивисекции, и она рассказывала Монтегю про это, пока они гуляли по лоджии дворца Лендисов и любовались восходом солнца над заливом.

- Видите вон ту дорогу, - спросила миссис Смит. - Это та самая дорога, которую Лендисам удалось закрыть. Я полагаю, вы слышали эту историю?

- Нет, - сказал Монтегю.

- Это притча во языцах всего Ньюпорта. Им пришлось подкупить городской совет. По этой дороге ежедневно проезжал фургон с туристами. Возница останавливал лошадей и, указывая кнутом, говорил: "Леди и джентльмены!"

Это дом Лендисов, а там - дом Джонсов. Когда-то у мистера Лендиса была жена, но она надоела мистеру Лендису, а мистеру Джонсу надоела его жена, и вот оба они-развелись и обменялись женами, и теперь миссис Лендис живет в доме мистера Джонса, а миссис Джонс - в доме мистера Лендиса. Ну! Трогай!"

Глава 13. Завтрак у миссис де Граффенрайд

Алиса была уже рано утром на ногах, чтобы идти в церковь вместе с Гарри Куртисом, но Монтегю, и в самом деле приехавший сюда отдохнуть, встал несколько позже и пошел побродить по улицам, посмотреть на людей. Он повстречался с миссис де Граффенрайд, которая, в своей обычной манере, пригласила его к себе на завтрак. Аллан принял приглашение и застал у нее около сорока человек, тоже приглашенных случайно, включая своего брата Оливера и, к великому ужасу Монтегю, мистера Гембла.

Гембл был одет в безукоризненный костюм яхтсмена, который на его полной фигуре производил комичное впечатление. Он приветствовал Монтегю со своей обычной восторженностью.

- Как поживаете, мистер Монтегю, как поживаете? Я много слышал о вас после нашей встречи.

- Что именно? - спросил Монтегю.

- Я слышал, что вы сотрудничаете с Миссисипской стальной компанией.

- Некоторым образом.

- Будьте осторожны: вы имеете дело с очень хитрыми людьми! Они еще хитрее, чем люди из Стального треста, мне сдается. - И маленький человечек прибавил, подмигнув. - Я всегда говорил, что в нефтяном деле есть два сорта плутов: на одних можно положиться (как, например, в тресте), а вторым сам черт не станет доверять (так называемые независимые). Я знаю, о чем говорю, потому что сам был независимым.

Мистер Гембл весело захихикал, сочтя свою шутку остроумной и явно приберегая ее для поддержания разговора.

- Как поживаете, капитан? - окликнул он мужчину, который проходил мимо. - Мистер Монтегю, разрешите представить вам моего друга, капитана Гилла.

Монтегю повернулся и оказался лицом к лицу с высоким морским офицером приятной наружности.

- Капитан Генри Гилл с "Аллегени", - представил его Гембл.

- Здравствуйтесь, мистер Монтегю, - сказал капитан.

- Это брат Оливера, - пояснил Гембл. Затем, высматривая знакомых, вразвалку вышел из комнаты, оставив Монтегю беседовать с офицером.

Капитан Гилл оказался командиром одного из шести судов, которые правительство услужливо посылает на время сезона для увеселения светского общества. Любимец женщин, он был превосходным танцором и старым другом миссис де Граффенрайд.

- Давно ли вы знакомы с мистером Гемблом? - спросил он, чтобы как-то завязать беседу.

- Я с ним встречался всего однажды. Он знакомый моего брата.

- Похоже, он очень любит Олли, - сказал капитан. - Оригинальный субъект. Монтегю охотно согласился.

- Я познакомился с ним в Бруклине, - продолжал капитан, чувствуя, что знакомство с Гемблом требует пояснения. - Он был на короткой ноге с офицерами военной верфи. Отставные миллионеры не так часто попадают на их пути.

- Конечно, нет, - улыбаясь, сказал Монтегю. - Но я был удивлен, встретив его здесь.

- Вы встретите его и на небесах, - рассмеялся капитан, - если он решит туда отправиться. Он добродушный человек, но могу вас заверить, что тот, кто думает, будто Гембл не знает, чего хочет, сильно ошибается.

Монтегю вспомнил эти слова во время завтрака, сидя напротив Гембла. Рядом с ним оказалась Виви Паттон, сделавшая маленького человека предметом своих насмешек. Шутки эти особой деликатностью не отличались, но Гембл не обижался и воспринимал их с веселой улыбкой.

Монтегю не мог его понять. Без сомнения, Гембл был богат и сорил деньгами, но в этом обществе деньги мало что определяли. Монтегю подозревал, что его принимают здесь потому, что миссис де Граффенрайд и ее друзья нуждались в таком человеке, которого могли бы унижать и вытирать об него ноги. Он оглядел сидевших за столом. Контраст между ними и Гемблом был разительным. Миссис де Граффенрайд любила общество молодых людей, и большинство ее гостей принадлежали ко второму и даже третьему поколению сильных мира сего. Человек из Питсбурга, по-видимому, был здесь единственный, кто сам приобрел свое состояние, и на нем буквально стояла печать постоянной борьбы за деньги. Монтегю улыбнулся этой мысли. Гембл казался воплощением самого духа нефти: толстый и неприятный, тогда как представители следующего поколения нефти казались уже владельцами производства тончайших духов. И тем не менее он был тут самым человечным из всех. Несомненно, это был жестокий эгоист, и все же его интересовал не только он сам, но и другие, тогда как среди близких друзей миссис де Граффенрайд интересоваться чем бы то ни было считалось признаком вульгарности.

Гембл, видимо, испытывал расположение к Монтегю по причине, известной ему одному. После завтрака он снова подошел к нему.

- Оливер сказал мне, что вы здесь впервые.

Монтегю утвердительно кивнул головой.

- Пойдемте, я покажу вам город, - сказал Гембл. - Моя машина здесь.

Монтегю был свободен и не нашел удобного предлога отказаться.

- Вы очень любезны... - начал он.

- Хорошо, - сказал Гембл. - Пойдемте.

Он усадил его в свой большой красный спортивный автомобиль, в котором одно из сидений было оборудовано специально для хозяина - не слишком высокое, чтобы толстые, короткие ножки Гембла доставали до пола.

Гембл со вздохом откинулся на спинку.

- Забавное место, не правда ли? - спросил он.

- Здесь интересно пробыть недолго.

- Лично я не любитель таких мест. Мне нравится проводить лето там, где я могу снять пиджак, и в жаркую погоду я предпочитаю пиво шампанскому.

Монтегю промолчал.

- Тут встречаешь столько снобов! - с живостью заметил хозяин автомобиля.

- Пусть развлекаются, подсмеиваясь надо мной, им от этого весело, а я не возражаю. И все же иногда это бесит, так и хочется заставить их принять меня в свое общество. А потом думаешь: зачем добиваться того, что тебе не по нраву. Только потому, что другие тебе в этом отказывают?

У Монтегю едва не сорвался вопрос: "Так зачем вы к ним ходите?", но он промолчал. Машина помчалась по шоссе, и спутник Монтегю, указывая на виллы, называл их владельцев и рассказывал о них в присущем ему стиле.

- Видите вон тот желтый кирпичный дом, - сказал Гембл. - Он принадлежит Эллису, железнодорожному магнату. Он раньше жил в Питсбурге, и я помню, как тридцать лет назад у него была только одна колясочка на трех малышей и он сам ее возил, черт возьми. Тогда он был рад одолжить у меня деньги, а теперь, когда я прохожу, отворачивается. Шесть или восемь лет назад Эллис занимался сталью, - продолжал вспоминать Гембл, - а затем продал свое дело. Это было как раз тогда, когда создавался Стальной трест. Слышали эту историю?

- Что-то не помню, - ответил Монтегю.

- Что ж, если вы намерены тягаться со Стальным трестом, вам не мешает ее знать. Встречались ли вы с Джимом Стэггом?

- Азартный игрок с Уолл-стрита? - спросил Монтегю. - Я знаю его только по имени.

- Последний подвиг Стэгга заключался в организации боксерского матча на приз в одном из шикарных отелей Нью-Йорка, когда черномазый швырнул противника в зеркальную стену. Стэгг родом с Дальнего Запада и, знаете ли, остался по-прежнему диким. Боже мой, я мог бы порассказать вам о нем такое, что у вас волосы встанут дыбом? Может быть, вы помните, как некоторое время назад он искал на рынке акции Южной тенессийской дороги и завладел ими. Старый Уотерман утверждал, что забрал их у него потому, что не считал Стэгга человеком, подходящим для такого дела. А на поверку он врал, ведь Уотерман и до сих пор не брезгает использовать его для разных делишек. Ну и вот. Шесть или восемь лет спустя Стэгг приобрел на Западе большой сталепрокатный завод. А в Индиане был другой завод, принадлежавший Эллису, и он представлял собой конкурента заводу Стэгга. Как-то Стэгг с друзьями кутил несколько дней подряд, и поздно ночью у

них зашел разговор об Эллисе. "Давайте купим его завод", - предложил Стэгг. И вот они заказали специальный поезд, погрузили шампанское и отправились в Индиану - в тот город, где находился этот завод. Часа в четыре ночи они подошли к дому Эллиса, стали звонить в колокольчик и колотить в дверь. Некоторое время спустя вышел полусонный дворецкий. "Эллис дома?" - спросил Стэгг, и раньше, чем тот успел ответить, вся шайка протиснулась в прихожую. Стоя на первой ступеньке лестницы, Стэгг заорал (а голос у него как у быка): "Эллис, Эллис, а ну-ка спускайся!" Эллис появился на лестнице в пижаме, перепуганный чуть ли не насмерть. "Мы хотим купить ваш завод", - объявил Стэгг. "Купить завод?" - открыл от изумления рот Эллис. "Да, немедленно! Плачу наличными! Мы дадим вам за него пятьсот тысяч". "Но он стоит миллион двести тысяч", - закричал Эллис. "Ладно, мы заплатим вам миллион двести тысяч, - сказал Стэгг, - черт с вами, мы дадим вам полтора миллиона". "Мой завод не продается". "Мы дадим вам два миллиона!" "Я сказал вам - не продается!" "Два с половиной миллиона! Сойдите к нам!" "Вы что, серьезно?" - пробормотал Эллис, он просто не поверил своим ушам. "Сойдите к нам, и я выпишу вам чек!" - сказал Стэгг.

Они заставили его спуститься и купили завод. Затем раскупорили шампанское, и Эллис стал добродушнее. "У моего завода один недостаток, - сказал он, - близость к предприятию Джонса, в Гарристоуне. Он пользуется скидкой на железных дорогах и продает свой товар дешевле". "Черт с ним, мы купим и его завод", - сказал Стэгг.

И они снова погрузились в свой специальный поезд. Примерно в шесть утра они были в Гарристоуне и купили завод Джонса. И это разожгло их, знаете, ни разу в жизни они так славно не веселились. Похоже, Стэгг незадолго перед этим заработал миллионов десять или двенадцать на какой-то рискованной афере на Уолл-стрите, и они сорили долларами, скупая стальные заводы за двойную или тройную цену.

Гембл помолчал. Затем Аллан опять услышал его странный смех. - Я рассказал вам эту историю со слов самого Стэгга, - сказал он, - что вы, конечно, должны принять во внимание. Он говорил, что понятия не имел о планах Дана Уотермана, но я полагаю, это неправда. Гаррисон угрожал построить сам железную дорогу в Питтсбурге для своих грузов и больше не иметь дел с дорогой Уотермана. Последнему не оставалось ничего другого, как скупить у него заводы за тройную цену. И он сразу перекупил эти заводы у Стэгга. Тот платил за них двойные и тройные деньги, а Уотерман их удвоил, а затем передал эти предприятия - и снова за двойную цену - правительству.

Гембл умолк.

- Вот как они наживают свои состояния, - добавил он, размахивая толстой рукой. - Иной раз не удержишься от смеха, когда думаешь об этом. Каждое свое предприятие они приобретали по цене, значительно превосходящей первоначальную. Я сомневаюсь, имеются ли у Стального треста те двести миллионов долларов наличными, которые были вложены в него

акционерами, а между тем сами они оценивали свой капитал в миллиард, а теперь говорят о полутора миллиардах! Пока заправились наживают сотни миллионов, мелкие акционеры должны разоряться, так как акции постоянно падают в цене. Старый Гаррисон получает четыреста миллионов долларов в качестве арендной платы за свою собственность, сидит себе, посмеивается да дивится, что человек никак не сможет умереть бедняком!

Автомобиль Гембла ехал мимо одного из клубов. Вдруг Гембл приказал шоферу остановиться.

- Хэлло, Билли! - позвал он, и молодой морской офицер, который спускался по лестнице, обернулся и подошел к нему.

- Где вы пропадали? - спросил Гембл. - Мистер Монтегю, это мой друг, лейтенант Лонг, инженер. Куда вы направляетесь, Билли?

- Собственно, никуда, - сказал офицер.

- Садитесь в машину, - пригласил Гембл, указывая на свободное место между ним и Монтегю. - Я показываю мистеру Монтегю город.

Лонг сел в машину, и они поехали дальше.

- Лейтенант только что из Бруклина, - продолжал Гембл. - Мы приятно провели время в Бруклине, не правда ли. Билли? Расскажите, как вы там жили потом?

- Я много работаю, - сказал лейтенант, - учусь.

- Учитесь здесь, в Ньюпорте? - рассмеялся Гембл.

- Да. Инженеру здесь жить несложно. Мы трудовой народ, и на балах в нас не нуждаются. Кстати, Гембл, - добавил он, - я вас искал. Мне нужна ваша помощь.

- Моя? - спросил Гембл.

- Да. Я только что получил извещение от своего ведомства о том, что включен в комиссию из пяти лиц, которая создана для экспертизы мазута, предназначенного для морского флота.

- Чем же я могу помочь?

- Хотелось бы, чтобы вы оказали мне содействие в этом деле.

- Но ведь я ничего не смыслю в мазуте.

- Ну, вы не можете знать меньше меня, - сказал лейтенант. - Поскольку вы занимались нефтью, вы наверняка имеете представление и о мазуте.

Гембл подумал с минуту.

- Я попытаюсь, - сказал он. - Но не уверен, что должен за это браться. Сам я нефтью уже не занимаюсь, но у меня есть друзья, которые, возможно, заинтересованы в такого рода подряде.

- Ну, что же, ваши друзья могут использовать предоставившуюся возможность. Я тоже ваш друг, между прочим, и, кроме вас, где же мне удастся разузнать что-либо об этом мазуте?

Гембл снова промолчал.

- Ладно, я сделаю все, что смогу, - наконец сказал он. - Я напишу, что знаю о качестве хорошей нефти, а вы используйте это по своему усмотрению.

- Чудненко, - облегченно вздохнул лейтенант.

- Но, пожалуйста, никому не рассказывайте об этом, - сказал Гембл, - дело щекотливое, понимаете.

- На меня можете положиться, - рассмеялся лейтенант.

На этом тема была исчерпана.

Полчаса спустя Гембл высадил Монтегю у подъезда виллы генерала Прентиса. Аллан попрощался и прошел в холл.

Генерал спускался по лестнице.

- Хэлло, Аллан! Где вы пропадали?

- Я знакомился с городом.

- Проходите в гостиную. Там сидит человек, с которым вам следует познакомиться. Один из самых способных журналистов Уолл-стрита, - добавил он, пройдя через холл, - он ведет финансовую рубрику в "Экспрессе".

Монтегю вошел в комнату и был представлен молодому человеку могучего телосложения и приятной наружности, который не так давно был центральным нападающим известной футбольной команды.

- Ну, Бейтс, - сказал генерал, - чем вы сейчас заняты?

- Стараюсь разобраться в истории банкротства Гранта и Уорда, - сказал Бейтс, - полагаю, что если хоть кому-нибудь известно про это, так только вам.

- Верно, - ответил генерал, - но ее обстоятельства таковы, что я ничего не вправе рассказывать, в особенности для печати. Но вы узнаете ее как частное лицо, если желаете.

- Нет, в таком случае лучше не надо. Я разузнаю об этом через другие каналы.

- Вы проделали весь путь до Ньюпорта, чтобы повидать меня? - спросил генерал.

- Не совсем, - сказал Бейтс. - Я должен взять интервью у Уаймана по поводу нового выпуска акций его железной дороги. Каково ваше мнение о положении на рынке, генерал?

- На мой взгляд, дела плохи, - сказал Прентис. - Самое время принять меры предосторожности.

Бейтс повернулся к Монтегю.

- Кажется, я видел вас только что на улице, - приветливо сказал он, - вы были с Джемсом Гемблом, не так ли?

- Да, - сказал Монтегю, - вы с ним знакомы?

- Бейтс знает всех, - вставил генерал, - это его профессия.

- Гембла я знаю особенно хорошо. Мой брат служит в его конторе в Питсбурге. Как вы думаете, какого черта он делает в Ньюпорте?

- Просто путешествует, как он мне сказал. Ему стало нечего делать с тех пор, как он продал дело.

- Продал дело! - повторил Бейтс. - Что вы хотите этим сказать?

- Да то, что Трест выкупил у него дело.

Бейтс удивленно посмотрел на него.

- Почему вы так думаете?

- Он сказал мне это сам.

- О, - засмеялся Бейтс, - в таком случае это просто уловка!

- Вы полагаете, что он его не продал?

- Я не полагаю, я знаю. Во всяком случае, так было три дня назад. Я получил письмо от брата, в котором написано, что Гембл собирается взять у правительства большой подряд на поставку мазута. Он мастер проворачивать дела!

Монтегю больше ничего не сказал, но задумался. Опыт отточил его смекалку, и теперь он мог разобраться в происходящем. Немного позже, когда Бейтс ушел и появились Оливер с Алисой, он отвел брата в сторону и спросил:

- Сколько тебе перепадет при заключении контракта на нефть?

Брат уставился на него в изумлении.

- Господи! - воскликнул он. - Неужели же Гембл сказал тебе об этом?

- Кое-что сказал, а об остальном я догадался сам.

Оливер внимательно наблюдал за ним.

- Послушай, Аллан, - сказал он, - помалкивай насчет всего этого!

- Еще бы. Я вижу, что это меня не касается.

И тут Оливер вдруг весело рассмеялся.

- Скажи, Аллан, а ведь этот Гембл - умница, правда?

- Очень умен, - подтвердил тот.

- Знаешь, он уже полгода гоняется за этим подрядом, - продолжал Оливер, - и при этом так спокоен! Я никогда не видел более ловкой игры!

- Но как он узнал, кому из офицеров поручено проверить качество мазута и составить спецификацию?

- О, нет ничего проще. С этого все и началось. Сложнее было найти подряд, а уж разузнать имена офицеров - дело немудреное. В Вашингтоне с этим встречаешься на каждом шагу. Там все чиновники - взяточники.

- Понятно, - сказал Монтегю.

- Дела Гембла приняли плохой оборот, - продолжал Оливер. - Трест загнал его в угол. Но Гембл увидел свой шанс и все поставил на карту, чтобы добиться подряда.

- В чем тут все-таки дело? Какой ему прок от этой спецификации?

- В комиссии пять офицеров, и он так хитро подошел к ним, что теперь все они его близкие друзья и обращаются к нему за помощью. Вашингтон отправит пять совершенно разных спецификаций нефти, но все пять будут содержать один существенный пункт. Видишь ли, компания Гембла prepares особого рода мазут, содержащий какой-то компонент, - он мне сказал, какой именно, но я забыл. При этом мазут не становится ни хуже, ни лучше, но зато отличается от всякого другого. И вот во всех пяти спецификациях будет указано на необходимость содержания именно этого компонента, а во всем мире есть только одна компания, которая в состоянии предложить мазут такого качества. В результате Гембл - единственный его собственник - получает контракт на пять лет.

- Славное дельце, - сухо сказал Монтегю. - И сколько же тебе перепадет?
- Он уплатил мне авансом десять тысяч, - ответил Оливер, - и я получу еще пять процентов прибыли за первый год, какой бы она ни была. Гембл говорит, что она составит не менее полумиллиона. Так что, ты видишь, овчинка стоила выделки!

И Оливер рассмеялся над собственными словами.

- Гембл завтра уезжает домой, - прибавил он. - Так что моя работа окончена. Я, может, больше его никогда не увижу до того момента, когда его четыре удивительные дочки не созреют для ярмарки невест!

Глава 14. Новые обязанности по управлению железной дорогой

Монтегю вернулся в Нью-Йорк и окунулся в работу. Выборы, на которых должна была баллотироваться его кандидатура на пост президента Северной миссисипской железной дороги, собирались провести не раньше чем через месяц, но дел у него было предостаточно. Ему, конечно, придется вернуться на Миссисипи и жить там, так что следовало завершить свои дела в Нью-Йорке. К тому же Аллану хотелось подготовиться к своим новым обязанностям по управлению железной дорогой. Благодаря любезности генерала Прентиса, Монтегю познакомили с президентом одной из крупных трансконтинентальных железнодорожных магистралей, и Аллан начал изучать систему служб. Он снова отправился на юг, чтобы проконтролировать работу геологов и проконсультироваться с инженерами.

Прайс проводил свои мероприятия по осуществлению контроля над дорогой, не обращая внимания на старую администрацию. Однажды он послал за Монтегю и познакомил его с неким мистером Хаскинсом, которого предполагалось избрать вице-президентом дороги. По его словам, Хаскинс, в прошлом президент Южной теннессийской дороги, хорошо знаком с практикой железнодорожного дела, так что Монтегю мог на него положиться.

Хаскинс был жилистый, нервный человек с плохим характером и злым языком; Он поклонялся сильным мира сего, и, общаясь с ним, Монтегю получил много любопытных сведений относительно управления дорогами. Так, он узнал, что заметную статью в бюджете дороги составляли средства, получаемые от местных правительственных органов за право вести дорогу по территории городов и поселков.

Никому, похоже, и в голову не приходило, что можно добиваться разрешения иными путями. Монтегю не понравилась такая перспектива, но он промолчал. Далее, дорога должна была закупать рельсы и все

необходимое у Миссисипской стальной компании и платить бешеные деньги, причем никто не интересовался предъявляемыми к оплате счетами.

Монтегю смутил и тот факт, что секретарь и казначей дороги получали беспрецедентно щедрое вознаграждение. Но это не подлежало обсуждению, поскольку они были родственниками Прайса.

Все это Монтегю пришлось проглотить, но однажды, дней за десять до выборов, когда Хаскинс пришел в его контору с тарифами оплаты инженеров и со своими собственными выкладками о предполагаемой стоимости новой ветки дороги, дело дошло до споров. В большинстве случаев цифры значительно превышали те, которые Монтегю наметил сам.

- Нам следует найти более выгодных подрядчиков, - сказал он, указывая на некоторые цены.

- Можно, конечно, и найти, но эти подряды предназначены специально для Компании железнодорожных насыпей.

- Я вас не понимаю, - сказал Монтегю, - я полагал, что мы для выявления претендентов на подряд помещаем объявление.

- Да, но в данном случае подряд останется за этой компанией.

- Вы хотите сказать, что мы не можем отдать предпочтение тому, кто предложит самую выгодную цену?

- Боюсь, что так.

- Прайс давал вам какие-нибудь инструкции по этому поводу?

- Да.

- Но я не понимаю, - сказал Монтегю, - что представляет собой эта Компания железнодорожных насыпей?

Хаскинс усмехнулся.

- Это предприятие самого Прайса.

Монтегю изумленно посмотрел на него.

- Самого Прайса? - повторил он.

- Его племянник - президент компании.

- Это новая компания?

- Да. Она организована специально для этой цели, - усмехнулся Хаскинс.

- И что она производит?

- Она ничего не производит, она только продает.

- Иными словами, - сказал Монтегю, - это прием, с помощью которого мистер Прайс намерен обирать акционеров Северной миссисипской железной дороги?

- Называйте это как хотите, - спокойно сказал Хаскинс, - но я советовал бы вам говорить об этом так, чтобы Прайс не услышал.

- Благодарю вас, - ответил Монтегю и прекратил разговор.

Монтегю потратил день на обдумывание. Он не привык совершать скоропалительных поступков. Он видел, что пришло время сказать свое слово, но прежде хотел определить для себя, как ему действовать дальше.

В тот вечер Монтегю обедал в клубе и, увидев своего друга майора Винеббла, утонувшего в глубоком кожаном кресле библиотеки, подошел к нему и сел рядом.

- Как поживаете, майор? - спросил он. - У меня появился другой повод задавать вам вопросы.

- Всегда к вашим услугам, - ответил майор.

- Речь идет о железной дороге. Слышали ли вы когда-либо, чтобы президент организовывал компанию для продажи оборудования собственной дороге?

Майор угрюмо усмехнулся.

- Да, слышал, - сказал он.

- Это общепринято?

- Не так уж принято, как может показаться. Президент железной дороги обычно не имеет возможности позволить себе подобное. Но если дорога большая и ее возглавляет человек, располагающий большой властью, то почему бы ему этого не сделать.

- Понимаю.

- Так поступил, например, Хиггинс, - сказал майор. - Он любил ходить в воскресные школы и произносить там речи. Хиггинс принадлежал к людям того сорта, которых газеты охотно выставляют образцовыми гражданами и предпринимателями. Его братья и все другие родственники включились в дело, чтобы продавать оборудование железной дороге Хиггинса. Я слышал одну историю - о ней мало говорили, но она очень забавна. Ежегодно дорога давала объявление о подряде на почтовую бумагу. Его сумма равнялась примерно миллиону долларов, и в длинных столбцах объявления уточнялся список необходимых товаров, но в середине одного из параграфов неизменно указывалось, что бумага должна непременно иметь определенный водяной знак. А патентом на этот знак владела только одна из компаний Хиггинса! У него даже и фабрики не было - все подряды он передавал во вторые руки. Хиггинс умер, оставив после себя примерно восемьдесят миллионов долларов, но факты подтасовали, и все газеты сообщили, что у него было "всего несколько миллионов". Это произошло в Филадельфии, где такие вещи возможны.

Монтегю погрузился в раздумье.

- И все же я не понимаю, почему они так поступают в данном случае. Ведь у Прайса самый большой пакет акций дороги.

- Ну и что? - спросил майор.

- Как? Ведь они просто грабят свою дорогу!

- Подумаешь, какое им дело до дороги? Они сбудут ее раньше, чем рядовые акционеры разберутся что к чему, а пока влияют на положение на бирже. То же самое, например, они проделывают с городскими трамваями в Бруклине. Чем больше колеблются цены на акции, тем для крупных предпринимателей лучше.

- Но здесь речь идет о железной дороге, которая еще не построена, и они сами вкладывают деньги в ее строительство.

- Да, конечно, - сказал майор, - но они вернут их себе с помощью подобных махинаций, и на руках у них останутся и акции и вся прибыль от игры на бирже. А если из Законодательного собрания штата придет запрос, они

раскроют свои книги и объяснят, что произвели большие расходы на реконструкцию; такова стоимость дороги, скажут они, а урезав нам ассигнования на транспортные расходы, вы сократите наши доходы и лишите нас собственности.

Майор взглянул на Монтегю, и в его глазах сверкнул злой огонек.

- И вот еще что, - сказал он. - Вы говорите, что владельцы дороги швыряют деньгами. А вы уверены, что это их собственные деньги? Обычно большая часть средств на строительство дороги поступает за счет вкладных, которые переуступаются банкам, страховым компаниям и кредитным обществам. Вам это приходило в голову?

- Нет, - ответил Монтегю.

- Я знаю кое-кого на Уолл-стрите, кто спекулирует доходами, полученными с их же предприятий. Возьмите Уаймана. Его дороги приносят двадцать или тридцать миллионов прибыли, и он использует это на Уолл-стрите, помещая свои капиталы под вкладные листы предприятий, занимающихся благоустройством поселков в сельской местности. Ясно?

- Ясно одно, - сказал Монтегю, - страдающая сторона - мелкие акционеры.

- Да и мелкие предприниматели тоже. Я помню, еще во времена моей юности люди, накопив немного денег, помещали их в какое-нибудь предприятие и получали свою долю, какова бы ни была его прибыль. А теперь крупные дельцы взяли все под свой контроль и стали еще более алчными, чем раньше. Ничто их не задевает больше, чем сознание, что мелкий акционер получит свою долю прибыли. Они пускаются на разные махинации, лишь бы лишиться их такой возможности. Я смог бы рассказывать вам об этом целую неделю. Скажем, вы производите мыло. Но выясняется, что таких фабрикантов, как вы, очень много, да и вообще слишком много мыла. И вы начинаете ловчить, чтобы вытеснить своих конкурентов и монополизировать в этой отрасли рынок. Свои доходы вы оцениваете вдвойне против реальных, так как рассчитываете в дальнейшем удвоить капитал. Но теперь для реализации своих хитрых планов вы выпускаете новый пакет акций на сумму, в три раза превышающую эти воображаемые доходы. Затем вы пускаете слух о чудесных свойствах вашего мыла и о всех привилегиях и правах, какие дает монополия его производства, которой вы владеете. Так вы сбываете свои акции, скажем, по восьмидесяти процентов. Даже продав все акции, управление предприятием вы оставите в своих руках. Пайщики беспомощны и неорганизованны, а у вас всюду свои люди. И тут начинают ходить тревожные слухи о тресте по производству мыла. Его совет директоров собирается на совещание и заявляет, что трест не в состоянии выплачивать проценты с дохода. Акционеры в панике, некоторые протестуют. Но часы пущены, и вы вытаскиваете свой выигрышный билет раньше, чем кто-либо сообразит, в чем дело. Паника вызывает падение цен на ваши акции, и вы сами скупаете большую их часть. Затем пайщики узнают, что трест по производству мыла перешел в другие руки и решено избрать новую, честную администрацию, а производство мыла возрастает. Вы покупаете еще несколько фабрик и снова выпускаете акции и вкладные,

цена на акции снова повышается, и вы опять продаете свои. Подобные махинации проделываются систематически каждые два или три года. И каждый раз вы собираете новую жатву с лиц, которые желали бы вложить свои деньги в какое-нибудь дело, и, кроме немногих лиц с Уолл-стрита, никто не способен уследить за вашими действиями.

Майор умолк со счастливым выражением лица.

- Новые и новые доходы, - продолжал он, - стекаются со всех концов страны к Уолл-стриту. Я себе прекрасно представляю, как они поступают с рудников, заводов и фабрик. В наше время люди не любят прятать деньги в сундуки - у кого они сейчас есть. Они хотят вложить их в дело, и вы придумываете такое дело. Возьмите, к примеру, городские железные дороги здесь, в Нью-Йорке. Казалось бы, какой верный доход ожидает тут вкладчиков! Уличное движение растет, строительство новых линий не поспевает за ним. Барыш верный. И вот люди покупают акции и закладные городских дорог. В данном случае организаторами строительных компаний являются политические деятели: это их доля, взамен тех удобств, какие они предоставляют городу. Они вводят новую систему, которая действует, как автомат против лука и стрел; организуют синдикат, а он без всяких затрат получает привилегии на строительство дорог, а затем продает их какой-либо компании за миллионы. Случалось, они продавали привилегии, которыми не обладали вовсе, и такие железные дороги, каких еще не существовало на свете. Вам будут говорить о неоднократных реконструкциях, каких не было и в помине. А в итоге они загребают примерно тридцать миллионов долларов. Тем временем мелкие акционеры удивляются, почему они не получают своего дивиденда!

- Так обстоит дело с помещением капиталов, - после паузы продолжал майор. - Но, конечно же, самые большие источники обогащения - страховые компании и банки. Вот где сколачиваются целые состояния. Тут от вас ускользнет большая часть прибылей, если у вас нет собственных банков для приобретения закладных. На днях я слышал забавную историю об одном типе, занимавшемся производством электрических приборов. Послушать его, так он честный человек и не имеет никакого отношения к Уолл-стриту. Компания, во главе которой он стоит, пожелала расширить свое предприятие и выпустила закладных листов на сумму двести тысяч долларов, затем он обратился к страховому обществу и предложил ему купить их по девяносто. "В настоящее время мы не покупаем закладные, - ответили ему, - попробуйте обратиться в национальное кредитное общество". Он обратился, и ему предложили за них по восьмидесяти. Делать было нечего, пришлось согласиться. А кредитное общество передало эти закладные тому же страховому обществу по номинальной цене. Я мог бы назвать вам с десяток трестов в Нью-Йорке, которые являются просто передаточным звеном для страховых компаний и существуют специально для этих игр. Вы поняли?

- О, да, - ответил Монтегю.

- А не стоит ли случайно за спиной вашей железнодорожной компании какой-нибудь трест?

- Несомненно, - ответил Монтегю.

Майор пожал плечами.

- Тогда ждите, что ваши хозяева вскоре найдут, что первый выпуск закладных листов не покрывает стоимости предполагаемой реконструкции. Смету сочтут заниженной, выпустят новую партию закладных, и компания вашего президента получит новый подряд. Затем вы узнаете, что ваш президент организует промышленное предприятие неподалеку от дороги, а дорога предоставит ему негласно скидку или практически будет перевозить его товары бесплатно. Он может также заставить дорогу заплатить ему за эксплуатацию вагонов, представляющих его личную собственность. Или, возможно, имеет какое-нибудь промышленное предприятие, и строительство дороги для него уже побочное дело.

Майор умолк. Он видел, что Монтегю смотрит на него растерянно.

- Что случилось? - спросил Винебл.

- Боже правый! - воскликнул Аллан. - А разве вы знаете, о какой дороге я говорю?

Майор откинулся в кресло и расхохотался. И хохотал так, что лицо его покраснелось, он задохнулся и не мог произнести ни слова.

- Я уверен, что вы знаете, - настаивал Монтегю. - Вы обрисовали абсолютно точную картину.

- О, боже мой! - воскликнул майор, роясь в карманах в поисках носового платка, чтобы вытереть слезы. - Все это напоминает мне историю нашего районного адвоката о лимонах. Слышали вы ее?

- Нет, - ответил Монтегю.

- Это одна из ярких страниц в безотрадной кампании реформ, осуществленных у нас несколько лет назад. Один молодой адвокат, участник общественной кампании, выступил перед публикой и привел несколько примеров того, как бесчестные чиновники могут делать в нашем городе деньги. "Представьте, что вы - приемщик фруктов, а в Нью-Йорке в данное время нехватка лимонов. В порт направляются два судна с лимонами, и одному удастся опередить другое на сутки. Согласно закону, фрукты подлежат тщательному досмотру. Если вы относитесь к делу добросовестно, осмотр занимает свыше суток, и владелец первого судна потеряет на этом некоторую сумму. Вот он и приходит к вам и предлагает заплатить одну-две тысячи долларов за отказ от осмотра каждой его корзины с лимонами".

Адвокат нарисовал эту картину перед публикой, и на следующее утро газеты напечатали его выступление. И в тот же день после обеда он встретил приемщика фруктов, своего старого приятеля. "Скажи-ка, старина, - сказал тот ему, - какой дьявол рассказал тебе об этих лимонах?"

На следующее утро Монтегю явился в контору Прайса.

- Мистер Прайс, - сказал он, - я узнал от мистера Хаскинса нечто такое, что вынуждает меня немедленно переговорить с вами.

- А именно? - спросил Прайс.

- Мистер Хаскинс сообщил мне, что Компании железнодорожных насыпей надо отдать предпочтение при заключении контрактов на подряды.

При этих словах Монтегю пристально наблюдал за Прайсом и увидел, как тот сжал челюсти и сердито скривил рот. На его лице появилось неприязненное выражение. Прайс сидел, откинувшись на спинку кресла, но теперь он медленно выпрямился, как бы готовясь к нападению.

- Ну и что? - спросил он.

- Мистер Хаскинс не ошибся?

- Нет, не ошибся.

- Он утверждает также, что вы заинтересованы в этой компании. Это правда?

- Правда.

- Хаскинс сказал также, что эта компания ничего не производила, а только продавала. И это правда?

- Да, это так.

- Тогда мистер Прайс, - сказал Монтегю, - мы должны немедленно с вами объясниться. Во время первоначальных переговоров мне было заявлено, что вы ищете человека, который добросовестно вел бы дело постройки дороги. Но положение вещей, какое мне только что обрисовали, кажется, не соответствует подобной программе.

Монтегю был готов к резкому отпору, но Прайс сделал над собой усилие и сдержался.

- Вы должны признать, мистер Монтегю, что еще недостаточно знакомы со сложившимися в железнодорожном деле порядками. Компания, о которой вы говорите, обладает преимуществами; она может гарантировать лучшие условия...

Прайс помолчал.

- Вы хотите сказать, что она в состоянии покупать товар дешевле, чем сама дорога? - спросил Монтегю.

- Иногда... - начал тот.

- Прекрасно, - перебил его Монтегю, - в тех случаях, когда она может предложить лучшие условия, подряд, безусловно, должен быть ей предоставлен. Но это не соответствует тому, что передал мне мистер Хаскинс. Он дал понять, что мы должны быть готовы платить значительно дороже потому, что необходимо предоставить подряды именно Компании железнодорожных насыпей. Поэтому я и явился к вам, чтобы у нас было полное взаимопонимание. Раз уж я буду президентом Северной миссисипской дороги, то все поставки следует предоставить с законных торгов, и то предприятие, которое даст нам товар требуемого качества и по наиболее выгодным ценам, получит наши заказы. По этому поводу не должно быть никаких недоразумений. Мне кажется, я вполне ясно высказался?

- Да, вы ясно высказались, - сказал Прайс.
На этом беседа закончилась.

Глава 15. Важное сообщение

Монтегю вернулся к своим делам, но на душе его было беспокойно. Ему хотелось убедить себя, что на этом дело и закончится и Прайс с ним согласился, но, логически рассуждая, Аллан не мог этому поверить и предвидел, что президентом железной дороги он останется недолго.

Однако при всех своих предчувствиях Монтегю не был готов к тому, что последовало на другой день. Рано утром ему позвонил Куртис и попросил дождаться его в конторе. Куртис явился через несколько минут. Он был явно взволнован.

- Монтегю, - сказал он, - мне надо сообщить вам нечто важное. Я не хочу, чтобы вы оставались в неведении. Но раньше, чем я произнесу хоть-слово, я должен вас предупредить, что ставлю сейчас на карту все свое будущее. И вы должны мне обещать, что никогда не сделаете никому ни малейшего намека на то, что от меня услышите.

- Обещаю, - сказал Монтегю. - Но в чем дело?

- Вы даже вида не должны показать, что знаете что-либо, - прибавил Куртис, - иначе Прайс тотчас же догадается, что вам все сказал я.

- О, так это Прайс! Обещаю не выдать вас. Рассказывайте.

- Вчера во второй половине дня он позвал Давенанта и сказал ему, что надо снять вашу кандидатуру и подобрать другого президента дороги.

Монтегю в смятении глядел на него.

- Он сказал, что вас следует полностью отстранить. Президентом, видимо, будет Хаскинс. Давенант вынужден был мне сообщить это, так как я один из директоров.

- Вот оно что! - прошептал Монтегю.

- Вы знаете, в чем дело? - спросил Куртис.

- Знаю.

- Так в чем же?

- Это длинная история. Возникла одна ситуация, которая меня не устраивает.

- О, - воскликнул Куртис, внезапно что-то поняв. - Не в Компании ли железнодорожных насыпей дело?

- В ней.

Тут пришла очередь Куртиса недоумевать.

- Боже мой! - воскликнул он. - Как это вы могли из-за такого пустяка отказаться от такого поста?

- Я и не думал отказываться. Это Прайс хочет от меня отделаться.

- Мой милый, ведь это же совершенный абсурд!

Куртис был вне себя. Монтегю внимательно посмотрел на него.

- Не станете ли и вы рекомендовать мне согласиться на подобное? - спросил он.

- Конечно, стану, дорогой друг! У меня самого есть акции этой компании.

Монтегю замолчал. Он просто не знал, что на это ответить.

- Что вы воображаете себе, скажите, пожалуйста? Что вы вступили в благотворительное общество, что ли? - возразил Куртис. Но тут он увидел искаженное лицо друга и положил ему руку на плечо.

- Видите ли, старина, - сказал Куртис, - это, право, нехорошо! Я понимаю ваши чувства и питаю к вам большую симпатию и безграничное уважение. Но вы живете в этом мире и должны быть практичным. Нельзя взяться за управление дорогой и вести дело так, как если бы это был сиротский приют. Вы должны были отказаться от этого предложения, имея подобные убеждения. Но упустить такой пост из-за ерунды!

Монтегю был непоколебим.

- Уверяю вас, я вовсе ни от чего не отказывался, - отвечал он сердито.

- Но что же вы будете делать?

- Бороться, - отвечал Аллан.

- Бороться? - повторил Куртис. - Но, друг мой, ведь вы совершенно беспомощны! Дорога принадлежит Прайсу и Райдеру, и они с ней сделают все, что захотят.

- Вы один из директоров компании, - ответил Монтегю, - и вам известно положение вещей. Вы знаете, что благодаря моему ручательству состоялись выборы нового правления. Станете ли вы подавать голос за избрание Хаскинса президентом?

- Боже мой, Монтегю! Чего вы от меня хотите! Вы отлично знаете, что я не имею голоса, когда речь идет о делах дороги. Все акции, которыми я владею, дал мне Прайс. Что я могу сделать? Вся моя карьера рухнет, если я стану перечить.

- Другими словами, вы - кукла, вы согласны продать свое имя и достоинство за пакет акций. Значит, вы, занимая ответственное положение, не оправдываете оказываемого вам доверия.

Лицо Куртиса приняло жесткое выражение.

- Да, - сказал он, - если, конечно, толковать по-вашему.

- Тут дело не в моем толковании. Это так и есть.

- Но, - вспылил Куртис, - вы же должны понять, что и без меня у них будет большинство.

- Возможно, - ответил Монтегю, - но это еще не причина, чтобы поступать нечестно.

Куртис вскочил.

- Больше не о чем говорить, - заявил он. - Мне жаль, что вы так к этому относитесь. Я хотел оказать вам услугу.

- Я это ценю, - с живостью отвечал Монтегю. - И буду вам всегда обязан.

- И в борьбе, которую вы затеваете, вы не должны забывать, что я первый открыл вам глаза.

- Не беспокойтесь, - ответил Монтегю. - Я буду вас щадить. Никто никогда не узнает, что мне это известно.

С полчаса Монтегю задумчиво ходил по своему кабинету. Затем позвал машинистку и продиктовал ей письма к своему кузену, мистеру Ли, и к трем другим лицам, с которыми имел частную переписку по поводу их голосов на собрании акционеров.

"Ввиду некоторых обстоятельств, - писал Аллан, - раскрывшихся в связи с делами Северной миссисипской дороги, я не желаю принимать на себя обязанности президента. Я также намерен выйти из состава правления, так как чувствую себя не в силах изменить порядки, с которыми не согласен".

Затем он излагал план своих действий и разъяснял, что все, вовлеченные в дело через его посредство, имеют возможность последовать его примеру. Монтегю просил своих корреспондентов сообщить их решение по телеграфу, и через два дня получил от них ответ. Он был готов действовать.

Аллан начал с того, что позвонил Стенли Райдеру и условился с ним о времени встречи.

- Мистер Райдер, - сказал он, - несколько недель назад вы в этом самом кабинете просили моего содействия на выборах правления Северной миссисипской железной дороги. Вы заявили, что хотите предоставить мне пост президента, мотивируя это тем, что вам желательно иметь энергичного и честного человека, на которого вы могли бы положиться. Я поверил вам и принял ваше предложение. Я затратил много труда на изучение дела. И вот я слышу из уст мистера Прайса, что он организовал компанию с тем, чтобы получать доходы от эксплуатации дороги. И я заявил ему, что не дам согласия на подобные действия. По зрелому размышлению я пришел к заключению, что создавшееся положение делает невозможным для меня сотрудничество с мистером Прайсом. Я решил выйти из состава правления и не выставлять свою кандидатуру на пост президента.

Райдер все время избегал смотреть на Монтегю; он сидел, глядя прямо перед собой, и нервно постукивал рукой по столу. После долгого молчания Райдер ответил:

- Мистер Монтегю, я сожалею о вашем решении, но, принимая во внимание все обстоятельства, склонен признать, что это - мудрое решение.

Здесь последовала пауза.

- Позвольте мне поблагодарить вас за выполненную работу, - продолжал он, - а также надеяться, что этот злосчастный эпизод не повлияет на наши личные отношения.

- Благодарю вас, - холодно ответил Монтегю.

Он подождал, надеясь услышать еще что-либо от Райдера, но сам не нарушал молчания, чтобы не помочь тем самым собеседнику выйти из затруднительного положения.

- Как я уже сказал, - повторил Райдер, - я вам премного обязан.

- Я в этом не сомневаюсь, - ответил Монтегю, - но я надеюсь, что вы не рассчитываете так просто закончить наши отношения.

Выражение лица Райдера изменилось.

- Что вы хотите этим сказать?

- Нам нужно решить один очень важный вопрос, прежде чем расстаться. Как вам известно, я лично владею пятьюстами акций Северной миссисипской железной дороги и, естественно, интересуюсь ее делами.

- О, конечно, - ответил Райдер спокойно. - Но это меня не касается. Как акционеру вам следует обращаться в правление дороги.

- Кроме того, что я сам акционер, - продолжал Монтегю, не обращая внимания на это замечание, - я должен защищать интересы и тех лиц, которых склонил на вашу сторону. Они голосовали за список членов правления, составленный вами. Я стал невольной причиной того, что они попали в зависимость от вас и мистера Прайса. Тут затронута моя честь, и я в ответе перед ними.

- Что же вы намерены предпринять?

- Я написал им, извещая о своем намерении выйти из дела. Я не рассказал им подробности, а только указал, что чувствую себя не в силах предотвратить некоторые события, которых не одобряю. Я сообщил им, что намерен предпринять, и предоставил возможность выйти из этого дела на тех же условиях, что и я. Они приняли мое предложение, и завтра я получу от них полномочия распорядиться их акциями по своему усмотрению. Мои акции при мне, и я считаю, что вы обязаны купить их по той цене, какую платили за новый выпуск, а именно, по пятидесяти долларов за акцию.

Райдер уставился на него.

- Вы меня удивляете, мистер Монтегю!

- Весьма сожалею об этом, - возразил Монтегю. - Его голос был тверд. На лице его застыло суровое выражение. Он смотрел в упор на Райдера. - Тем не менее вы будете вынуждены приобрести эти акции.

- Извините, - ответил Райдер. - Но я считаю это дерзостью.

- Имеется, - продолжал Монтегю, - тридцать пять тысяч акций на общую сумму сто семьдесят пять тысяч долларов.

Они взглянули друг на друга. По глазам Монтегю Райдер понял, что ему не следует более говорить в таком тоне.

- Могу ли я узнать, - спросил он спокойно, - почему вы уверены, что я соглашусь выполнить столь неслыханное требование?

- Основания достаточно веские, и я надеюсь, вы это поймете, - ответил Монтегю. - Вы и мистер Прайс купили эту железную дорогу и хотите ее ограбить. Это ваше право, так как, по-видимому, таковы обычаи на Уолл-стрите - обманывать людей, помещающих у вас свои капиталы. Но вы не проведете меня, потому что мне слишком многое известно.

- Могу ли я узнать, каковы ваши намерения? - спросил Райдер.

- Да, конечно, - ответил Аллан. - Я буду бороться. Пока вы не выкупите паи - мой и моих друзей, - я останусь членом правления, а также кандидатом на пост президента. Я кое-что объясню на ближайшем заседании правления и, если не добьюсь успеха, то призову на помощь печать. Я льщу себя надеждой, что мое имя еще имеет значение на моей старой родине. Вы не сможете так свободно действовать в штате Миссисипи, как здесь в Нью-

Йорке. Я перенесу борьбу в зал суда, хотя не уверен, как закон отнесется к ограблению общественно полезной организации ее собственным правлением. Меня очень удивило бы, если бы не нашлось законных способов воспрепятствовать этому. Как вам известно, у меня имеются факты. Я знаю, каким способом вы получили новое разрешение на продолжение дороги от Законодательного собрания штата.

Райдер был в бешенстве.

- Мистер Монтегю! - вскричал он. - Это шантаж!

- Можете называть это, как угодно. Я не испугаюсь вашего обвинения, если бы вы даже сочли необходимым выступить с ним перед судом.

Райдер открыл было рот. Но лишь с трудом перевел дыхание. Когда он снова заговорил, то уже овладел собой.

- Все это кажется мне весьма странным, - сказал он. - Вы, мистер Монтегю, решительно не имеете права вытаскивать на свет то, что узнали от меня и мистера Прайса. Ведь вы действовали в качестве нашего доверенного лица! Вы, наверное, не забыли вашего обещания хранить тайну, которое дали в этом кабинете.

- Я этого не забыл. И отнесся к делу с большой добросовестностью. Напротив, я нахожу, что это вы нарушили обещание. И я уверен, что сделали это преднамеренно, решив все с самого начала. Вы уверяли меня, что добиваетесь честного управления дорогой. Теперь я в этом сомневаюсь. Я убежден, что у вас была единственная цель сделать меня своим орудием, чтобы захватить все управление дороги, не выплатив пая оставшимся акционерам. Добившись этого, вам очень хочется заставить меня уйти с поста... Вы никогда не желали, чтобы я стал президентом дороги; вообще-то я и раньше это подозревал. Но вы не на того напали: вы от меня так легко не отделаетесь. Я не помышляю подавать в отставку, позволив вам и мистеру Прайсу грабить дорогу и обесценить мои акции.

Тут Райдер прервал его.

- Я признаю справедливость ваших слов, мистер Монтегю, - сказал он, - поскольку дело касается ваших личных акций. Они будут выкуплены у вас. Я уверен, что это будет для вас чрезвычайно выгодно.

- Напротив! Само ваше предложение я считаю для себя оскорбительным. Я стал виновником того, что другие лица оказались в зависимости от вас. Мое имя и мои обещания были использованы с этой целью. Поэтому на все, на что я имею право, имеют право и они. Никакого другого соглашения между нами быть не может.

Райдеру уже нечего было сказать, и он молча смотрел на собеседника.

Не желая долее затягивать свидания, Аллан внезапно поднялся.

- Я не жду, что вы немедленно решите этот вопрос, - сказал он. - Мне понятно, что вы захотите посоветоваться с мистером Прайсом. Я передал вам свои условия, и больше мне нечего добавить. Или вы их примете, или же я откажусь от всего и стану преследовать вас на каждом шагу. Я рассчитываю получить акции моих друзей с сегодняшней вечерней почтой и

вынужден просить вас сообщить мне ваше решение завтра к двенадцати, так чтобы мы могли незамедлительно покончить с делом.

Сказав это, он поклонился и вышел.

На следующее утро Монтегю вручили письмо от Давенанта:

"Дорогой мистер Монтегю, - писал он, - мне передали, что у вас имеется тридцать пять тысяч акций Северной миссисипской железной дороги, которые вы желаете продать по пятьдесят долларов за акцию. Если вы будете столь любезны принести сегодня их в мою контору, то я с удовольствием приобрету акции у вас".

Получив это письмо, Монтегю немедленно отправился к Давенанту. Последний держал себя официально, но Монтегю не смог скрыть легкой насмешки в глазах, которая как бы говорила о том, что он прекрасно понимает весь комизм положения.

- Вот и конец делу, - сказал Давенант, забирая последнюю из подписанных Монтегю расписок. - Теперь позвольте мне сказать вам, мистер Монтегю, что я считаю вас исключительно способным деловым человеком.

Аллан сухо поклонился.

Глава 16. Монтегю в обществе Хигана

Монтегю был теперь сравнительно свободен. У него были еще дела, но они отнимали немного времени. Все обстояло бы совсем иначе, если бы он взялся за управление железной дорогой. На руках Аллана оставались два процесса, но так как оба были против крупных компаний, то Монтегю чувствовал, что ему предстоит тяжелый год. Он горько усмехнулся при мысли, что вряд ли у него хватило бы духа порвать с Прайсом и Райдером, если бы не деньги, нажитые им и его братом Оливером на небольшой спекуляции на Уолл-стрите.

Аллан получил письмо от Алисы. "Я останусь еще на две недели в Ньюпорте, - писала она. - Представь, кто меня пригласил к себе? Лаура Хиган. Она была очень мила со мной, и я на будущей неделе отправляюсь к ней на виллу. Если хочешь знать, мы долго говорили о тебе. Я воспользовалась случаем сказать ей кое-что: ей следовало это знать. Она отнеслась к моим словам с пониманием и сочувствием. Надеюсь, ты приедешь сюда на недельку-другую еще до моего отъезда. Гарри Куртис тоже собирается провести здесь свой отпуск, приезжай с ним".

Монтегю улыбался, читая это письмо. Он не поехал с Куртисом. Но жара в городе была невыносимая, а мысль о морском прибое и вилле казалась такой заманчивой, что он все же выехал в Ньюпорт в пятницу вечером.

Хиганы пригласили его к обеду. Джим Хиган был здесь впервые за три года. Миссис Хиган объявила, что она буквально вытащила его из Нью-Йорка, съездив за ним сама.

В первый раз Монтегю провел с Хиганом так много времени. Он с интересом наблюдал за ним. Человек этот был для него загадкой: спокойный, вежливый, приветливый. Но Монтегю хотел знать, что скрывается за этой маской. В течение сорока лет этот человек работал и боролся на Уолл-стрите с единственной целью накопления денег. Джим Хиган не разделял ни одного из обычных развлечений, свойственных богатым людям. У него не было особых пристрастий, и он редко появлялся в обществе. Рассказывали, что, устраивая свои дела, он пользовался услугами дюжины секретарей и всех их доводил до изнеможения. Он работал без устали день и ночь, как настоящая машина, машина для печатания денег.

Сам Монтегю не отличался стремлением к накопительству, и его удивляло, зачем этот человек так желал иметь деньги. Чего он хотел добиться с их помощью? Каков был моральный кодекс, взгляд на жизнь человека, отдававшего все свое время накоплению богатства? Как он сам себе объяснял цель жизни? Ведь какое-нибудь объяснение должно было существовать, иначе не мог он быть таким спокойным и веселым. Или, возможно, он совсем об этом не думал? Может быть, им руководил слепой инстинкт? Или же он жил в шкуре зверя, инстинкт которого состоял только в том, чтобы добывать деньги? И его при этом не мучили никакие угрызения совести? Последнее предположение казалось Монтегю наиболее близким к истине. Он наблюдал за Джимом Хиганом с каким-то странным чувством, думая о нем как о страшной стихийной силе, слепой и бессознательной, как молния или смерч.

Джим Хиган был настоящим хищником. Его состояние было нажито именно теми многочисленными способами, о которых говорил майор Винебл: подкупами олдерменов, законодательной власти штатов и губернаторов; получением привилегий за гроши и продажей их за миллионы; созданием колоссальных предприятий, лопающихся как мыльные пузыри. И вот он сидит на веранде своей виллы в сумерках августовского вечера, покуривая сигару и рассказывая об основанном им сиротском приюте!

Он был весел и приветлив, даже добродушен. Неужели же он не знал об опустошениях и несчастьях, оставляемых позади себя? Монтегю овладело внезапное желание проникнуть за эту ширму сдержанности, огорошить этого человека каким-нибудь внезапным вопросом, добраться до его сути, узнать, кто он таков. На деле этот властный и в то же время благодушный вид скорее всего был лишь маской. А каков он, когда остается наедине с собой? Наверное, тогда возникают у него сомнения и неуверенность, отчаяние и чувство одиночества! Ведь образы загубленных им людей не могут не преследовать его! Воспоминания о предательстве и обмане должны же были терзать его!

От Хигана мысли Монтегю перенеслись к его дочери. Она тоже была спокойна и серьезна. Аллану хотелось бы знать, что творится в ее душе. Много ли она знает о деятельности своего отца? Она, конечно же, слышала о ней и маловероятно, что считала все это клеветой. Можно было спорить

по поводу каких-то деталей, но общеизвестные факты были слишком очевидны. Оправдывала ли она его действия и извиняла, или была в душе несчастна? Не это ли было причиной ее гордости и горьких речей? Вечной темой для пересудов в обществе служило то, что Лаура Хиган отдавала все свое время помощи бедным в трущобах. Не поразила ли Джима Хигана Немезида в лице его дочери? Не олицетворяла ли она собой терзания его совести?

Джим Хиган никогда не говорил о своих делах.

В течение двух дней, которые Монтегю провел в его обществе, Хиган только пару раз коснулся этого вопроса.

- Деньги? - заметил он. - Я ими не интересуюсь. Деньги для меня все равно, что мусор.

Жизнь игра, а доллары - мусор. Значит, он домогается власти! И перед глазами Монтегю как бы прошла вся карьера этого человека. Он начал службу конторским мальчиком, а над ним стояли многочисленные дельцы и финансисты. Чтобы преодолеть ступеньки лестницы и подняться к ним, нужны были деньги и деньги. Вставали на его пути соперники, с которыми он боролся. Победа над ними занимала все его время и мысли. Если он подкупал чиновников, то только потому, что его соперники старались делать то же самое. И, возможно, тогда он даже не подозревал, что превратился в хищника. И он даже не поверил бы, если бы кто-нибудь ему это сказал. Хиган прожил длинную жизнь, не щадя никого, кто попадался ему на пути, надеясь в душе, что будет делать добро с того дня, когда достигнет власти.

Именно с этой целью он и предпринял свое жалкое маленькое начинание - сиротский приют, считая, что это позволит ему избавиться от ярлыка хищника. Наверное, боги разразились бы гомерическим смехом, увидев спектакль о Джиме Хигане и его сиротском приюте. О Джиме Хигане, который мог бы заполнить два десятка сиротских приютов детьми людей, доведенных им до разорения и самоубийства!

Эти мысли не давали покоя Монтегю. Он недолго оставался в этот вечер у Хиганов. К чему ему все это? Джим Хиган стал тем, кем сделали его обстоятельства. Напрасны были его мечты о добродетели - перед ним вечно вставал новый соперник! И сейчас, если верить слухам, разворачивалась новая битва. Хиган и Уайман вцепились друг другу в горло. Они будут бороться до победного конца. И нет никакой возможности предотвратить эту борьбу хотя бы с риском разрушить устои, на которых зиждется благополучие самой нации!

Монтегю ежедневно узнавал о ходе этой борьбы. На следующее утро, сидя в открытом кафе одного из отелей и разглядывая публику, он услышал знакомый голос. Это был молодой инженер, лейтенант Лонг, который подошел к нему и сел рядом.

- Слышали ли вы что-нибудь о нашем друге Гембле? - спросил Монтегю.

- Он вернулся в лоно своей семьи. Надоела ему вся эта суматоха, - ответил молодой офицер.

- Занятный парень этот Гембл.

- Я его люблю, - заметил лейтенант, - он не красив, но сердце у него там, где надо.

Монтегю подумал немного и спросил:

- А что, прислал он вам описание топлива, о котором вы просили?

- Представьте, прислал! И, право, с большим знанием дела! В департаменте решат, что я и в самом деле эксперт!

- Непременно, - заметил Монтегю.

- Он выручил меня из весьма затруднительного положения. Вы не можете представить себе, в какие сложные ситуации попадаем мы, морские офицеры. Но мне кажется, что одно слово следовало бы вычеркнуть из этого описания.

- Вот как! - заметил Монтегю.

- Право, я даже подумываю написать об этом в главный штаб. Я уже три раза собирался это сделать.

- В самом деле!

- Знаете ли, - продолжал офицер. - Какой-то молодой человек был представлен мне одним из моих друзей. Он вертелся вокруг меня целый вечер, и затем, когда мы возвращались домой, открыл причину своей привязанности. Кто-то из вашингтонских друзей сказал ему, что мне поручено составить условия поставки мазута для кораблей военно-морского флота. А у него, в свою очередь, имеются друзья, заинтересованные в этом деле и готовые дать мне ценный совет. Он намекал, что это для меня может быть очень выгодно.

- Воображаю, как вам это не понравилось!

- Право, это наводит на некоторые размышления, - сказал лейтенант. - Люди моего служебного положения легко могут получить подобное предложение. Многие же из нас ведут образ жизни далеко не по средствам. Все мы должны быть начеку. Я еще допускаю ловкую игру в политике или в деловых отношениях, но когда дело касается армии и флота, - тогда, уверяю вас, я готов лезть в драку!

Монтегю ничего не ответил. Он не знал, что сказать.

- Гембл что-то говорил о вашей борьбе со Стальным трестом, - заметил Лонг. - Так ли это?

- Да, - ответил Монтегю, - но теперь я отошел от этих дел.

- Кстати, о Стальном тресте, - заметил лейтенант, - знаете ли, мы получаем кое-какие сведения о нем.

- Любопытно, - сказал Монтегю.

- Спросите в армии, кого хотите! Это старая рана, которую мы носим в груди и которая не заживает. Я имею в виду мошенничество в области производства броневых листов для кораблей.

- Я кое-что слышал, - ответил Монтегю.

Монтегю мог произнести целую обвинительную речь против стальных королей.

- А я все это хорошо знаю, - продолжал лейтенант, - так как мой отец пятнадцать лет назад был членом комиссии по испытанию брони. Я слишком пристрастно отношусь к этому вопросу. Ведь отец вскрыл тогда большие злоупотребления, и это стало причиной его смерти.

Монтегю бросил пронизательный взгляд на молодого офицера, который погрузился в мрачные размышления.

- Удивительно, как тяжело иногда бывает на душе у моряка! - сказал он. - Нам объявляют, что наши суда отправляются в Тихий океан и судьба всей нации зависит от них! А броня у них негодная, отлитая старым Гаррисоном и приобретенная правительством по цене, в четыре или пять раз превышающей ее истинную стоимость. Вот, например, известный мне случай с "Орегоном". Теперь мой брат служит на этом корабле. Во время испано-американской войны 1898 года вся страна следила за "Орегоном" и молилась за него. А я сейчас могу найти в броне этого боевого корабля ряд отверстий, просверленных старым Гаррисоном и обшитых полосовым железом. Если граната попадет в эту "броню", она разлетится как стекло.

Монтегю слушал пораженный.

- И каждый может это увидеть? - спросил он.

- Нет, - сказал офицер. - Все, конечно, прикрыто, обшито железом.

Проделав недоброкачественную работу, тщательно маскируют дефекты. Кто же это заметит?

- Но в таком случае откуда это знаете вы?

- Я? Да мой отец собрал все материалы, касающиеся производства этого броневых щита, начиная с того момента, когда он был отлит, и до его клепки на корабле. Существуют точные копии протоколов мастерской, из которой выходили броневые листы, и показания людей, производивших работы. Отец мой собрал все данные относительно этого и сотни других случаев. Я знаю человека, у которого до сих пор хранятся эти документы. Видите ли, в чем дело, - продолжал лейтенант, - правительство со своей стороны требует, чтобы каждый лист подвергался тщательному испытанию, и протоколы этих испытаний должны сохраняться. Но в действительности такое испытание и обработка материалов после него стоили бы огромных денег. А главное, если строго требовать соблюдения всех условий, то сотни листов оказались бы негодными. Но если протоколы все-таки попадают в канцелярию, Ингам и Давидсон переделывают их так, как "нужно". Таким способом эти ловкие молодые люди добывают бешеные деньги, которые затем бросают на хористок и актрис. Они изготавливают копии с протоколов мастерских, но не всегда при этом уничтожают подлинники. И вот кто-то в канцелярии спрятал их. Таким образом, правительство узнало про подлоги.

- Но это же просто невероятно! - воскликнул Монтегю.

- Да взять хотя бы историю с броневым листом Н-619 на "Орегоне", - сказал лейтенант. - Это был один из листов, отобранных из целой партии для баллистических испытаний. И вот после того, как его отобрали, ночью лист тайно доставили в мастерскую и трижды заново обработали. Понятно, он выдержал испытание, а с ним прошла и вся партия!

- Что же было предпринято по этому поводу? - спросил Монтегю.

- Ничего, - ответил Лонг. - Правительство оказалось не в состоянии доказать подобные факты. Но, конечно, служащие морского ведомства знают о них и всегда будут помнить об этом. Как я уже сказал, это убило моего отца.

- Но неужели компания не понесла никакого наказания?

- Была назначена комиссия для рассмотрения дела, и она вынесла решение возместить правительству около шестисот тысяч долларов убытка. Кстати, как раз здесь в отеле живет человек, который гораздо лучше знает всю эту историю.

Лейтенант умолк и осмотрелся. Вдруг он поднялся, подошел к ограде и окликнул господина, проходившего по другой стороне улицы.

- Хелло, Бейтс! - крикнул он.

- О, да это Бейтс из "Экспресса"! - воскликнул Монтегю.

- Так вы его знаете? - спросил лейтенант. - Хелло, Бейтс! Вас что, засадили за светскую хронику?

- Нет, и ищу интересное интервью, - возразил тот. - Как поживаете, мистер Монтегю, рад вас видеть.

- Присаживайтесь к нам, - сказал лейтенант. - Я рассказывал мистеру Монтегю о мошеннических проделках с броневым листом. Ведь вам известна история следствия по этому делу. Бейтс из Питтсбурга, - пояснил он.

- Расскажите, мистер Бейтс, - попросил Монтегю.

- О, этому делу была посвящена моя первая статья, - сказал Бейтс. - Само собой разумеется, питтсбургские газеты отказались ее напечатать. Но факты я все же добыл. А затем близко познакомился с одним питтсбургским юристом, которому было поручено произвести негласное расследование этого дела. И всякий раз, когда приходится читать в газетах о том, как старый Гаррисон, благодетель города, подарил ему новую библиотеку, у меня кровь закипает в жилах.

- Иногда мне кажется, - вставил лейтенант, - что если бы нашелся кто-либо, кто рассказал эту историю американскому народу, то старый негодяй был бы изгнан из страны.

- Вам никогда не удастся его изобличить, - сказал Бейтс. - Он слишком хитер. Гаррисон всегда умел возложить ответственность за грязную работу на других. Помните, как он во время большой стачки удрал, свалив все на Уильяма Робертса. Когда же страсти улеглись, он как ни в чем не бывало вернулся восвояси.

- А затем он откупился и фактически сумел избавиться от наказания! - зло заметил лейтенант.

Монтегю взглянул на него.

- Но как?

- Подробности можно узнать у приятеля Бейтса, юриста. Комиссия из офицеров обязала правительство возместить шестьсот тысяч долларов, но

когда дело дошло до президента Соединенных Штатов, он отнес все расходы на счет морского ведомства.

- Всю сумму! - воскликнул Монтегю.

Офицер пожал плечами.

- А в один прекрасный день старый Гаррисон взбудоражил страну речью в поддержку протекционистской реформы, выдвинутой президентом. На другой же день юристу было приказано снизить приблизительно на семьдесят пять процентов возмещение убытков, которое все же присудили Гаррисону.

- А затем, - прибавил Бейтс, - явился Робертс из Питтсбурга, подкупил руководство демократической партии в конгрессе, и страна так и не получила ни возмещения убытков, ни протекционистской реформы. А через несколько лет старый Гаррисон продал свое дело Стальному тресту и ушел на покой с рентой в четыреста миллионов, которую выплачивает ему американский народ!

Бейтс откинулся на спинку стула.

- Как видите, тема не особенно приятная для послеобеденной беседы, - сказал он, - но меня она не может не волновать. Вот как создается все то, что вы здесь видите. - И он указал на празднично разодетых прохожих. - Женщины, швыряющие деньги на туалеты и бриллианты, и мужчины, разрывающие страну на части, чтобы добыть эти деньги. Вам скажут, что эти праздные богачи губят только самих себя, ведя нездоровый образ жизни. Но это не так: они везде распространяют заразу. Не правда ли, мистер Монтегю?

- Вполне с вами согласен, - ответил Аллан.

- Взгляните на города Новой Англии, - сказал Бейтс, - и на их население. Те, у кого было хоть сколько-нибудь энергии, давно уже переселились на запад. А оставшиеся все безвольны. Разве это не видно? Всюду, где появляются эти богачи, ищущие наслаждений, мужчины становятся содержателями домов терпимости и лакеями, женщины - горничными и проститутками.

- Их учат, учат брать взятки! - добавил лейтенант.

- Все, что еще оставалось у местного населения, продается с торгов, - сказал Бейтс. - В политическом отношении нет более испорченного уголка во всех Соединенных Штатах, чем штат Род-Айленд. Это всем известно, и в этом нетрудно убедиться. В день выборов вы можете покупать здесь голоса с такой же легкостью, как селедку. Здесь вы не почувствуете ни малейшего стремления к каким-либо демократическим реформам, ни малейших проблесков перемен.

- Вы нарисовали очень мрачную картину, - сказал Монтегю.

- Да, я стал желчным, - ответил Бейтс, - но я не всегда такой, стараюсь держать язык за зубами и беречь себя. Мы, газетчики, как вам известно, постоянно находимся за кулисами событий и наблюдаем, как кукол набивают опилками. Мы вынуждены жить в этом мире, и некоторым из нас это не по вкусу, могу вас уверить. Но мы бессильны что-нибудь сделать.

Он пожал плечами.

- Я теряю уйму времени на сбор фактов, а моя газета в девяти случаях из десяти отказывается их печатать.

- Думается, вы бросите это занятие, - сказал лейтенант.

- А что я могу еще делать? - возразил репортер. - Я собираю факты, и когда дело доходит до взрыва, то пытаюсь оповестить об этом публику. Мне нравится моя работа, ибо я не могу не верить, что, если народ узнает правду, он рано или поздно скажет свое слово. Когда-нибудь появится человек с чистой совестью, который не пойдет на сделки. Не так ли, мистер Монтегю?

- Да, - ответил Аллан, - я надеюсь.

Глава 17. Курс акций Миссисипской стальной компании

Лето кончалось. В последних числах августа Алиса приехала на несколько дней в Нью-Йорк. Ей нужно было сделать кое-какие покупки перед отъездом к Прентисам в горы Адирондак.

Это была новая причуда высшего общества. В дикой местности построили комфортабельные виллы, где светские дамы и господа наслаждались жизнью среди природы, пользуясь, однако, всеми благами цивилизации.

Для этого необходимы были охотничьи костюмы, альпинистское снаряжение, короче говоря, все очень экстравагантное и потому дорогое.

Монтегю это напомнило рассказ о миссис Виви Паттон. Ее муж жаловался на то, что она покупает слишком дорогое платье, и попросил одеваться попроще. "Хорошо, - сказала она, - я сейчас же накуплю себе уйму простых нарядов".

Один из вечеров Алиса провела дома и посвятила его кузену.

- Мне кажется, Аллан, - сказала она, - что Гарри Куртис собирается сделать мне предложение. Я думаю, тебе следует это знать.

- Я это предполагал, - заметил Монтегю с улыбкой.

- Гарри кажется, что ты его недолюбливаешь, так ли это?

- Нет, - ответил Монтегю, - не совсем так.

Он пытался найти подходящее выражение.

- Я не понимаю, в чем здесь дело, - продолжала Алиса, - ты считаешь, что мне не следует за него выходить?

Монтегю взглянул на нее.

- Скажи мне, ты твердо это решила?

- Нет, - ответила она, - я еще подумаю.

- Я просто хочу сказать, что если ты решила, то мое мнение, разумеется, ничего уже не значит.

- Я хочу, чтобы ты мне рассказал, что произошло между вами! - воскликнула девушка.

- Дело только в том, - сказал Монтегю, - что Куртис не очень чистоплотен в делах. Но с какой стати его обвинять, если и другие поступают так же.

- Но ведь он должен зарабатывать себе на жизнь, - заметила Алиса.

- Конечно, - ответил Монтегю, - и если он женится, то ему придется зарабатывать еще больше. Но тогда его все глубже будет засасывать коррупция.

- Но что он все же такое сделал? - со страхом спросила Алиса.

Аллан рассказал ей о своем разговоре с Куртисом.

- Однако, Аллан, я не вижу в этом ничего ужасного, - сказала она. - Ведь железная дорога - собственность Райдера и Прайса.

- Да, но только частично, другая часть принадлежит акционерам.

- Так пусть они и расплачиваются за то, что имеют дело с такими людьми, - возражала девушка.

- Ты ничего не смыслишь в бизнесе и не можешь понять положения вещей, - ответил Аллан. - Куртис - член правления, ему доверено ответственное дело.

- Но он же действует только по указке Прайса, - сказала она. - Если бы он не согласился, то Прайс взял бы на его место другого - вот и все. Я действительно мало в этом смыслю, но мне кажется, что не стоит осуждать молодого человека за то, что он прокладывает себе дорогу в жизни. Он делает только то, что и другие. Без сомнения, ты лучше разбираешься во всем этом и испытываешь угрызения совести, и все же мне кажется, что ты смотришь на вещи слишком сложно.

Монтегю грустно улыбнулся.

- Ты уже говоришь совсем как Куртис. Видно, окончательно решила выйти за него замуж.

Алиса уехала в сопровождении Оливера, который получил приглашение посетить замок Берти Стюайвесанта, построенный в средневековом стиле и расположенный с другой стороны гор. Там обещала погостить и Бетти Уайман, так что Ливер рассчитывал провести у Стюайвесантов целый месяц. Но через три дня Монтегю получил известие, что он прибудет в Нью-Йорк утром после восьми часов и просит Монтегю его дожидаться. Аллан догадывался, в чем дело, и у него было достаточно времени, чтобы решить, как ему следует поступить.

- Ну что? - спросил он Оливера, когда тот вошел к нему, - опять подвернулось выгодное дельце.

- Да, кое-что есть.

- И дело верное?

- Вполне надежное. Войдешь со мной в долю? - спросил Оливер.

Монтегю покачал головой.

- Нет, - сказал он, - хватит с меня и одной попытки.

- Ты говоришь несерьезно, Аллан! - запротестовал Оливер.

- Я это твердо решил.

- Но, мой дорогой, это просто безумие! У меня сведения от самых информированных лиц. Дело верное.

- Я в этом не сомневаюсь, - ответил Монтегю. - Но с меня довольно игры на Уолл-стрите. Я слишком много узнал за это время и устал от всего. Я не люблю азартных игр и не люблю компромиссов, которые для них необходимы.

- Но лишние деньги тебе не помешали бы, не правда ли? - саркастически заметил Оливер.

- Мне хватает того, что я имею.

- А когда твой капитал иссякнет?

- Не знаю, что будет тогда. Найду что-нибудь себе по душе.

- Хорошо, - сказал Оливер. - Это твое дело. Тогда я попробую на свой собственный страх и риск.

Они вышли из дома, взяли кэб и поехали по городу.

- Откуда ты получил свои "верные" сведения? - спросил Монтегю.

- Из того же источника, что и раньше, - ответил брат.

- Опять эти же акции Трансконтинентальной компании?

- Нет. Другие.

- Какие же именно?

- Я имею в виду акции Миссисипской стальной компании.

Монтегю повернулся к нему.

- Миссисипской стальной компании! - воскликнул он.

- Что тут странного, - сказал Оливер, - и что тебе до этого?

- Миссисипская стальная компания! - опять воскликнул Монтегю. - Разве ты не знаешь о моем конфликте с Северной Миссисипской железной дорогой?

- Конечно, знаю, но какое отношение это имеет к Миссисипской стальной компании?

- Но ведь Прайс - ее владелец!

- О, об этом я и забыл, - сказал Оливер.

Светская жизнь не оставляла ему времени для того, чтобы вникать в дела брата.

- Аллан, - прибавил он живо, - не говори мне больше ничего.

- Теперь все это меня не касается, - ответил Монтегю, - я вышел из дела. Но меня интересует вопрос: разве акции компании поднимаются?

- Напротив, они понижаются в цене.

Монтегю поразился.

- Это не обошлось без Стального треста, - прошептал он.

- Должно быть. Мои сведения получены от кругов, близких к Стальному тресту.

- Как ты полагаешь, они пытаются сломить Прайса?

- Не знаю. Думаю, они сделают это, если захотят.

- Но большая часть акций принадлежит Прайсу, - сказал Монтегю. - Разве они в состоянии отобрать их у него?

- Не в состоянии, если они имеются в наличии, то есть не заложены и за них не выданы закладные. Но представь, что их уже нет у него, представь, что какой-нибудь банк выдал ему ссуду под эти акции - тогда что?

Монтегю был заинтригован. Он сопровождал брата, пока тот получал деньги в банке, обзванивал своих маклеров, приказывая продавать акции Миссисипской стальной компании. Наконец, он вынужден был покинуть брата, так как в этот день был занят в суде. Выйдя через несколько часов из здания суда, он купил биржевой бюллетень, и первое, что бросилось ему в глаза, был курс акций Миссисипской стальной компании: они котировались вечером почти на двадцать пунктов ниже, чем утром!

Даже голые цифры говорили ему о многих трагедиях: он представлял себе торжествующих и отчаявшихся пайщиков. Казалось, титаны развоевались. Оливер сумел вовремя сориентироваться. А Прайс и Райдер? Монтегю знал, что большая часть акций Прайса была заложена в Готтамском тресте. Что теперь будет с ним и с Северной Миссисипской железной дорогой?

Столбцы вечерних газет были полны сенсациями. Они сообщали о том, что почва ускользала из-под ног Миссисипской стальной компании.

Распространялись самые невероятные слухи. Компания значительно превысила свои финансовые возможности; говорили, что ее служащие погрязли в спекуляциях, что компания не будет в состоянии выплатить причитающиеся держателям акций за четверть года проценты и необходимо будет учредить опеку. Намекали, что компания перейдет в руки Стального треста. Однако такого рода слухи энергично опровергались служащими треста.

Все произошло так внезапно, словно разразилась гроза среди ясного неба. Монтегю был потрясен. Для него мало значило, что сам он был теперь вне поля боя и что лично ничего не теряет. Он походил на человека во время землетрясения, который внезапно увидел перед собой разверзнувшуюся землю. Хотя Аллан и чувствовал себя в безопасности, он не мог уйти от того факта, что трещину дала та самая земля, на которой ему придется провести остаток жизни, и что новая пропасть может разверзнуться как раз под его ногами.

Монтегю не видел ни малейшего шанса спасения для Прайса и Райдера; он считал их совершенно уничтоженными и не удивился, если бы прочел, что они обанкротились. Но эти люди, видимо, выдержали не одну бурю. Все ограничилось только слухами. Акции Миссисипской стальной компании тем не менее больше не поднимались. Аллан заметил, впрочем, что и акции Северной Миссисипской железной дороги понизились на восемь - десять пунктов.

Это было время великого волнения в финансовом мире. Все лето фондовую биржу трясло как в лихорадке. Казалось, что финансовые тузы и управляющие железными дорогами взяли за правило предсказывать общее разорение каждый раз, когда им приходилось произносить речи на банкетах.

Никто, однако, не мог понять причин кризиса. Одни утверждали, что виной всему речи президента страны, его атаки на крупных капиталистов. Другие считали, что мировой капитал был истощен непрерывными войнами, землетрясениями и пожарами. Третьи жаловались на недостаток средств у правительства. Неоднократно среди общего шума раздавался трезвый голос какого-нибудь радикала, заявлявшего, что падение курса вызывалось преднамеренно, но подобное мнение казалось до того нелепым, что его или встречали насмешками, или вовсе не обращали на него внимания. Что касается Монтегю, то мысль о том, что в стране имеются люди, способные изменить положение на рынке и беззастенчиво использующие колебания цен в своих целях, казалась ему совершенно абсурдной.

Как-то раз вечером он разговорился об этом с майором Винейблом. Тот просто посмеялся над ним. Майор назвал десять - двенадцать лиц - среди них Уотермана, Дюваля, Уаймана, - которые заправляли большей частью банков в столице. Им были также подвластны три крупнейших страховых общества с капиталом в четыреста или пятьсот миллионов долларов; один из них контролировал крупную трансконтинентальную железную дорогу, которая придерживала двадцать - тридцать миллионов для спекуляций с акциями.

- Если двое или трое из этих господ захотят, - заявил майор, - то они в один день затормозят всю финансовую деятельность страны. Если они поведут наступление на какие-либо фонды, то могут понизить стоимость акций до любых пределов.

- Но как же они могут это сделать? - поинтересовался Монтегю.

- Таких возможностей у них более чем достаточно. Вы заметили, что последний крупный кризис начался при крайней нехватке денег, какой уж много лет не видели на Уолл-стрите. Теперь представьте себе, что эти господа сосредоточили большие финансовые средства и договорились между собой изъять их из оборота в условленное время. Представьте себе, что и их собственные банки, и банки, директора которых подкуплены ими, и страховые общества, которыми они заправляют, сделают то же самое! Можете себе вообразить, как все бросятся добывать деньги, искать займы. И при такой нервной обстановке, при почти полном отсутствии кредита. Причем это вспыхивает в массовом масштабе, - разве вам не ясно, к чему все это может привести?

- Это похоже на игру с огнем, - заметил Монтегю.

- Опасность, однако, не так велика, как можно предположить, - ответил майор. - Наше спасение в том, что крупные финансовые воротилы не могут поладить между собой. Уотерман, например, добился займа в десять миллионов от казначейства. Уайман, напротив, добивается повышенных цен и берет на Уолл-стрите ссуду в пятнадцать миллионов. Здесь в городе не менее двенадцати крупных банковских трестов.

- И они соперничают друг с другом? - спросил Монтегю.

- Конечно, - отвечал майор, - например, борются за контроль над иногородними банками. Все банки страны отпавляют избыточную часть

своих капиталов в Нью-Йорк, что составляет около четырехсот - пятисот миллионов долларов, то есть огромную сумму. Многие крупные банки финансируют до двух тысяч различных учреждений, и на этой почве процветает самая отчаянная конкуренция. Короче, происходит ожесточенная схватка.

- Все ясно, - сказал Монтегю.

- Только на одном все банки сошлись, - продолжал Винебл, - на своей ненависти к независимым банкам. Дело в том, что крупные банки обязаны иметь в наличии двадцать пять процентов своего капитала, в то время как независимые - только пять, благодаря этому оборот средств у последних быстрее, они выплачивают четыре процента по вкладам, широко себя рекламируют и вытесняют монополистов. Их около пятидесяти в одном Нью-Йорке, и в их руках сосредоточивается около миллиарда долларов. И прошу вас запомнить мои слова: из-за этого вскоре прольется кровь.

Монтегю было суждено вспомнить это пророчество.

Через несколько дней произошел случай, который пролил новый свет на положение вещей. Однажды после обеда к Аллану пришел Оливер. Он принес с собой письмо.

- Аллан, - сказал он, - что ты об этом думаешь?

Монтегю взглянул на письмо. Оно было от Люси Дюпре.

"Мой дорогой Олли, - прочитал он, - я оказалась в весьма затруднительном положении, так как одна денежная операция, на которую я рассчитывала, не удалась. Все средства, с которыми я приехала в Нью-Йорк, на исходе. Теперь мое положение довольно тяжелое. У меня имеется вексель на сто сорок тысяч долларов, выданный мне Стенли Райдером в уплату за акции. Он подлежит оплате через три месяца. Мне пришло в голову, что вы, быть может, знаете кого-нибудь, кто мог бы учесть или выкупить этот вексель. Я была бы очень рада отдать его за сто тридцать тысяч. Прошу вас, сохраните все это между нами".

- Как ты думаешь, что все это значит? - спросил Оливер.

Аллан пристально посмотрел на него.

- Право, мне нечего сказать.

- Много ли было у Люси денег, когда она приехала сюда?

- Три или четыре тысячи долларов. А затем она получила еще десять тысяч от Стенли Райдера при продаже своих акций.

- Не могла же она так много израсходовать! - воскликнул Оливер.

- Она могла куда-нибудь поместить свои деньги, - сказал Монтегю задумчиво.

- Да никуда она их не помещала! - воскликнул Оливер.

- Но не это меня смущает, - заметил Монтегю. - Я не пойму, почему Райдер сам не учтет этот вексель?

- Вот именно! Почему он разрешил Люси пустить его вексель в продажу?

- Возможно, он об этом даже не знает. По-видимому, она держит свои дела в тайне от него.

- Чепуха, - возразил Оливер. - Я ничему этому не верю. Я думаю, все это происки самого Райдера!

Монтегю в недоумении пожал плечами.

- Я полагаю, он пытается учесть свой собственный вексель, - продолжал Оливер, - я не верю, чтобы Люси решилась обратиться к нам ради себя самой. Скорее, она согласилась бы умереть с голода. Она слишком горда.

- Однако Стенли Райдер, - возразил Монтегю, - президент Готтамского треста...

- Это ничего не значит. Это его собственный вексель, а не треста, и, уверяю тебя, ему неоткуда взять денег. Несколько дней назад одна крупная компания приостановила платежи, а я знаю, что Райдер входил в число ее пайщиков. Он пострадал также при понижении курса акций Миссисипской стальной компании, и я готов побиться об заклад, что он рыщет теперь повсюду в поисках денег. Тут-то он и решил использовать Люси. Чтобы выйти из положения, он не остановится перед тем, чтобы забрать у нее последний доллар.

Монтегю некоторое время хранил молчание. Потом он крепко стиснул пальцы и проговорил:

- Я должен увидеть ее.

Люси выехала из дорогого отеля, в котором устроил ее Оливер, и сняла квартиру на Ривер-Сайд. На следующее утро Монтегю отправился туда.

Она встретила его в дверях гостиной. Аллан заметил, что Люси бледнее обычного. Ее лицо отражало следы пережитых волнений.

- Аллан! - воскликнула она. - Я знала, что вы придете. Как вы могли так долго не появляться?

- Я не думал, что вы хотите меня видеть, - сказал он.

Она ничего не ответила и села, не спуская с него глаз, в которых сквозил испуг.

Внезапно он почувствовал, что в душе его что-то оборвалось.

- Люси! - воскликнул он. - Не хотите ли вы уехать отсюда? Уехать, пока еще не поздно?

- Куда? - спросила она.

- Куда-нибудь! Поезжайте обратно домой.

- У меня нет дома, - ответила Люси.

- Уходите от Райдера, - сказал Монтегю. - Он же губит вас!

- Никто не руководит моими поступками, Аллан, - сказала Люси. - Вы не должны винить Стенли, мне неприятно это слышать.

Она замолчала.

- Люси! - сказал Монтегю. - Я читал письмо, которое вы написали Оливеру.

- Я так и подумала. Просила же его этого не делать.

- Послушайте, может быть, вы скажете, что все это значит? Только всю правду.

- Скажу, - проговорила она тихо.

- Я помогу вам, если вы оказались в затруднительных обстоятельствах, но не Райдеру. Если вы разрешаете ему эксплуатировать вас...

- Аллан! - воскликнула она, вспыхнув. - Неужели вы думаете, что он знал о моем письме?

- Да, я так думаю.

- Как вы можете!

- Я знаю, что ему угрожает банкротство.

- Да, и я хочу помочь Стенли, чем могу. Это безумная мысль, но это все, что я могла придумать.

- Ясно, - сказал Монтегю.

- Неужели вы не понимаете, что я не могу его оставить? - воскликнула Люси. - Теперь больше, чем когда-либо, он нуждается в помощи. Все друзья оставили его, и я единственный человек, который о нем заботится... который действительно его понимает...

Монтегю не знал, что сказать.

- Я, конечно, причиняю вам боль, - сказала Люси, - но думаю, вы меня когда-нибудь поймете, а что касается всех остальных - мне до них нет никакого дела.

- Хорошо, Люси, - произнес Аллан с грустью. - К сожалению, я ничем не могу вам помочь и не стану вас больше беспокоить.

Глава 18. Новое потрясение на фондовой бирже

Прошел месяц. Монтегю был погружен в работу, до него доходило лишь слабое эхо бури, бушевавшей в финансовом мире. Впоследствии он часто с удивлением вспоминал, какое слабое представление имел о происходившем. Он сравнивал себя с крестьянином, который, не поднимая головы, копался на своем поле, в то время как целые армии готовились к бою, и неожиданно очнулся от шума завязавшегося сражения и рвущихся над его головой снарядов.

Новое потрясение охватило фондовую биржу. Стюарт, молодой лохинварец с запада, попытался нанести удар по торговле медью. Распространились фантастические слухи о новом кризисе. Одни утверждали, что какой-то спекулянт скупил всю медь, другие - что произошла ссора между конкурентами. Как бы то ни было, цена на медь упала. Финансовый мир вновь испытал сильнейшее потрясение.

Молниеносно разнеслась весть, что крупные банкиры решили вытеснить молодого лохинварца из нью-йоркских банков. Говорили также, что и другие банки замешаны в этом деле и ожидают совещания монополистов. Прошло еще несколько дней, и новые события потрясли Нью-Йорк.

Все банки короля льда оказались близки к краху, а сам он - на грани банкротства.

Монтегю никогда не видел подобной паники на Уолл-стрите. Кого бы он ни встречал, все спешили сообщить какие-либо новости, одни невероятнее других. Казалось, что перед финансовыми тузами внезапно разверзлась пропасть. Однако в то время Монтегю был настолько поглощен тяжбой с табачным трестом, что его не особенно трогало все происходящее вокруг. Газеты отчаянно пытались прекратить панику, сообщая, что все затруднения улажены и Дан Уотерман пришел на помощь терпящим крах компаниям. Монтегю верил этому и занимался своим делом.

На третий или четвертый день после того, как кризис достиг своего апогея, Аллан был приглашен на обед к своему другу Гарви. Монтегю устал после долгого дня, проведенного в суде. Ему не хотелось переодеваться, и он отправился из своей конторы прямо в фешенебельный отель к Гарви, где собирались представители светского общества. Гарви отделал по своему вкусу личные апартаменты, занимающие целый этаж.

- Добрый день, мистер Монтегю, - приветствовал его портье, когда Аллан вошел в вестибюль отеля. - Мистер Гарви оставил для вас записку.

Монтегю разорвал конверт и прочел поспешно набросанный текст. Гарви только что получил известие, что банк, в правлении которого он состоял, готовится прекратить платежи и ему необходимо в этот вечер присутствовать на экстренном совещании. Он дважды звонил Монтегю в контору и в отель, но его не заставал.

Монтегю вышел. Родных его не было в городе, и ему ничего не оставалось, как пообедать одному. После обеда Аллан купил в вестибюле отеля несколько газет и сел их просматривать.

Входная дверь отворилась. Взглянув поверх газеты, Монтегю узнал банкира Уинтона Дюваля. Он не видел его со времени встречи в гостиной миссис Уинни. Банкир не заметил Монтегю и, нахмутив брови, прошел мимо к одному из лифтов.

В этот момент Монтегю услышал голос за своей спиной.

- Добрый день, мистер Монтегю.

Аллан обернулся. Перед ним стоял мистер Лион, управляющий отелем, с которым как-то познакомил его Гарви.

- Вы пришли на конференцию? - спросил он.

- Какая конференция?

- Сегодня вечером здесь собираются банкиры, - заметил тот. - Конференция закрытая, не говорите об этом никому. Добрый день, мистер Уорд, - обратился Лион к проходившему мимо господину. - Дэвид Уорд, - объяснил он Монтегю.

- А, - сказал Аллан, - знаю.

На Уолл-стрите Уорду дали прозвище уотермановского "конторского мальчишки". Однако он получал огромное жалованье, как управляющий крупным страховым обществом. Уотерман платил ему сто тысяч долларов в год.

- Так и сам здесь? - спросил Монтегю.

- Да, Уотерман здесь, - ответил Лион. - Он прошел через служебный вход. Я полагаю, конференция весьма секретная. Они сняли наверху подряд восемь номеров. Уотерман пройдет туда с одного конца коридора, а Дюваль - с другого. Репортеры не будут знать, что они встретятся.

- Ловко они все придумали! - засмеялся Монтегю.

- Я смотрю, не появились ли репортеры, - прибавил Лион, - но они, как видите, ничего не пронюхали.

Монтегю стал теперь внимательно наблюдать за входившими в вестибюль. Он увидел, как появился Джим Хиган вместе с пожилым господином, в котором Аллан узнал Бэскома, председателя Федерального банка, принадлежавшего Уотерману. Двух других господ Монтегю знал как крупных банкиров, и когда он взглянул в сторону, то увидел около стойки высокого, широкоплечего господина, беседующего с портье. Когда тот обернулся, Аллан узнал его. Это был Бейтс из "Экспресса".

"Ага, - подумал Монтегю, - репортеры все-таки кое-что пронюхали!"

Он заметил, что Бейтс задержал на нем свой взгляд. Монтегю поднял руку в знак приветствия, но Бейтс сделал вид, что не заметил его. Он, не глядя на Аллана, прошел мимо него и быстро прошептал:

- Пройдите в холл.

Монтегю на мгновение оторопел, а затем последовал за ним. Бейтс отошел в угол комнаты и сел в кресло. Монтегю подошел к нему.

Репортер быстро огляделся и затем торопливо заговорил:

- Простите меня, мистер Монтегю. Я не хочу, чтобы нас видели вместе. Я хотел попросить вас об одном одолжении.

- В чем дело?

- Я собираю материал для статьи. Нечто крайне важное. Я не могу сейчас вам всего объяснить, но мне необходимо получить номер в этом отеле. Вам представляется случай оказать мне услугу, которой я никогда не забуду.

Поясню все позднее, как только мы останемся наедине.

- Что вы хотите от меня? - спросил Монтегю.

- Мне надо снять номер четыреста седьмой, - ответил Бейтс. - Если не четыреста седьмой, то пусть будет пятьсот седьмой или шестьсот седьмой. Я не могу снять его сам, - портье меня знает. Но вам он его сдаст.

- Не представляю себе, как это сделать?

- Только попросите, - сказал Бейтс, - и все будет в порядке.

Монтегю взглянул на него. Его знакомый едва сдерживал волнение.

- Ну, пожалуйста, - прошептал он, положив руку на плечо Аллана.

Монтегю вышел в вестибюль и направился к стойке.

- Добрый вечер, мистер Монтегю! - приветствовал его портье. - Мистер Гарви еще не вернулся.

- Знаю, - сказал Монтегю. - Я бы хотел снять комнату на этот вечер, рядом с одним моим другом. Это на четвертом этаже.

- На четвертом? - спросил портье и обернулся, чтобы взглянуть на ключи, развешанные на стенке. - Какой номер? Окнами на улицу или во двор?

- Четыреста пятый у вас свободен?

- Четыреста пятый? Нет, этот номер занят. Свободны четыреста первый, четыреста шестой, с другой стороны - четыреста седьмой.

- Я беру четыреста седьмой, - сказал Монтегю.

- Четыре доллара в сутки, - произнес портье, снимая ключ.

Монтегю заплатил вперед и пошел за мальчиком к лифту. За ним последовал Бейтс и еще один джентльмен, маленький подвижный человек с плоским чемоданом, в каких обычно носят костюмы; все поднялись на четвертый этаж.

Посыльный открыл комнату. Все трое вошли в нее. Включив свет и опустив шторы, мальчик вышел, притворив за собой дверь.

Бейтс опустился на кровать, схватился за голову и воскликнул:

- О, бог мой!

Сопровождавший его молодой человек поставил свой чемодан, уселся в кресло и, откинувшись на спинку, принялся весело хохотать.

Монтегю изумленно глядел то на одного, то на другого.

- О, боже! боже! - повторял Бейтс. - Надеюсь, больше мне не придется вытворять ничего подобного! К утру у меня волосы поседеют!

- Вы забываете, что даже не сказали мне, в чем дело, - заметил Монтегю.

- О, да, - сказал Бейтс. Он неожиданно поднялся и пристально посмотрел на Аллана.

- Мистер Монтегю! - воскликнул он, - не подведите нас. Вы не знаете, как мне сейчас трудно. Но это будет самая крупная сенсация в моей жизни! Обещайте, что вы нас не выдадите!

- Я ничего не могу вам обещать, - сказал Монтегю, невольно рассмеявшись, - пока вы мне не скажете, в чем дело.

- Я боюсь, что вам это не понравится, - сказал Бейтс. - Это не совсем красиво по отношению к вам, но я был в отчаянном положении. Я не мог рисковать, а Родни был одет несоответственно.

- Вы не представили мне своего друга, - сказал Монтегю.

- О, простите! - ответил Бейтс, - мистер Родни, один из наших сотрудников.

- Ну, а теперь рассказывайте, - сказал Монтегю, усаживаясь на стул.

- Это связано с конференцией. Мы узнали о ней всего час назад. Они собираются в номере этажом ниже, как раз под нами.

- И что же?

- Мы хотим знать, что там происходит, - сказал Бейтс.

- Но как?

- Через окно. Мы захватили с собой веревку. - Бейтс указал на чемодан.

Монтегю поглядел на него с интересом.

- Веревку! - воскликнул он. - Вы спустите мистера Родни из окна?

- Конечно, - сказал Бейтс. - Это окно с края, спуститься из него совершенно безопасно.

- А что, если веревка оборвется?

- Не оборвется, мы взяли хорошую веревку.

- Но как вы поднимете его потом? - спросил Монтегю.

- С этим все в порядке. Наверх он и сам вскарабкается, или же мы спустим его вниз на землю. Веревка достаточно длинна.

- А вдруг он выпустит веревку из рук? И сорвется!

- Ну, ладно, - беспечно произнес Бейтс. - Это уж предоставьте Родни. Он ловкий. Он начал свою карьеру с того, что поднимался на колокольни. Вот почему я его и прихватил с собой.

Монтегю удивленно переводил взгляд с одного на другого.

- Скажите, мистер Бейтс, - спросил он наконец, - часто вам, как репортеру, приходится проделывать подобные вещи?

- Случалось, - ответил тот. - Как-то раз мне необходимо было получить несколько фотографий; дело шло об убийстве. Но и раньше мне приходилось взбираться по карнизам на верхние этажи домов, лазить по пожарным лестницам. Я был полицейским репортером и приобрел тогда эти дурные привычки.

- А если бы вас накрыли? - спросил Монтегю.

- Дело замяли бы: полиция никогда не преследует репортеров.

Бейтс промолчал; а потом продолжил.

- Я знаю, что мое положение двусмысленно, но подумайте, мистер Монтегю, как много зависит от моих действий. Мы узнаем все, что происходит на конференции. Уотерман тут, и Дюваль, подумайте-ка. Стальной и Нефтяной тресты! Редактор срочно послал за мной и сказал: "Бейтс, разузнайте-ка, что там наклевывается!" Что мне было делать? Тем более теперь, когда я получил такой шанс узнать, что здесь происходит. А это может иметь огромное значение. Они решат, как перевернуть завтра биржу вверх дном! Подумайте, что вы можете сделать, имея такие сведения!

- Нет, - сказал Монтегю, качая головой, - меня эта биржевая игра не волнует.

Бейтс пристально посмотрел на него.

- Простите, - сказал он, - но я подумал, быть может, вы или ваши друзья захотят благодаря этим сведениям заработать... Разумеется, имея в виду ваше теперешнее положение...

- Ни я, ни мои друзья этим заниматься не станут, - сказал Монтегю, улыбаясь.

Бейтс тоже рассмеялся.

- Ладно! - сказал он. - Тогда будем действовать ради спортивного интереса и ради того, чтобы оставить их в дураках.

- Вот это лучший довод, - сказал Монтегю.

- Номер этот ваш. Вы, конечно, можете нам помешать, если пожелаете. Но вам нет необходимости оставаться здесь, если это вам не нравится. Мы берем на себя весь риск, и будьте уверены, если нас накроют, отель постарается замять дело. Можете мне довериться: я сумею доказать, что вы к этому не причастны.

- Я останусь, - сказал Монтегю. - Мне хотелось бы посмотреть, что из этого выйдет.

Бейтс вскочил с кресла и протянул руку к чемодану.

- Отлично! - сказал он. - Давайте его сюда!

Родни открыл чемодан и вытащил моток веревки, очень тонкой и крепкой, и небольшую дощечку. Он сделал широкую петлю, продел в нее дощечку, которая служила для сиденья, снял одеяла с кровати. Затем вытащил пару больших перчаток из телячьей кожи, которые бросил Бейтсу, и бечевку, один конец которой обвязал вокруг кисти руки. Потом он кинул веревку на пол, потушил свет в комнате, поднял штору и сложил одеяла на подоконнике.

- Готово! - сказал он.

Бейтс надел перчатки и взял в руки веревку, а Родни подготовил сиденье.

- Держите одеяла, мистер Монтегю, если хотите нам помочь, и не давайте им упасть.

Бейтс развернул часть веревки и закрутил ее вокруг ножки большого письменного стола, стоявшего у окна. Родни перелез через подоконник и, держась за него руками, осторожно уселся на дощечку.

- Готово, - прошептал он.

Бейтс схватил за конец веревки и постепенно, дюйм за дюймом, стал опускать ее, упираясь коленями в стол. Монтегю придерживал одеяла. Плечи и голова Родни скоро скрылись под подоконником. Однако он продолжал еще держаться за него.

- Отлично, - шепнул он, - спускайте!

Веревка начала быстро разворачиваться.

Сердце Аллана колотилось, но Бейтс действовал спокойно, по-деловому. Он распустил несколько витков веревки, остановился и произнес:

- Посмотрите вниз.

Монтегю высунул голову в окно. Он увидел отблески света из окна, расположенного под ними. Родни висел у карниза близ верхней притолоки.

- Ниже! - сказал Монтегю, повернув голову к Бейтсу. Тот еще немного опустил веревку.

- Как теперь? - спросил он.

Монтегю выглянул снова. Родни ловко обогнул карниз и прижался к краю окна так, что его не было видно из комнаты. Он сделал нетерпеливый знак рукой, и Монтегю, обернувшись, прошептал:

- Еще ниже!

Когда он вновь выглянул, Родни уже стоял на подоконнике.

- Теперь нужно закрепить веревку! - пробормотал Бейтс.

Монтегю обернул ее еще раз вокруг ножки стола, потом протянул дальше по комнате и крепко привязал к ручке двери.

- Я думаю, не сорвется, - сказал Бейтс, подходя к окну и берясь за бечевку, другой конец которой был обмотан вокруг руки Родни.

- Это для сигнализации, - сказал он. - Азбука Морзе.

- Ну, - проговорил Монтегю, - теперь вам не многого хватает для полного успеха.

- Большого уже сделать нельзя, - сказал Бейтс. - Тише!

Монтегю увидел, что рука, державшая бечевку, дернулась.

- О-к-н-о о-т-к-р-ы-т-о, - расшифровал Бейтс и прибавил: - Господи! Они у нас в руках!

Глава 19. Бездонная пропасть

Монтегю принес пару кресел, и оба уселись у окна, рассчитывая, что ждать придется долго.

- Как вы узнали об этой конференции? - спросил Монтегю.

- Говорите тише, - прошептал ему на ухо Бейтс, - иначе Родни ничего не услышит.

Бечевка дернулась. Бейтс медленно передавал по буквам:

- У-о-т-е-р-м-а-н. Д-ю-в-а-л-ь. Он перечисляет собравшихся. Д-э-в-и-д. У-о-р-д. Х-и-г-а-н. П-р-е-н-т-и-с.

- Прентис, - прошептал Монтегю, - но он же в горах Адирондак!

- Прибыл сегодня экспрессом. Уорд телеграфировал ему. Это навело нас на след. Г-е-н-р-и П-а-т-е-р-с-о-н. Он подлинный хозяин нефтяного треста. Б-а-с-к-о-м. Этот из Федерального банка, человек Уотермана.

- Судя по именам, можно себе представить, что происходит нечто особо важное.

Родни продолжал называть имена других крупных банкиров с Уолл-стрита.

- Р-а-з-г-о-в-о-р и-д-е-т о С-т-ю-а-р-т-е, - передал он.

- Это старая история - прокомментировал Бейтс, - он уже умер.

- П-р-а-й-с.

- Прайс! - воскликнул Монтегю.

- Да, - сказал Бейтс, - я видел его в вестибюле. Я так и думал, что он придет.

- Для совещания с Уотерманом? - удивленно произнес Монтегю.

- Почему бы и нет?

- Но ведь они смертельные враги!

- О, - сказал Бейтс, - не придавайте значения слухам.

- Что вы хотите этим сказать? - запротестовал Монтегю. - Неужели вы не считаете их врагами?

- Конечно, нет.

- Но я могу представить вам доказательства.

- Против каждого вашего доказательства, - сказал с улыбкой Бейтс, - я могу привести с полдюжины веских возражений.

- Но это полнейший абсурд... - начал было Аллан.

- Тише!

Бейтс напряженно следил за двигающейся веревкой.

- Л-е-д, - передал Родни.

- Это о Каммингсе - втором покойнике. Они и его погубили.

- Кто? - спросил Монтегю.

- В первую очередь Уотерман. Пароходная компания конкурировала с его железными дорогами в Новой Англии. И теперь она близка к полной ликвидации. Вскоре вы услышите, что ее съел Уотерман.

- Вы полагаете, что крах этой компании был подстроен им? - спросил Монтегю.

- Был подстроен? Клянусь небом, это была величайшая афера, какую я когда-либо видел на Уолл-стрите.

- И это все Уотерман?

- Вместе с нефтяным трестом. Они преследовали, например, молодого Стюарта, который, видите ли, вытеснил их в Монтане. Он мог бы получить с них десять миллионов отступного, но Стюарт был настолько безрассуден, что явился в Нью-Йорк и начал учреждать банки. Вот они и прикрыли его банки. Теперь он потеряет добрую часть своих десяти миллионов.

- От всего этого даже дух захватывает, - сказал Монтегю.

- А вы не волнуйтесь, вам нужно запастись воздухом на эту ночь, - шутливо заметил Бейтс.

Аллан призадумался.

- Вы сказали - Прайс. И имели в виду Джона С.Прайса?

- Насколько мне известно, существует только один Прайс.

- И вы не верите, что он противник Уотермана?

- Я утверждаю, что Прайс - агент Уотермана.

- Но, разве не он владеет Миссисипской стальной компанией?

- Да он, но как человек Уотермана, - сказал Бейтс.

- Этого не может быть! Разве Уотерман не заинтересован в Стальном тресте? И разве не Миссисипская стальная компания его главный конкурент?

- Так, видимо, и должно быть, - ответил Бейтс. - Но на самом деле вся эта конкуренция служит только для отвода глаз и обмана публики. Прошло уже четыре года с тех пор, как Прайс завладел паями компании, передав их Уотерману.

Монтегю не мог вымолвить ни единого слова от изумления.

- Мистер Бейтс, - проговорил он, - я еще недавно сотрудничал с Прайсом и Миссисипской стальной компанией. Я уверен, что вы заблуждаетесь.

- Мне трудно вас переубедить, - возразил Бейтс. - Попробуйте доказать обратное, однако ваши доказательства должны быть очень вескими. Дело в том, что мне давно известно все то, о чем я вам сейчас рассказал. Я получил эти сведения от самих участников дела и от них же узнал подробности. Я уличил Прайса прямо в его собственной конторе. Беда только в том, что моя газета никогда ничего подобного не напечатает.

Прошло какое-то время, прежде чем Монтегю заговорил снова. Он старался уяснить смысл того, что услышал от Бейтса.

- Но ведь Прайс боролся с Уотерманом, - прошептал он. - И вся "стальная шайка" боролась с Прайсом! Они только к тому и стремились, чтобы положить его на лопатки. Иначе во всем этом нет никакого смысла.

- А вы в этом уверены? - спросил Бейтс. - Однако подумайте, Прайс выступал против Уотермана, но представьте себе на минуту, что они только делали вид, что борются друг с другом? Правда, я говорю только о самом Прайсе. Я не осведомлен о тех, с кем он был в сговоре. Возможно, что он их предал.

При этих словах Монтегю судорожно ухватился за ручки кресла. Он на минуту перестал соображать от мысли, высказанной Бейтсом.

- Боже мой, - бормотал он, - боже мой.

Его воображение начало работать. Итак, Прайс предает Райдера! Втягивает его в дело по достройке Северной Миссисипской железной дороги.

Вовлекает его капитал в Миссисипскую стальную компанию, обещает, вероятно, поддержать акции на рынке и вместо этого содействует его краху! Вертит Райдером, как хочет, и в конечном счете ведет его к гибели. Но зачем?

Монтегю казалось, что он внезапно очутился перед бездонной пропастью и в испуге отпрянул назад. Он не мог себе этого представить. Уотерман! Всему причиной Дан Уотерман! Все это задумано им! Вот то отмщение, которым он грозил! Он все время расставлял ловушку для Райдера.

Мысль казалась чудовищной и нелепой. Монтегю старался отогнать ее всякий раз, когда она у него появлялась. Нет, нет! Этого не может быть!

Однако почему не может? В глубине души Монтегю был уверен, что посетивший его агент был подослан Уотерманом. Как только старик в первый раз увидел Люси, он сразу же постарался разузнать о ее делах. Внезапно перед глазами Монтегю всплыло пылающее гневом лицо, промелькнувшее мимо него на борту "Брунгильды". "Я буду преследовать вас!" - сказал тогда старик Люси. Несколько месяцев он молчал и вот теперь наконец дает о себе знать.

"Отчего же нет? Отчего же нет? - продолжал себя спрашивать Аллан. - Что он, в сущности, знал про Миссисипскую стальную компанию? Какие у него есть доказательства, что она в самом деле конкурирует с трестом? Что он слышал о нем, кроме отзывов Стенли Райдера? И всего вероятнее, что Райдер только повторял сказанное ему Прайсом!

Монтегю забыл о всем окружающем под наплывом одолевавших его мыслей. Бечевка опять дергалась, передавая имена нескольких вновь пришедших дельцов, хозяев города, но он уже не слышал их.

- Зачем же надо было скрывать, что Прайс - агент Уотермана?

- Зачем, зачем! - возмутился Бейтс. - Вы же видите, что широкая публика возмущена засильем монополий. И президент под ее влиянием ведет с ними борьбу! Если бы стало известно, что Стальной трест захватил предприятие своего последнего крупного конкурента, как знать, какие шаги предприняло бы правительство!

- Понимаю, - сказал Монтегю. - И сколько же времени все это продолжалось?

- Четыре года. Все они дожидались благоприятного момента, чтобы покончить с Миссисипской стальной компанией и затем в качестве благодетелей прибрать ее к своим рукам.

- Ясно.

- Слушайте! - сказал Бейтс, высовываясь из окна. Из номера, где происходила конференция, можно было с трудом расслышать звуки низкого мужского голоса:

- У-о-т-е-р-м-а-н, - передал Родни.

- Началась деловая часть заседания, - прошептал Бейтс.

- С-о-з-д-а-л-о-с-ь с-л-о-ж-н-о-е п-о-л-о-ж-е-н-и-е. К-о-н-е-ц р-и-с-к-о-в-а-н-н-ы-м б-а-н-к-о-в-с-к-и-м о-п-е-р-а-ц-и-я-м.

- То есть конец моим противникам, - прокомментировал Бейтс.

- Д-ю-в-а-л-ь о-д-о-б-р-я-е-т, - продолжал Родни.

Бейтс и Монтегю, сидя у окна, испытывали танталовы муки. До них доносились лишь обрывки речей, и только с большим напряжением можно было уловить какой-то смысл.

- Скоро они прекратят говорить речи; - прошептал Бейтс.

Действительно, предварительная часть заседания была закончена.

Следующие два слова, переданные через бечевку, заставили Монтегю вскочить.

- Г-о-т-т-а-м-с-к-и-й т-р-е-с-т.

- Да, - прошептал Бейтс.

Монтегю не произнес ни звука.

- Райдер злоупотребляет доверием, - расшифровал Бейтс подергивание бечевки, схватил Аллана за руку и притянул его к себе. - Боже мой! - задохнулся он от волнения. - Кажется, они хотят свалить Готтамский трест.

- Р-а-й-д-е-р-у о-т-к-а-ж-у-т в к-р-е-д-и-т-е, - передал Родни, и Монтегю почувствовал, как задрожала рука Бейтса.

- Они отказываются учитывать векселя Райдера, - проговорил он.

Монтегю словно окаменел.

- З-а-в-т-р-а у-т-р-о-м, - передавала бечевка.

Бейтс едва сдерживал волнение.

- Вы понимаете, что это означает! Банковская расчетная палата вычеркивает из своих списков Готтамский трест!

- Это конец тресту, - едва выговорил Монтегю.

- Да они с ума сошли! - воскликнул Бейтс. - Понимают ли они, что творят! Начнется такая паника, какой Нью-Йорк еще не видывал! Это сокрушит все банки в городе! Готтамский трест! Подумайте-ка, Готтамский трест!

- П-р-е-н-т-и-с в-о-з-р-а-ж-а-е-т, - сообщил Родни.

- Возражает! - воскликнул Бейтс, ударяя себя по колену, не в силах сдерживать волнения. - Ну, конечно, кому же еще возражать. Если падет Готтамский трест, то Кредитная компания США больше суток не протянет.

- П-е-т-е-р-с-о-н н-е-д-о-в-о-л-е-н, - передавала бечевка.

- Он многое теряет, - пробормотал Бейтс.

Монтегю зашагал взад и вперед по комнате.

- Но это же ужасно! - сказал он.

Мысль Аллана перенеслась сейчас к маленькой грустной женщине, живущей в своей одинокой квартирке на Ривер-Сайд. Из-за нее, собственно говоря, разыгрывается сейчас вся эта страшная драма. Монтегю ясно представил себе мрачного старика с ястребиным взором, сидящего этажом ниже за столом и диктующего финансовым воротилам города свои законы. Этот человек также наверняка думал о Люси. Он и Монтегю - единственные среди всех собравшихся думают о ней.

- У-о-т-е-р-м-а-н н-а-с-т-а-и-в-а-е-т н-а т-о-м, ч-т-о-б-ы р-а-з-д-а-в-и-т-ь Р-а-й-д-е-р-а. Л-и-ш-и-т-ь е-г-о к-р-е-д-и-т-а.

- Все ясно, - прокомментировал Бейтс. - Они покончат с ним, если Уотерману так угодно. Но что завтра будет в Нью-Йорке!

- У-о-р-д з-а-щ-и-щ-а-е-т з-а-к-о-н-н-ы-е б-а-н-к-и.

- Щенок, - презрительно произнес Бейтс. - Законными банками он называет те, которые поддерживают его синдикаты. Тоже мне нашелся защитник! Однако тут в Бейтсе проснулся репортер.

- Какая сенсация! - шептал он. - Вот это новость!

О дальнейших сообщениях Родни у Монтегю осталось только смутное воспоминание. Он был поглощен собственными мыслями. Тем временем Бейтс продолжал расшифровывать слова Родни. Генерал Прентис, член правления Готтамского треста, пытался спасти положение. Но было ясно, что тресту уже никто не поможет.

В памяти Аллана удержалось заявление: "Паника принесет пользу, она обуздает президента!"

- Поняли ли вы? - кричал Бейтс. - Это все дело рук Уотермана! Что за характер! Мы присутствуем при историческом событии сегодня, мистер Монтегю!

Прошло полчаса. Рука Бейтса, сдерживающая бечевку, дернулась, затем последовали еще два сигнала.

- Это означает: тащите! - шепнул он. - Быстро! - И схватился за веревку. - Тяните изо всех сил, веревка выдержит.

Они принялись тащить Родни, который помогал им, подтягиваясь за карниз окна. Был момент, когда Монтегю чуть не отпустил веревку, но затем тянуть стало легче. Родни встал коленями на карниз.

Через несколько мгновений в окне показалась его рука, схватившаяся за подоконник. Монтегю с Бейтсом, подхватив его под мышки, втащили в номер.

Родни едва стоял на ногах. Все трое молчали, еле переводя дыхание. Затем Родни бросился к Бейтсу и схватил его за плечи.

- Старина, - взволнованно заговорил он. - Мы их провели! Мы их провели!

- Да, это так. Мы провели их! - повторил, улыбаясь, Бейтс.

- Вот это будет сенсация! - вскричал Родни. - Никогда нам не удавалось ничего подобного!

Оба веселились, как школьники. Они обнимали друг друга, хохотали и плясали по комнате. Наконец все успокоились. Монтегю зажег свет и опустил шторы. Он посмотрел на Родни. Костюм репортера был в беспорядке, лицо пылало от возбуждения.

- Вы и представить себе не можете этой сцены! - сказал он. - У меня волосы встают дыбом, когда подумаю об этом. Только представьте - я был не более как в двадцати футах от Дана Уотермана. Все время казалось, что он смотрит прямо на меня. Я не смел шевельнуться, боялся, как бы он меня не заметил. Каждое мгновение мне мерещилось, что он встанет с кресла и бросится к окну. Но он спокойно сидел, стучал по столу, сверкал глазами и диктовал этим господам свою волю.

- Я слышал, как он говорил, - сказал Бейтс. - Теперь я уверен: это был его голос.

- О, Дан прямо положил их на лопатки! - продолжал Родни. - Когда он закончил, наступила такая тишина, что слышно было, как муха пролетит. От всей этой картины можно было сойти с ума.

- Я вне себя от волнения, - сказал Бейтс. - Все, что случилось, просто невероятно!

- Они и понятия не имеют, к чему это приведет.

- Нет, имеют, - возразил Родни. - Но им все безразлично. Они почуяли запах крови. Это совершенно в их духе - они напоминали свору гончих, преследующих дичь. Надо было видеть этого Уотермана с худым, жаждущим крови, жадным лицом. "Час пробил, - сказал он. - Здесь нет ни одного, кто бы не считал, что рано или поздно это должно было произойти. Мы должны их уничтожить раз и навсегда". Надо было видеть, как он посмотрел на Прентиса, когда тот отважился выступить против него.

- Прентису все это оказалось не по вкусу? - спросил Монтегю.

- Нетрудно себе представить, как он разозлился, - вставил Бейтс.

- Уотерман обещал ему свое покровительство. Но теперь он, должно быть, всецело в их руках. По-видимому, Федеральный банк вложил в Готтамский трест миллион долларов и вынужден будет взять их обратно.

- Подумать только! - воскликнул Бейтс.

- Подождите, - сказал Родни, - но ведь они хотят изменить всю политику. Я готов лишиться руки, лишь бы сфотографировать Дана Уотермана в ту минуту. Такой снимок следовало показать американскому народу и спросить его, что он обо всем этом думает. Дэвид Уорд заметил:

"Небольшая встряска в наше время никому не повредит". А Уотерман стукнул кулаком по столу. "Страна нуждается в уроке, - заявил он. - Деловых людей оскорбляют и несут о них всякий вздор. Если попрिжать народ, у него будет о чем думать, а не поносить тех, кому страна обязана своим благосостоянием. Мне кажется, джентльмены, что в нашей власти положить конец этому радикализму".

- Только подумать! - произнес в волнении Бейтс. - Старый черт!

- А Дюваль прибавил с усмешкой: "Одним словом, господа, мы заставим Райдера обанкротиться и напугаем президента".

- Конференция закончилась? - спросил Бейтс, немного помолчав.

- Оставалось только пожать друг другу руки, - ответил Родни. - Я не решился продолжать наблюдения, так как все они начали вставать со своих мест.

Бейтс поднялся с кресла.

- Идемте - сказал он, - нам нельзя терять времени. Дело еще далеко не закончено.

Он принялся отвязывать веревку и свертывать ее. Родни взял одеяла и положил их на кровать, прикрыв простыней, чтобы не были заметны места, протертые веревкой. Он свернул бечевку и бросил ее в чемодан. Бейтс взял шляпу, пальто и направился к двери.

- Извините нас, мистер Монтегю, - сказал он. - Вы понимаете, нужно еще много потрудиться над всем этим.

- Разумеется, - сказал Монтегю.

- Мы постараемся отблагодарить вас как можно скорее, - прибавил Бейтс. - Зайдите после того, как выйдет газета, и мы вместе это отметим.

Глава 20. Готтамский трест

Они распрощались. Подождав несколько минут, чтобы дать время репортерам выйти из отеля, Монтегю вызвал лифт.

Лифт остановился этажом ниже. Аллан едва опомнился от возбуждения. Когда дверь открылась, он увидел группу людей и среди них Дюваля, Уорда и генерала Прентиса. Монтегю спрятался за спину лифтера, чтобы его никто не увидел.

Аллан успел заметить, что Прентис был смертельно бледен. Не сказав никому ни слова, он вышел в коридор. Монтегю колебался с минуту, а затем решительно повернул и пошел за ним. Он нагнал Прентиса у дверей.

- Добрый вечер, генерал! - сказал он.

Прентис обернулся и посмотрел на него невидящим взглядом.

- А, Монтегю! - сказал он. - Как поживаете?

- Хорошо, - ответил Аллан.

На улице среди других автомобилей он заметил лимузин генерала.

- Вы куда?

- Домой, - ответил Прентис.

- Я поеду с вами, если позволите, - сказал Монтегю. - Мне нужно кое-что вам сказать.

- Хорошо.

Генерал и не мог бы ему отказать, так как Монтегю взял его под руку и направился с ним к автомобилю. Впрочем, Аллан не ожидал отказа.

Он помог генералу сесть в машину, сам уселся рядом и захлопнул дверцу. Прентис был в состоянии какой-то прострации.

Монтегю наблюдал за ним некоторое время, затем внезапно наклонился к нему и сказал:

- Генерал, зачем вы дали себя уговорить?

- А? - сказал Прентис.

- Я говорю, - повторил Монтегю, - зачем вы дали себя уговорить?

Прентис повернулся и посмотрел на него остановившимся взглядом.

- Я знаю все, - сказал Монтегю, - все, что произошло на вашей конференции.

- Что вы хотите этим сказать?

- Я знаю, к чему они вас принудили. Они хотят уничтожить Готтамский трест.

Генерал был ошеломлен.

- Что такое, - едва выговорил он. - Кто вам сказал? Как вы могли узнать?

Монтегю выждал, пока генерал придет в себя.

- Я ничем не мог помочь тресту, - вырвалось у него. - Что я мог сделать?

- Вы можете отказаться действовать с ними заодно! - воскликнул Монтегю.

- При чем здесь я? Они все равно добьются своего. И вы полагаете, что меня не сомнут, если я откажусь?

- Но подумайте, к чему все это приведет! Разорятся сотни людей! Вы и на себя навлечете беду!

- Я все это знаю, - сказал генерал с мукой в голосе. - Не подумайте, что я не боролся. Но я был беспомощен, совершенно беспомощен!

Он вновь повернулся к Монтегю и дрожащей рукой ухватил его за рукав.

- Я никогда не думал, что доживу до такого часа. Презирать самого себя, быть презираемым всеми! Чтобы меня третировали, оскорбляли, забрасывали грязью!

Старик не в силах был говорить от волнения, голос его прерывался.

- Взгляните на меня! Вы считаете, что я человек влиятельный, видное лицо в городе, глава большого предприятия, пользующегося доверием тысяч людей? Ничего подобного! Я марионетка, фигляр! Имя, которое я ношу, следует покрыть позором!

Он закрыл лицо руками и наклонил голову, чтобы Монтегю не мог видеть его горе.

Наступило долгое молчание. Монтегю лишился дара речи. Он чувствовал, что само его присутствие в машине оскорбляет генерала.

Наконец Прентис открыл лицо. Он сжал кулаки и овладел собой.

- Жребий брошен, - сказал он. - Мне пришлось согласиться. Чего это мне стоило, не все ли равно?

Монтегю молчал.

- Я не имею права оправдываться, - продолжал генерал. - Пути назад нет. Дан Уотерман теперь мой хозяин, и я должен ему повиноваться.

- Как вы попали к ним в лапы? - спросил Монтегю.

- Один из моих друзей организовал Федеральный банк и предложил мне стать его президентом, желая использовать мое имя. Я согласился, потому что хорошо знал этого человека и полностью ему доверял. Я вел дело, оно процветало, но через три года перешло в другие руки. Это было во время кризиса. Мне следовало уйти, но я должен был позаботиться о семье, о своих друзьях, которые были втянуты в это предприятие. Да и от своих интересов не смог отказаться. Я остался - и этим все сказано. Я чувствовал, что теперь возглавляю банк лишь номинально, но было уже слишком поздно.

- Но отчего вам теперь не выйти из дела? - спросил Монтегю.

- Теперь? - повторил генерал. - Теперь, когда все мои друзья оказались в зависимости от меня? Моим врагам это было бы только на руку, ибо дало возможность все свои грехи, свалить на мою голову. Они поставили бы меня рядом со Стюартом и Райдером.

- Все ясно, - произнес Монтегю.

- И вот наступил кризис, и я узнаю, кто теперь мой настоящий хозяин. Мне приказывают, и я подчиняюсь. Мне не угрожают. Я повинуюсь и без угроз. Бог мой, мистер Монтегю, если бы я рассказал вам, что творится в этом городе, какую грязь льют на почтенных людей и к каким мерам им приходится прибегать для своей защиты... И это самые уважаемые в городе люди, состарившиеся на службе народу. Все это слишком ужасно, чтобы рассказывать.

Некоторое время оба молчали.

- И ничего нельзя сделать? - спросил Монтегю.

- Ничего, - ответил Прентис.

- Скажите, генерал, ваше предприятие надежно?

- Вполне.

- Вы ничем себя не скомпрометировали?

- Ничем.

- Отчего же вы боитесь Уотермана?

- Отчего? Да я обязан иметь в резерве восемьдесят процентов вкладов, а у меня их только пять.

- Понимаю, - сказал Монтегю.

- Я должен был сделать выбор между Стенли Райдером и самим собой, - прибавил генерал. - Но пусть Райдер отвечает сам за себя.

Больше никто из них ничего не сказал. Они сидели, погруженные в свои мысли. Слышался только шум мотора автомобиля, мчавшегося по Бродвею. Монтегю тем временем составил себе план действий. Он пересел на откидное сиденье автомобиля, откуда мог хорошо видеть номера домов, мимо которых они проезжали. Наконец он обратился к Прентису:

- Я покину вас на следующем углу.

Генерал дал сигнал шоферу, и автомобиль остановился. Монтегю вышел.

- Доброй ночи, генерал! - сказал он.

- Доброй ночи! - ответил тот слабым голосом. Он не протянул руки Монтегю, захлопнул дверь из кабины, и машина помчалась дальше.

Аллан направился на Ривер-Сайд. Вот и дом, где жила Люси.

- Миссис Тэйлор дома? - спросил он привратника.

- Сейчас посмотрю.

Монтегю назвал свое имя и прибавил:

- Скажите, что у меня к ней очень важное дело.

Вскоре показалась Люси в черном платье.

Взглянув на его расстроенное лицо, она сразу поняла: что-то случилось.

- Что произошло, Аллан? - спросила она.

- Люси, где теперь Райдер?

- Его нетрудно найти, - ответила она и прибавила: - У вас плохая новость?

- Да, - сказал он, - но прежде всего нужно разыскать Райдера.

Некоторое время она нерешительно смотрела на него, но беспокойство взяло верх, и она сказала:

- Стенли рядом в комнате.

- Позовите его.

Люси бросилась к двери.

- Идите сюда, Стенли! - позвала она.

Вошел Райдер. Лицо его было бледно, от аристократического лоска не осталось и следа.

- Мистер Райдер, - начал Монтегю, - я располагаю фактами, которые касаются непосредственно вас, и считаю, что вам следует их знать. Завтра должно состояться собрание директоров, на котором будет решено, что банк, дисконтирующий векселя Готгамского треста, прекращает эти операции [дисконтирование векселей - учет векселей; покупка их банком у векселедержателей до истечения срока].

Райдер вздрогнул, лицо его стало серым. Он не издал ни звука. В тишине лишь слабо вскрикнула Люси.

- Моя информация абсолютно точна, - продолжал Монтегю. - Решено свалить ваш трест.

Райдер схватился за стул.

- Кто? - пробормотал он.

- Дюваль и Уотерман, - ответил Монтегю.

- Дан Уотерман! - воскликнула Люси.

Монтегю обернулся и увидел ее широко раскрытые глаза, полные ужаса.

- Да, Люси, - подтвердил он.

Тихий стон вырвался у нее из груди. Потом она хрипло спросила:

- Объясните мне все! Я не понимаю, что это значит?

- Это значит, что я разорен, - объяснил Райдер.

- Разорен? - повторила Люси.

- Совершенно! - сказал он. - Я в их руках. Я знал, что они за мной охотятся, но не думал, что они пойдут на такое!

Он грубо выругался.

Монтегю не отрываясь смотрел на Люси. Он чувствовал глубокое сострадание к ней.

- Это из-за меня! Из-за меня! - твердила Люси прерывистым шепотом.

- Люси, - начал Монтегю, но она, предостерегая его, подняла руки.

- Тише! Он не должен знать! - прошептала она, задыхаясь. - Я ничего не рассказывала.

Затем Люси снова повернулась к Райдеру.

- Должен же быть какой-нибудь выход, - воскликнула она. - Должен!

Райдер упал в кресло и закрыл лицо руками.

- Разорен! - простонал он. - У меня не останется ни одного доллара!

- Нет, нет! - кричала Люси. - Этого не может быть!

Она приложила руку ко лбу, пытаясь собраться с мыслями.

- Это надо остановить... Я пойду к нему... Я буду его просить.

- Вы не должны этого делать, Люси, - сказал Монтегю.

- Ни слова! - прошептала Люси с прежней настойчивостью. - Ни одного слова.

Она кинулась в другую комнату и через минуту вернулась в шляпе и пальто.

- Аллан! - сказала она. - Скажите, чтобы мне кликнули кэб.

Он пытался протестовать, но Люси не хотела его слушать.

- Вы можете ехать со мной. По дороге поговорим. Ну, пожалуйста, помогите мне.

В ожидании кэба Люси стояла посреди комнаты, нервно ломая руки.

- Теперь, Аллан, ступайте вниз и ждите меня там, - сказала она Монтегю.

Кинув взгляд на совершенно подавленного Райдера, он взял шляпу, пальто и вышел.

Монтегю ходил взад и вперед по холлу. Кэб подъехал. Через минуту появилась Люси под густой вуалью. Она решительно направилась к экипажу и села в него. Монтегю последовал за ней. Люси приказала ехать в большой мраморный дворец Уотермана.

Повернувшись к Монтегю, она заговорила торопливо и страстно:

- Я знаю, что вы намерены мне сказать, но избавьте от этих слов меня и себя. Мне горько, что вы станете свидетелем моего позора, но, видит бог, я не могу иначе. Я должна это сделать. Другого выхода нет. Я должна идти и умолять Уотермана пощадить Райдера.

- Люси! Выслушайте меня...

- Я не хочу вас слушать! - истерически закричала она. - Я не могу выносить ваших рассуждений по этому поводу. И так уж все это ужасно!

- Но подумайте, чего вы можете добиться, - перебил он. - Не воображаете ли вы, что сумеете приостановить эту страшную машину, пущенную в ход Уотерманом?

- Не знаю, не знаю, - сказала она, подавляя рыдания. - Я могу сделать только то, что от меня зависит. Если в нем есть хоть капля жалости, я брошусь перед ним на колени и буду молить его...

- Но, Люси, подумайте, что вы делаете! Вы отправляетесь ночью к нему в дом!

- Я не забочусь о своей чести, Аллан! Я не боюсь Уотермана. Я слишком долго думала только о себе, теперь я должна подумать о человеке, которого люблю.

Монтегю промолчал.

- Люси, - сказал он наконец. - Скажите мне, понимаете ли вы свою роль в этом деле?

- Да, да, - вскричала она страстно. - Я давно знала, что Уотерман преследует меня. Я думала о нем. Каждый раз, когда нас настигала какая-нибудь беда, я чувствовала его власть. Но я никогда не предупреждала Райдера об опасности!

- Из любви к нему... - начал Аллан.

- Нет, нет!

Дрожащей рукой Люси ухватила его за рукав:

- Видите ли... вы даже не можете себе представить этого. Я скрывала от него, потому что боялась!

- Боялись? Чего?

- Я боялась, что Райдер оставит меня! Я боялась, что он откажется от меня! А я его слишком люблю! Теперь вы видите, что я за особа! И я еще могу рассказывать вам об этом. Разве после этого мне есть чего стыдиться? Разве еще что-нибудь может унижить меня? И что я могу еще сделать, кроме того, как пойти к Уотерману и постараться исправить то, что я сделала?

Монтегю был потрясен ее унижением.

- Люси!.. - попробовал он возразить.

Но она снова схватила его за руку.

- Аллан! - шептала она, - я знаю, что вы испытываете потребность остановить меня. Но это ни к чему не приведет, я должна это сделать! И я не могу слушать вас, от ваших слов мне становится еще тяжелей. Я избрала свой путь, и ничто в мире не остановит меня. Я хочу, чтобы вы оставили меня. И сейчас же! Я не боюсь Уотермана, я больше ничего не боюсь! Меня пугаете только вы и ваше сострадание. Предоставьте меня моей судьбе! И перестаньте обо мне думать.

- Я не могу этого, Люси! - сказал Аллан.

Она приподнялась и попросила кэбмена остановиться.

- Я требую, чтобы вы ушли, Аллан! - закричала она. - Пожалуйста, выходите.

Он еще попробовал уговорить ее, но она буквально выталкивала его из кэба.

- Уходите, уходите! - кричала она, и он, совершенно растерянный, вышел из экипажа.

- Пошел, - закричала Люси кэбмену и захлопнула дверцу. Монтегю, стоя на аллее парка, тупо смотрел, как фонари кэба исчезли за деревьями.

Глава 21. Мысль о Бейтсе

Монтегю шел по парку, не отдавая себе отчета, куда идет. Мысли его путались, и он не видел ничего вокруг. Вероятно, он провел около двух часов, расхаживая по парку, пока, наконец, не остановился на перекрестке. Стрелки больших часов на здании ювелирного магазина показывали два.

Аллан огляделся. На противоположной стороне улицы как раз перед ним возвышалось здание, на котором светилась реклама "Экспресса". В голове у него мелькнула мысль о Бейтсе. "Приходите после того, как газета выйдет", - сказал ему репортер.

Монтегю вошел в здание.

- Мне бы хотелось видеть мистера Бейтса, репортера, - сказал он.

- Редакция городских новостей. Одиннадцатый этаж.

Угрюмый полусонный мальчик сидел в коридоре.

- Здесь ли мистер Бейтс? - спросил Аллан.

- Не знаю, - сказал мальчик и медленно сполз со стола.

Монтегю вручил ему свою карточку, и мальчик исчез.

- Пройдите туда, - сказал он, вернувшись.

Монтегю очутился в огромном помещении со множеством конторок. Здесь царил полнейший беспорядок; весь пол сплошь был завален бумагой. Репортеры (их было человек двенадцать) уже собирались уходить и надевали пальто.

- Вон Бейтс, - сказал мальчик.

Монтегю увидел репортера, который сидел перед конторкой, закрыв лицо руками. "Устал", - подумал Монтегю.

- Привет, Бейтс! - сказал он, но увидев бледное лицо репортера, вздрогнул от неожиданности.

- Что случилось?

Прошло с полминуты, прежде чем Бейтс смог ответить.

- Меня уволили, - прошептал он.

- Что? - с трудом выговорил Монтегю.

- Меня уволили! - повторил Бейтс и ударил кулаком по столу. - И перечеркнули весь мой сенсационный репортаж. Взгляните-ка сюда, сэр, - прибавил он, раскладывая перед Монтегю два столбца гранок с заголовком, набранным жирным шрифтом: "Банкротство Готгамского треста". Гранки были накрест перечеркнуты синим карандашом. - Издатель снял из номера весь материал.

Монтегю не находил слов. Он сел рядом с Бейтсом.

- Как же это произошло?

- Тут нечего рассказывать, - сказал Бейтс, - они не хотят этого печатать. И все.

- Но отчего вы не передали статью в другую газету? - спросил Монтегю.

- Слишком поздно, - сказал Бейтс. - Негодяи! Они даже не известили меня. - Он разразился целым потоком проклятий. Затем рассказал Монтегю, как было дело.

- Я пришел уже в половине одиннадцатого и представил отчет редактору. Тот чуть с ума не сошел от радости и велел немедленно сдавать материал в набор на первую полосу в два столбца и все прочее, как полагается. И вот мы с Родни уселись за работу. Он сочинил отчет, я дал детали... О, мой бог, какой был материал! Все прочли и завизировали. Но через час или два, когда все было набрано, явился Ходжес - один из владельцев газеты, как вам известно. "Что это такое?" - раскричался он, когда прочел статью. Затем пошел к редактору. У них произошла стычка по этому поводу. "Никогда газета, которую я финансирую, не напечатает ничего подобного!" - заявил Ходжес; редактор пригрозил уходом, но и этим не смог сломить его упрямства. Я узнал обо всем лишь тогда, когда верстка уже пошла в типографию.

- Что же так испугало Ходжеса? - спросил Монтегю.

- А вот что, - сказал Бейтс. - Ходжес заявил редактору: "Если мы напечатаем этот материал, а директора банков не собирались и не приняли никакого решения, то на нас падет ответственность за дискредитацию Готтамского треста". Но все это вздор. Ведь ему хорошо известно, что у нас есть доказательства, что конференция действительно состоялась!

- Это, конечно, не аргумент, материал можно было пускать смело, - сказал Монтегю.

- Конечно, - сказал Бейтс. - Мы добились бы самого большого успеха, какой газета когда-либо имела, если бы "Экспресс" был действительно порядочной газетой. Но Ходжес не захотел напечатать статью. Он служит своим господам, кто бы они ни были. Я знал, что его участие в "Экспрессе" приведет к потере лица газеты. Он и раньше был издателем одной из газет и составил себе состояние продажей политических новостей. Ходжес снабжал финансовой информацией банкирские конторы Уаймана. Я могу это доказать. Вот с какой дилеммой приходится сталкиваться. К чему же теперь вся эта погоня за новостями?

Бейтс с проклятьем отшвырнул стул в сторону.

- Идемте отсюда! - сказал он. - Едва ли я еще когда-нибудь вернусь сюда.

Монтегю провел пару часов, расхаживая по улице с Бейтсом, который рассказывал ему о разных столичных газетах. Затем он, совершенно измученный, отправился домой, но спать не мог. Аллан долго сидел в кресле. В воображении его рисовались картины паники, которая должна разразиться на бирже. Наконец, он прилег, но не успел сомкнуть глаз, как

утро ярким солнечным светом заявило о своих правах. В восемь часов Аллан встал, подошел к телефону и позвонил Люси.

- Позовите, пожалуйста, миссис Тэйлор, - сказал он.

- Ее нет дома.

- Пригласите тогда к телефону горничную.

- Говорит мистер Монтегю, - сказал он, услышав женский голос. - Где миссис Тэйлор?

- Она не возвращалась, сэр, - ответила горничная.

Монтегю должен был идти в контору. Он принял ванну, побрился, выпил кофе и вышел на улицу. На Уолл-стрит даже в такой ранний час люди толпились, собирались группами. Слухи, ходившие уже со вчерашнего дня, сегодня приобрели определенность. Ничего не слышно было о Готтамском тресте, но, когда в полдень Монтегю возвращался из суда, мальчики, выкрикивающие газетные новости на перекрестках, уже объявили о принятом банкирами решении. Люси не удалось спасти Райдера. Удар был нанесен.

В этот день на бирже началась паника. Тяжело было смотреть на людей с искаженными от страха, ужаса и волнений лицами. Но суд продолжал свою работу, его не касался крах Готтамского треста, и Монтегю должен был выступать с речью как защитник. Он поздно вышел из суда и, несмотря на то, что банки уже закрылись, видел толпы людей, собравшихся перед дверями компаний. Газеты писали, что натиск на Готтамский трест уже идет всюду.

В своей конторе Аллан нашел телеграмму от брата (Оливер все еще был в горах Адирондаг): "Деньги в Федеральном банке, телеграфируйте первом признаке тревоги".

Он ответил, что оснований для беспокойства нет, но пока ехал на фуникулере, обдумал, как поступить, и принял решение. В предприятие Прентиса он вложил около шестидесяти тысяч долларов - больше половины всего своего состояния. Прентис заявил ему, что банк вполне надежен. Он верил этому и решил для себя, что не поддастся панике, что бы ни случилось.

Монтегю пообедал дома с матерью, а потом вновь отправился на квартиру Люси, так как все время думал о ней. В вечерних газетах он прочел, что Стенли Райдер вышел из Готтамского треста.

- Дома ли миссис Тэйлор? - спросил он, назвав себя.

- Миссис Тэйлор просит вас подождать, сэр.

Монтегю остался ждать в прихожей. Через несколько минут мальчик принес ему записку. Он разорвал конверт и прочел следующие строки, явно написанные дрожащей рукой:

"Дорогой Аллан! Благодарю вас за то, что вы пытаетесь оказать мне помощь, но я не могу принять ее. Пожалуйста, уходите. Лучше, если вы забудете обо мне. Люси".

Между строк проскальзывала такая душевная мука, что Аллан готов был разрыдаться, но ему больше нечего было здесь делать. Он вернулся на Бродвей и пешком отправился домой.

Монтегю чувствовал, что следует поговорить с кем-нибудь, раньше чем принять для себя окончательное решение. Он подумал о майоре и отправился в клуб, но паника на бирже прогнала оттуда всех, в том числе и майора. Он собирался на какую-то конференцию, и у него хватило времени только на то, чтобы поздороваться с Монтегю и посоветовать ему "убрать паруса".

Тогда Монтегю вспомнил о Бейтсе и направился в "Экспресс".

Он нашел репортера сидящим у стола без сюртука, окруженного кипами газет. Монтегю решил уйти, чтобы не мешать.

- Подождите. Я сейчас освобожусь, - сказал Бейтс.

- Вижу, вы вернулись, - заметил Аллан.

- Я, как старая лошадь на мельнице, - ответил Бейтс, - куда я денусь.

Он откинулся на спинку кресла, заложив пальцы за жилет.

- Итак, - сказал он, - они осуществили свой смертоубийственный план.

- Вот именно.

- Но этого им еще мало. Теперь они преследуют другую дичь.

- Кого еще?

- Я брал интервью у Дэвида Уорда по поводу Банковской расчетной палаты,

- сказал Бейтс. - Со мной был Гарри из "Курьера". Уорд по обыкновению распространялся с полчаса. Он рассказал нам о доблестных попытках банкиров остановить панику, заметив, что Федеральный банк тоже в опасности. Поэтому было принято особое решение, способное его спасти.

"Представьте, ведь не было ни малейшего повода опасаться за судьбу этого банка", - заметил Уорд. - "Мы можем опубликовать наше интервью?" - спросил Гарри. - "Разумеется!" - ответил Уорд. - "Но это вызовет новую панику", - сказал Гарри. - "Что поделаешь. От фактов никуда не денешься. А потому и публикуйте". Что вы об этом скажете?

Монтегю нахмурился.

- Мне казалось, они обещали поддержку Прентису!

- Да, - сердито сказал Бейтс, - а теперь они собираются его уничтожить.

- Вы полагаете, что Уотерман знает об этом?

- Без сомнения, Уорд только один из его агентов.

- И "Курьер" это напечатает, вы думаете?

- Почему бы и не напечатать. Я спросил Гарри, поместит ли он этот материал, и тот ответил утвердительно. Я сказал ему, что это вызовет новую панику, и получил ответ: "А мне-то что за дело!"

Монтегю несколько минут сидел молча. Наконец, он произнес:

- Уверен, что Федеральный банк вполне надежен.

- Я в этом не сомневаюсь, - ответил Бейтс.

- Тогда в чем же...

Бейтс перебил его.

- Спросите у Уотермана. Вероятно, между ними произошла какая-то ссора. Дан хочет кого-нибудь прижать. Может быть, просто надеется, что банкротство второго концерна еще больше напугает президента. Или, быть может, он хочет вызвать падение каких-нибудь акций. Я слышал, он выделил семьдесят пять миллионов на приобретение акций, и не удивлюсь, если этот слух оправдается. Кстати, Нефтяной трест обделал еще одно дельце! Электрическая компания также на краю краха. А ведь это соперник одного из предприятий треста.

Монтегю подумал немного.

- Для меня это очень важная новость, - сказал он. - Часть моих денег вложена в Федеральный банк. Полагаете ли вы, что он может пошатнуться?

- Я говорил с Родни. Он слышал, что Уотерман поможет Прентису. Единственное, что можно хорошего сказать о старом Дане, это то, что он никогда не изменяет своему слову. Поэтому я полагаю, что он спасет его.

- Но зачем в таком случае распускать подобные слухи?

- Неужели вы не понимаете, - сказал Бейтс, - да им надо разыграть роль спасителей.

- Да, - заметил Монтегю мрачно.

- Это так же верно, как то, что я говорю с вами. Завтра утром, когда появится статья в "Курьере", объявят, что это чушь, бредни какого-то там репортера. И тут в качестве благодетеля выступит Уотерман. Вот будет комедия!

- Как вы думаете, - сказал Монтегю, - не следует ли предупредить Прентиса. Он мой близкий друг... Впрочем, сомневаюсь, чтобы это принесло ему пользу.

- Бедному старому Прентису никто не в силах помочь. Вы только лишите его сна на всю ночь.

Монтегю ушел. Перед ним вставали вопросы, требовавшие немедленного решения. Возвращаясь домой, он прошел мимо великолепного здания Готтамского треста, перед которым собралась целая толпа, готовившаяся провести тут всю ночь. До полудня возбужденная публика осаждала здание. Миллионы долларов были выданы в течение нескольких часов. Монтегю знал, что завтра утром такая же толпа будет осаждать подъезд Федерального банка, но не собирался менять своего решения. Тем не менее он послал телеграмму Оливеру, чтобы тот немедленно возвращался.

Дома Монтегю ждало письмо Люси.

"Дорогой Аллан, - писала она, - вы, наверное, слышали новость о том, что Райдеру пришлось выйти из Готтамского треста, но частично я выполнила свою задачу. Уотерман обещал, что, когда паника утихнет, он поможет Райдеру вновь встать на ноги. Пока что мне советуют уехать. Это, наверное, лучше всего - помните, и вы уговаривали меня уехать. Райдер не может встретиться со мной: его преследуют репортеры. Я прошу вас не пытаться меня искать. Я сама себе противна, и вы меня никогда больше не увидите.

Но кое-что вы еще можете для меня сделать. Помогите Стенли Райдеру, дайте ему совет, как привести в порядок его дела. У него нет теперь друзей, и он в отчаянном положении. Сделайте это для меня. Люси".

Глава 22. На следующий день

На следующий день в восемь утра пришел поезд из Адирондак. Оливер сразу же с вокзала позвонил Аллану:

- Видел ли ты сегодня "Курьер"?

- Нет, - ответил Монтегю, - но знаю, что в нем напечатано.

- О Федеральном банке?

- Да. Поэтому я тебе телеграфировал.

- Но отчего же ты тогда не в городе?

- Я решил не забирать своего вклада.

- Что?

- Я уверен, что банк надежен, и не желаю оставлять Прентиса в беде. Ты же можешь поступить так, как тебе угодно.

Прошло какое-то время, прежде чем Оливер нашел что ответить.

- Благодарю! - сказал он. - Тебе следовало бы еще кое-что сделать: послать кого-нибудь, чтобы занять для меня очередь. Ты с ума сошел. Но сейчас нет времени говорить об этом. Прощай.

И он бросил трубку.

Монтегю оделся. Во время завтрака он просмотрел "Курьер" и в хронике событий дня нашел роковое заявление по поводу Федерального банка.

Монтегю с интересом читал газеты и следил за тем, как они преподносят происходящие события публике. То, о чем нельзя было умолчать, то есть события, о которых уже говорили везде и всюду, освещались широко. Но нигде не было ни малейшего намека на причину всего происходящего.

Можно было подумать, что все страсти в банковском мире возникали как неожиданные вспышки молний на ясном небе. И с каждым днем отводилось все больше места уверениям, что несчастья вчерашнего дня последние.

Отправившись в город, Монтегю специально проехал одну остановку, чтобы пройти мимо здания Федерального банка. Он увидел толпу у входа, причем люди все время подходили. Полицейские сначала спокойно расхаживали по улице, но потом вынуждены были, чтобы установить порядок, выдавать акционерам номера.

Монтегю искал брата, но, сделав несколько шагов, с удивлением увидел коротенькую, толстую, седовласую фигуру майора Винебл.

- Винебл! - крикнул он.

Майор повернулся.

- Монтегю! Боже мой, вы пришли как раз кстати, чтобы спасти меня от смерти!

- Что случилось?

- Мне нужен стул! - с трудом произнес майор, причем его багровое лицо казалось готово было лопнуть от напряжения. - Я стою здесь уже целых два часа, и если бы вы не подошли, сел бы прямо на тротуар.

- Где же мне взять стул? - спросил Монтегю, с трудом удерживаясь от смеха.

- На Бродвее, - сказал майор. - Зайдите в любую лавку и купите. Заплатите, сколько спросят - мне все равно.

Монтегю отправился в магазин, торговавший изделиями из кожи, где увидел несколько плетеных стульев. Объяснив продавцу, в чем дело, он предложил ему пять долларов за стул. Тот не соглашался. Поторговавшись, Аллан купил стул за десять долларов. Продавец при этом заявил, что даже и в этом случае он рискует навлечь на себя неудовольствие хозяина. За пятьдесят центов Монтегю нанял мальчика, чтобы тот отнес стул, и с торжеством вернулся к своему почтенному другу.

- Я никогда не думал, что вы можете оказаться в подобном положении, - заметил он, - я полагал, вы все всегда знаете заблаговременно.

- Монтегю! - простонал Винейбл. - Но ведь у меня здесь четверть миллиона!

- А у меня здесь, пожалуй, четвертая часть моего состояния, - сказал Монтегю.

- Как? - удивился майор. - Так о чем же вы думаете?

- Я намерен их тут и оставить, - заявил Монтегю. - Я думаю, что сегодняшние известия в "Курьере" не больше, как газетная утка. Банк надежен.

- Но посмотрите, что делает публика!

- Она и будет паниковать, если каждый последует вашему примеру. Вам ведь не нужна сейчас эта четверть миллиона. Вам что, нечем уплатить за завтрак?

Майор не нашел что ответить.

- Вы вносите свои деньги в какой-либо банк, - продолжал Аллан, - причем вам известно, что он обязан иметь только пять процентов вкладов в наличии, а выплатить должен вам все сто процентов. Как можно рассчитывать на то, что такое условие выполнимо?

- Я не рассчитываю на это, - сердито отвечал майор, - а на то, что по первому требованию получу свои деньги из этих пяти процентов. - И, взглянув на длинный хвост людей, стоявших позади него, прибавил: - Полагаю, что на меня у них денег хватит.

Монтегю прошел вперед и увидел брата. Впереди него стояло всего лишь два десятка людей. По-видимому, те вкладчики банка, которые успели прочитать газету до восьми утра.

- Может быть, и тебе нужен стул? - спросил Монтегю. - Я только что добыл стул для майора.

- Так и он здесь? - воскликнул Оливер. - Боже милостивый! Нет, мне не нужен стул, моя очередь подходит. Однако, Аллан, скажи мне, в чем дело? Ты на самом деле полагаешь, что банк надежен?

- Да, - ответил тот. - И не к чему требовать свои вклады. Приходи в контору, когда получишь деньги.

- Еще полминуты, и я опоздал бы на поезд, - сказал Оливер. - Бедный Берти Стюайвесант не поспел и приедет экспрессом. У него здесь около трехсот тысяч. Он собирал их на новую яхту.

- Вероятно, строители яхт теперь прогорят, - заметил Монтегю, уходя.

В это утро он услышал, что генерал Прентис, как член правления Готтамского треста, голосовал за то, чтобы не закрывать банк. Но как президент Федерального банка он забрал из Готтамского треста миллион долларов. Ни одна газета ничего не сообщила об этом, но слухи передавались из уст в уста, и весь город смеялся по этому поводу.

Рассказывали, что эта измена Прентиса так подействовала на членов правления Готтамского треста, что привела к его закрытию.

Так началась паника, очевидцем которой был Монтегю. Все было разыграно как по нотам. Фондовая биржа была совершенно потрясена; некоторые из наиболее надежных акций падали на несколько пунктов между двумя сделками, а Уайман, Хиган и заправила Нефтяного и Стального трестов работали вовсю, чтобы добиться полного краха на бирже. В то же время уполномоченные Уотермана в Вашингтоне беседовали с президентом и представили ему отчаянное положение Миссисипской стальной компании. Финансовое состояние страны было шаткое, ожидалось крупные банкротства. Учитывая сложившуюся критическую ситуацию, Стальной трест соглашался сделать все от него зависящее для спасения экономики страны. Он решил присоединить к себе Миссисипскую стальную компанию, если только правительство не станет этому препятствовать. Такие заверения были получены, и, таким образом, Уотерман достиг своей цели.

Но остался еще один фактор, который не всеми учитывался. Это - широкие слои населения, которые поставляли все эти деньги для игры финансовых воротил, люди, которым доллары были необходимы для удовлетворения жизненных нужд и являлись для них не просто денежными знаками или средством обмена, заменяющим собой карты. Это - мелкие собственники, нуждавшиеся в долларах для уплаты своим служащим по субботам; рабочие, которым деньги были необходимы для уплаты за квартиру, за хлеб насущный; беззащитные вдовы и сироты, для которых они означали спасение от голодной смерти. Этот несчастный люд не понимал, что все эти банки, такие, казалось бы, надежные и способные платить своим вкладчикам, могут быть преднамеренно приведены к банкротству одним лишь ходом в финансовой игре. Услышав о пошатнувшемся положении банков и начавшейся панике, эти люди поняли, как велика опасность. Стало ясно, давно предсказываемый крах угрожает именно им. Толпами бросились они на Уолл-стрит. Весь этот финансовый район заполнили перепуганные

массы людей. Сюда были брошены конные отряды полисменов для наведения порядка.

"Все требуют доллары", - сказал один банкир, характеризуя создавшееся положение. Уолл-стрит до сих пор обдeldывал дела, пользуясь бумагами взамен реальных денег, а теперь вдруг кому-то потребовался настоящий доллар. И тут выяснилось, что доллар-то исчез. Выход народа на сцену стал событием, к которому финансовые воротилы совершенно не были подготовлены: они забыли о народе. Это походило на катаклизм в природе, которая зачастую смеется над человеком и приводит его в паническое состояние. Люди словно наблюдали за приближающейся лавиной: они видят, как поднимается облако пыли, слышат непонятный шум и знают, что через одну или две секунды лавина обрушится им на голову и всех раздавит. Толпы людей перед зданиями Готтамского треста и Федерального банка блокировали эти учреждения. Каждый час приносил новые известия: блокада распространялась на тот или другой банк. Среди толпы пайщиков были женщины, ломавшие руки и кричавшие от нервного возбуждения; старики, плохо державшиеся на ногах; едва поднявшиеся с постели больные, стоявшие у банков уже сутки, дрожа от холодного октябрьского ветра.

Люди бросились и в ссудные кассы; в Ист-Сайде тревога охватила иммигрантов. Паника с быстротой молнии распространилась по стране. Начался штурм банков и в других городах. Десятки тысяч банков со всех концов страны требовали от столицы денег, денег и денег. Но их не было. Таким образом, мультимиллионеры увидели, к своей досаде, что ими спущено с цепи такое чудовище, с которым уже, пожалуй, им и не справиться. Крах грозил и тем банкам, в которых они сами были заинтересованы. При подобной безумной панике даже двадцати пяти процентов наличных денег национальных банков не могло хватить для удовлетворения потерявших голову вкладчиков. На закупку зерна и хлопка Нью-Йорк потратил сотни миллионов. Теперь не было никакой возможности где бы то ни было добыть средства для выплаты вкладов. Куда ни обращались дельцы, всюду они сталкивались с недостатком денег: ничего нельзя было продать, нигде нельзя было получить займа. Те, кому удалось взять наличные, прятали их в металлические шкафы и сейфы.

Таким образом, добившись исполнения своих желаний, банкиры были вынуждены теперь укрощать выпущенного ими на волю зверя. Тревожные телеграммы пошли в Вашингтон. В результате министерством финансов было внесено шесть миллионов долларов в национальные банки столицы, а затем и сам министр прибыл в Нью-Йорк на совещание.

Обратились к Дану Уотерману, всеми признанному главе банкирского мира. Ввиду грозящей всем опасности соперничество различных компаний прекратилось, и Уотерман внезапно превратился в самодержца с неограниченной властью над всеми банками в городе. Правительство оказалось в его руках. Министр финансов превратился в клерка миллионера, а управляющие банками и разного рода финансисты, подобно перепуганным

детям, бросились в его контору. Самые самоуверенные и смелые люди, подобные Уайману и Хигану, исполняли все его приказания и почтительно выслушивали его.

Все эти события - исторический факт, и их развитие можно проследить изо дня в день по газетам. Уотерман привел к панике и сделал это втайне от народа. Никто о нем не ведал, никто его не подозревал. Но теперь газетные репортеры присутствовали на всех конференциях и следовали за Уотерманом повсюду, где бы он ни появлялся, и усердно рекламировали этого "испытанного в боях ветерана, вступившего в последнюю отчаянную битву за спасение чести и финансов".

Американцы прислушивались к каждому его слову, молились за него. Министр финансов сидел в нью-йоркском отделении государственного казначейства; по его чекам выдавали правительственные субсидии.

Тридцать два миллиона долларов были таким образом переданы в национальные банки. Уотерман брал их оттуда и передавал в сейфы банков, терпящих крах. Время было такое, что банкротство каждого промышленника грозило общей опасностью и никто не должен был оставаться в стороне. Уотерман распорядился как деспот, властный и грозный. Управляющий одного из банков заявил: "Я позаботился о своем банке и теперь намерен дожидаться, пока утихнет буря". - "Если вы так поступите, - отпарировал Уотерман, - то я возведу вокруг вас такую стену, что вы никогда не выйдете из своего банка". И банкиру пришлось-таки дать необходимые миллионы для общего дела.

Центром, вокруг которого шла битва, явился Федеральный банк. Было признано, что если падет бастион Прентиса, то это приведет к общему поражению. Все длиннее и длиннее становились ряды ожидающих выплаты вкладчиков; сейфы банков опустели. Кассиры стремились выплачивать деньги как можно медленнее. Полчаса требовалось только для просмотра одного чека. Так они действовали в ожидании поступления новых вкладов. Городские ссудные кассы приняли решение закрыть свои двери, опираясь на законное право, дающее им льготный шестидесятидневный срок для оплаты. Национальные банки выплачивали свои долги векселями. Газеты взывали к доверию и ободряли публику. Даже мальчикам, выкрикивающим новости, приказано было молчать, чтобы их крики не приводили к еще большей панике. Отряд конных полисменов патрулировал улицы, не давая людям собираться в толпу.

И вот наступил наконец роковой четверг, когда паника достигла своего апогея. Казалось, что над Уолл-стритом нависли черные тучи. Люди бегали взад и вперед, бледные от страха. На бирже напряжение достигло предела. Фондовая биржа, по существу, прекратила свою деятельность. Можно было понижать курс сколько угодно: все равно не было никакой возможности занять хотя бы один доллар. Проценты доходили до ста пятидесяти и даже до двухсот за сто. Можно было предложить тысячу за сто и при этом не получить сколько-нибудь крупной суммы. Маклеры даже не бегали как

обычно по залу и стояли молча, не глядя друг на друга. Таких времен никто не помнил.

Правительство пока отказывало в денежной поддержке бирже. Считалось, что оно не должно помогать биржевым игрокам. Казалось, наступил час, когда биржа закроется. Тогда разорятся тысячи фирм и торговля в стране будет парализована. Пришло известие, что в Питсбурге биржа уже закрылась. Перепуганные монополисты вновь собрались у Уотермана. Опять потекли правительственные суммы в банки, а из банков к Уотерману. В самый острый момент кризиса стало известно, что Уотерман дает ссуду в двадцать миллионов долларов из десяти процентов.

Таким образом, гибель была предотвращена. Биржевые маклеры не знали, куда деваться от радости, по всей Уолл-стрит раздавались крики "ура!". Толпа народа собралась приветствовать Уотермана перед зданием его конторы.

Изо дня в день Монтегю следил за этими событиями. Он проходил в этот четверг вечером по Уолл-стриту и слышал ликующий рев толпы. Аллан свернул в сторону, на душе у него было больно и горько. Можно ли было сочинить более трагическую по своей иронии пьесу, чем та, которая возвеличивала перед всей страной, как спасителя, человека, ответственного за все бедствия! Не было ли это самой яркой иллюстрацией наглого обмана населения кучкой сильных мира сего?

Был только один человек, с которым Монтегю мог поделиться своими чувствами, только один, кроме него, знавший истину. У Монтегю появилась привычка: закончив работу, заходить в здание "Экспресса" и выслушивать ворчание Бейтса.

Репортер ежедневно получал свежие новости из верных источников, не только те, что публиковались в газетах, но и те, которым было не суждено появиться в печати. И у него и у Монтегю оказалось достаточно причин для возмущения. То это была передовая "Экспресса", в которой указывалось, что резкие речи и безрассудная политика президента ныне приносят те плоды, каких следовало ожидать, то письмо известного духовного лица, указывающего на Уотермана как на преемника президента.

Многие восхищались великодушием Уотермана, ссудившего двадцать пять миллионов из десяти процентов годовых. Но дал-то он не собственные деньги, а взятые им из национальных банков, а те, в свою очередь, получили их от правительства без уплаты процентов. "Легче всех вышли из положения правления национальных банков, - твердил Бейтс. - Эти сладкоречивые джентльмены пользуются народными деньгами для устройства своих дел. Получая от правительства суммы, за которые не платят даже процента, они сами берут их с народа. Они обладают привилегией выпускать на несколько миллионов банковых билетов и получают на них проценты, а правительству не дают ничего. И, в довершение всего, они пользуются своими барышами для подкупа того же правительства! Стяжатели заполнили своими людьми все министерство

финансов, и, когда национальные банки оказались под угрозой краха, казначейство опустошалось для пополнения их сейфов".

- Иногда кажется, - сказал как-то Аллану Бейтс, - что наш народ находится под гипнозом. Вам известно, мистер Монтегю, какие злоупотребления допускаются со страхованием жизни, а между тем против всех этих зол имеется простое и очевидное средство - если бы у нас существовало государственное страхование, то не было бы банкротств, а игроки с Уолл-стрита лишились бы своих барышей. Это кажется невероятным, но едва ли кто-нибудь в стране так интересовался государственным страхованием, как я, и, однако, за все время ни одна заметка по этой проблеме не попала в печать.

Монтегю поразили эти слова.

- Я сам бы в это никогда не поверил! - воскликнул он.

А Бейтс пожал плечами:

- Вот так-то оно и есть на самом деле!

Глава 23. Монтегю несколько дней думал о просьбе

Монтегю несколько дней думал о просьбе Люси. Выполнить ее ему было нелегко, но он все же решился и отправился к Райдеру.

- Мистер Райдер занят, сэр, - сказал дворецкий, которому Аллан вручил свою визитную карточку.

- Я по важному делу, - сказал Монтегю, - передайте ему карточку.

Он остался ждать в пышной приемной, потолок которой был расписан в духе старых итальянских мастеров.

Наконец дворецкий вернулся.

- Мистер Райдер ждет вас, сэр.

Монтегю поднялся на лифте в квартиру Райдера. Посредине гостиной стоял большой письменный стол, заваленный множеством бумаг, за ним в кресле сидел Райдер.

Монтегю редко видел людей, охваченных таким горем. Щеголеватый светский денди за одну неделю стал стариком.

- Мистер Райдер, - начал Аллан, когда они остались вдвоем. - Я получил письмо от миссис Тэйлор, в котором она просила меня вас навестить.

- Знаю, - сказал Райдер, - это на нее похоже, и очень мило с вашей стороны.

- Если я чем-либо могу вам быть полезен...

Райдер перебил его.

- Мне ничего не надо, - сказал он.

- Может быть, я могу помочь вам привести в порядок ваши личные дела?

- Тут уже ничем не поможешь, - сказал Райдер, - у меня нет ни одного доллара.

- Неужели это возможно? - поразился Монтегю.

- Но это так! - воскликнул Райдер. - Я испробовал все, пытался прикинуть и так и эдак, пока все не спуталось в голове.

Он взглянул на бумаги, лежавшие перед ним в беспорядке, и в отчаянии закрыл лицо руками.

- Быть может, на свежую голову тут легче разобраться, - уговаривал его Монтегю. - Трудно допустить, чтобы человек с вашими средствами мог остаться без гроша.

- Все, что я имею, заложено. Я занимал деньги направо и налево, рассчитывал на прибыли, на рост стоимости имущества. А теперь все пропало. Нечем покрыть долги.

- Но мистер Райдер, нет сомнения, что застой на бирже - явление временное. Ценности восстановятся.

- На это уйдут годы... годы! А я пока вынужден все продать. Они отняли у меня все... они меня уничтожили! Мне не на что жить.

Монтегю несколько секунд обдумывал, что сказать.

- Миссис Тэйлор писала мне, что Уотерман... - начал он.

- Знаю, знаю! - воскликнул Райдер. - Надо же ему было ей что-нибудь сказать, чтобы получить то, чего он добивался.

Монтегю ничего не ответил.

- Но если даже он выполнит свое обещание? Он так делал раньше. И стоит ли мне идти в услужение Дану Уотерману? Так, как это сделал Джон Лоуренс. Вы слышали о Лоуренсе? Он был банкиром, одним из старейших в городе, и не захотел подчиниться Уотерману. Тогда тот решил его уничтожить и отнял все, что Лоуренс имел. Банкир стал ползать перед ним на коленях. "Я вам показал, кто ваш господин, - сказал Уотерман, - можете получить ваши деньги". Теперь Лоуренс раболепствует перед ним; он стал богат и толст. Но банк его существует исключительно для того, чтобы выдавать деньги, когда у Уотермана их избыток, и требовать обратно, когда Уотерман продает акции.

Монтегю не знал, что и ответить.

- Мистер Райдер, - начал он, наконец, - я не могу быть вам полезен, потому что незнаком с обстоятельствами дела. Но я всегда в вашем распоряжении. Я приложу все усилия, чтобы помочь вам, если позволите. Это все, что я имею вам сказать.

Райдер поднял глаза, и его бледное с синяками под глазами лицо просветлело.

- Спасибо, мистер Монтегю, - сказал он. - Как это мило с вашей стороны! Становится легче, когда слышишь слово сочувствия. Я... я дам вам знать.

- Всего доброго, - сказал Монтегю, вставая.

Он протянул руку, и Райдер крепко пожал ее.

- Благодарю вас! - сказал он еще раз.

Монтегю сошел по большой лестнице. Внизу он встретил дворецкого, который нес кофе.

Аллан остановил его.

- Мистера Райдера не следует оставлять одного. И надо послать за его врачом.

- Да, сэр, - начал тот и внезапно смолк.

Сверху раздался выстрел, и эхо гулко разнеслось по всему дому.

- Боже мой! - воскликнул дворецкий.

Он не то кинул, не то поставил куда-то поднос с кофе и ринулся вверх по лестнице.

Монтегю замер на месте. Он видел, как из столовой выбежал другой слуга и тоже помчался наверх. Аллан быстро повернулся и направился к двери.

"Тут уж я ничем не могу помочь, - подумал он. - Только впутаю Люси во все это".

Он открыл дверь и тихо вышел.

На следующий день Монтегю прочел в газетах, что Стенли Райдер застрелился.

В то же утро газеты Денвера (Колорадо) сообщили о загадочном самоубийстве неизвестной женщины, занимавшей одну из комнат в отеле и принявшей яд. Эту красивую даму посчитали за актрису. При ней не было никаких документов, удостоверяющих ее личность. Местные газеты напечатали ее фотографию, но Монтегю не читал этих газет и так ничего и не узнал о судьбе Люси Дюпрэ.

Паника прекратилась, однако экономика страны была расстроена. В течение недели в банковских и коммерческих предприятиях, даже самых мелких, наблюдался застой. Сотни фирм обанкротились, и закрылись тысячи заводов и мануфактур. Миллионы людей остались без работы. Все лето железные дороги не справлялись с перевозками, а теперь четверть миллиона товарных вагонов стояли без движения. Повсюду царили голод и нищета. Казалось, огромная разрушительная волна, поднявшаяся в Нью-Йорке, пронеслась по всей стране. Даже океан не приостановил ее движения: она докатилась до Англии и Германии, ее почувствовали в Южной Америке и Японии.

Однажды, когда Монтегю еще не опомнился от всего пережитого, он встретил Лауру Хиган, выходящую из магазина и направляющуюся к своему экипажу.

- Мистер Монтегю! - воскликнула она и остановилась, приветливо улыбаясь. - Как поживаете?

- Благодарю вас, - ответил он.

- Вы, верно, были очень заняты в эти страшные дни?

- Да нет. Больше наблюдал, чем делал, - ответил он.

- Как поживает Алиса?

- Здорова. Вы, вероятно, слышали о ее помолвке?

- Да, - сказала мисс Хиган. - Гарри сказал мне. Я рада за нее. Вы в город? - спросила она. - Я подвезу вас.

Он сел к ней в экипаж, и они влились в уличный поток. После нескольких незначущих фраз мисс Хиган вдруг спросила:

- Не придете ли вы с Алисой пообедать к нам как-нибудь на неделе?

Монтегю замялся.

- Отец теперь дома. Мы будем вам очень рады.

Монтегю сидел, глядя прямо перед собой.

- Нет, - сказал он наконец тихо. - Мне лучше не приходить.

Его тон еще более, чем сами слова, поразил мисс Хиган. Она удивленно посмотрела на него.

- Почему? - начала она и умолкла. Наступило тягостное молчание.

- Мисс Хиган, - сказал наконец Монтегю. - Я мог бы найти какой-нибудь предлог отказаться, мог сказать, что уже принял чье-либо приглашение или очень занят. Ведь в нашем кругу не принято говорить правду. Но что-то заставляет меня быть с вами откровенным.

Аллан смущенно опустил глаза. Мисс Хиган изумленно посмотрела на него и спросила:

- Где же правда?

- Мне не хотелось бы опять встречаться с вашим отцом.

- Почему? Между вами что-то произошло? - сказала она испуганно.

- Нет, - ответил он. - Я не видел вашего отца с тех пор, как завтракал с вами в Ньюпорте.

- Тогда в чем же дело?

Аллан задумался на минуту, а потом сказал:

- Мисс Хиган. Я с трудом пережил эту панику. И я не могу забыть самоубийства Райдера, не могу изгнать из своей памяти картину бедствия многих людей. Для меня это слишком страшная вещь - крушение надежд десятков тысяч. И я едва ли гожусь теперь для светской жизни.

- Но мой отец? - запротестовала она. - При чем тут мой отец?

- Ваш отец - один из тех, на ком лежит ответственность за эту панику. Он содействовал ее возникновению, и он воспользовался ею.

Стиснув пальцы рук, она растерянно глядела на него.

- Мистер Монтегю, - с трудом выговорила она.

Он не ответил. Они долго молчали.

- Вы уверены в этом? - прошептала, наконец, мисс Хиган.

- Да.

- Я не особенно разбираюсь в делах моего отца и могу принять ваши слова только на веру. Но то, что вы сказали, ужасно.

- Пожалуйста, постарайтесь понять меня, мисс Хиган, - сказал Монтегю. - Вообще-то я не имел права рассказывать вам все это...

- Я предпочитаю, чтобы мне говорили правду, - сказала она.

- Я верю, поэтому и решил вам все рассказать.

- Но что же он все-таки сделал?

- Я предпочел бы не отвечать. Я не судья вашему отцу. Я боюсь оказаться в тисках этого мира. Я проследил карьеру многих дельцов, одного за другим. Они принимаются за дела, втягиваются в них и становятся готовыми на любую подлость. То, что мне пришлось увидеть здесь, в Нью-Йорке, привело меня в ужас. Все протестует во мне против такого порядка, и я хочу бороться с ним, бороться всю жизнь. Вот почему я отказываюсь поддерживать с этими людьми светские отношения. Я не могу приходить в дом и подавать руку тем, кто бессовестно обирает других.

Мисс Хиган долго не отвечала, а когда заговорила, голос ее дрожал.

- Мистер Монтегю. Не подумайте, что я ни о чем не догадывалась. Но что можно сделать?

- Не знаю. А мне хотелось бы это знать. Одно только скажу вам я: не успокоюсь, пока не найду ответа на этот вопрос.

- С чего вы думаете начать? - спросила она.

- Займусь политикой. Попытаюсь открыть глаза людям.